
ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 47 (1848)

18 НОЯБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Кубанычбек МАЛИКОВ

* * *

Еще по дому бродит тихий сон,
Но раньше всех,
Мечтою увлечен,
Поднялся смуглый мальчик
в синей майке.
Облокотясь на стол, рисует он.

Все четче резвый бег
карандаша.
Скользит рука, бумагою шурша.
Рисует сын мой и не замечает,
Как я над ним склонился
не дыша.

И на бумаге, залитой зарей,
Растет лицо с широкой
бородой,
И вот уже на взморье
с автоматом
Зовет вожак бойцов
на смертный бой.

Ни разу сын не рисовал отца,
Не рисовал и матери лица,
Нарисовал он с детскою
любовью
Героя Кубы, славного борца.

И вот, сердцами нашими
согрет,
Висит на стенке маленький
портрет.
Кто б ни вошел, невольно
улыбнется:
В моем дому почетней места
нет.

Когда на запад, с флотами
врагов
Отхлынут грозы с ваших
берегов,
Ты приезжай, родной Фидель,
к нам в гости,
Под наш киргизский
хлебосольный кров.

Ведь не подвластна никаким
ветрам
Святая дружба наших братских
стран.
Таков закон двадцатого
столетья,
Перешагнувший через океан.

Перевел с киргизского
Анатолий Борцов.

В НОМЕРЕ:

Упорное племя строителей. Вчера они были на Волго-Доне, сегодня — на Волго-Балте, а завтра... Где будут завтра, пока неизвестно. Но обязательно на переднем крае семилетки.

А. КОЛОДНЫЙ
«ЕДИНАЯ ГЛУБОКОВОДНАЯ».

Не знаю, как вы,—
я полностью
за
людей,
которые задают вопросы.

Р. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
«ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ».

Морозной январской ночью 1944 года в лесу около села Осиповки, в ста километрах от Одессы, приземлились десять парашютистов...

И. ИРОШНИКОВА
«ПАРАШЮТИСТЫ».

— Что вы здесь делаете? — просто спросила женщина, как будто мы век были знакомы и вот случайно съехались на прогулке.

Вл. СОЛОУХИН
«НА ЛЫЖНЕ».

— Ведь это... это война!— задыхаясь от волнения, выкрикнул пожилой мужчина, стоявший ближе всех к телетайпу.

Б. СТРЕЛЬНИКОВ.
«КОГДА МИР ВИСЕЛ НА ВОЛОСКЕ...».
Репортаж из Нью-Йорка.

Жизнь за пределами Земли... Сколько споров родила эта проблема! Но уже сейчас бесспорно одно: Марс не мертвый мир.

Ф. ЗИГЕЛЬ
«ЖИЗНЬ В МЕТЕОРИТЕ».

На второй странице обложки: Из кубинских зарисовок художника И. СУЩЕНКО.

К ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

«СОЗДАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ КОММУНИЗМА ТРЕБУЕТ ПОСТОЯННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА И ПЛАНИРОВАНИЯ».

Так сказано в Программе КПСС.

Трудовой подъем, новую волну творческой инициативы масс вызвала весть о созыве Пленума ЦК КПСС, который обсудит вопрос об улучшении партийного руководства промышленностью, строительством и сельским хозяйством.

Работники социалистической промышленности активно осваивают и внедряют в производство новые совершенные машины, механизмы, прогрессивную технологию, осваивают передовой опыт.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ГЛАВНЫЙ КОНВЕЙЕР Горьковского автозавода был пущен тридцать лет назад. Много грузовых автомобилей сошло с него за это время.

Но у горьковчан были свои затруднения. Для новых экспериментальных машин необходим был новый конвейер. И его начали строить. На старом конвейере рабочий должен идти вслед за движущейся машиной. На новом — он перемещается вместе с машиной. Это облегчает труд и увеличивает производительность.

Вся длина главного конвейера, работавшего с 1932 года,— 75 метров. А новая лента, которая в сентябре вступила в строй,— 222 метра.

Теперь завод может выпускать самые разные машины. Например, для перевозки молока, цемента и другие специализированные автомобили. И выпуск основной продукции при этом не снижается.

Сейчас на новом конвейере собираются грузовые автомобили «ГАЗ-53 ф». Это переходная модель от «ГАЗ-51» к «ГАЗ-53». У автомобиля просторная кабина, мягкие сиденья, панорамное лобовое стекло, удобное управление. Автомобиль может перевозить груз весом до четырех тонн при максимальной скорости движения 85 километров в час.

В. ТЕРЕХОВ

Автомобиль «ГАЗ-53 ф».

СТРОИТЕЛЬСТВО

В ЛЕДНИКАХ КАВКАЗСКИХ ГОР берет начало река Ингури. Пробиваясь сквозь скалы, спускаясь с огромной высоты к Черному морю, она таит большие запасы энергии.

В прошлом году на Ингури, в 75 километрах от города Сухуми, началось сооружение мощной гидроэлектростанции.

В диком ущелье будет возведена арочная бетонная плотина высотой 300 метров. Из водохранилища, созданного ею, стремительный поток по напорному туннелю, длиною в 16 километров и диаметром в 11 метров, обрушится на лопасти турбин, установленных в подземном машинном зале на глубине 130 метров.

Подобных сооружений не знала практика энергостроения. Арочная плотина, которую возводят американцы на реке Колорадо, имеет высоту 200 метров.

Пройдя через турбины Ингурской ГЭС, поток воды устремится в русло реки Эрисцкали, на которой будут построены две перепадные ГЭС. Таким образом в Ингурский гидроузел войдут три электростанции.

Когда строительство будет закончено, линия электропередачи соединит станцию с единой энергетической системой Грузии, Азербайджана и Армении.

В этом ущелье на реке Ингури будет построена мощная гидроэлектростанция.

Фото Э. Песова (агентство печати «Новости»).

КОЛЛЕКТИВ МОСКОВСКОГО ЗАВОДА башенных кранов порадует строителей. Новый мачтовый кран-подъемник во много раз повысит производительность отделочных работ при строительстве. Он выгодно отличается от своих старших собратьев. Двухпролетная конструкция смонтирована на легком колесном прицепе и транспортируется одним автомобилем.

Сборка крана на месте работ занимает не более полутора часов, а выносное кнопочное управление позволяет руководить работами прямо с земли. 250 килограммов отделочных материалов кран может подать в окна зданий.

Бригада ударника коммунистического труда Павла Ивановича Артамонова, выполняя взятые повышенные обязательства, досрочно заканчивает монтаж основных узлов нового крана.

М. ЛАВРИК

Фото автора.

На снимке: П. И. Артамонов и молодые сборщики В. Новиков и Е. Комиссаров за монтажом крана.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

500 ТЫСЯЧ ТОНН ТУРКМЕНСКОГО «БЕЛОГО ЗОЛОТА» должна получить Родина. С каждым днем на республиканской доске почета появляются все новые и новые имена передовиков, которые уже выполнили планы по продаже хлопка государству.

На снимке: Уборка хлопка в колхозе «Искра», Куйбышевского района, Чарджоуской области.

Фото С. Корытникова и В. Шехлова.

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

«МАРСУ-1»

Да, это времени примета.
Наш век—стремление вперед!..
Опередив мечту поэта,
Весь мир потрясшая ракета
Вершит космический полет!

В ней сказка многих поколений,
Рук и талантов мастерство;
И всех народов наших гений,
И счастье всех земных
свершений,
И коммунизма торжество!

Павел КУДРЯВЦЕВ

Вот она, старая Мариинка!

Волго-Балтийский водораздел. В этом крае древних городов, озер, легенд и былей русский человек издревле искал пути от Волги к Балтике. Полтора века назад здесь была построена Мариинская система. По тем временам чудо гидротехники, выдающееся достижение науки. На Парижской выставке в конце прошлого века Россия получила золотую медаль за совершенный водный путь.

Сегодня Мариинке 152 года. Верой и правдой отслужено России. Теперь этот «двигатель богатства» доживает последние дни. Устаревшая система стала узким местом, не соединяющим, а скорее разъединяющим бассейны Волги и Балтики.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза есть строки: «Единая глубоководная система соединит основные внутренние водные пути Европейской части СССР». На смену одряхлевшей Мариинской системе идет детище XX века—Волго-Балтийский канал, завершающее звено в единой воднотранспортной системе. Широкая голубая магистраль соединит два бассейна нашей страны.

Начало Волго-Балта—город Вытегра. Конец — город Череповец, на берегу Рыбинского водохранилища. Вот границы стройки, которая представляет собой каскад из пяти гидроузлов. Сюда входят 7 судоходных шлюзов, 3 гидроэлектростанции. Возводится 5 плотин, 20 водонапорных дамб, 6 мостовых переходов, 4 водосброса. Канал вызовет к жизни 4 водохранилища. Самым большим будет Череповецкое — 260 километров длиной.

Не раз приходилось нам слышать добрые слова в адрес проектировщиков. И они их заслужили. Природа не баловала создателей канала своим вниманием. Рельеф трассы трудный, неспокойный. Но авторы проекта сумели разбить падение будущей трассы на равные ступени. Это дало одинаковый напор на гидроузлы и позволило делать однотипные шлюзы. Кстати сказать, их камеры в два раза длиннее, чем на Волго-Доне.

С севера и с юга штурмуют советские люди 361 километр Волго-Балта. Мы двинулись по трассе с юга. И вот почему.

Еще в Москве, в Министерстве транспортного строительства СССР, нам сказали:

— Вас, конечно, интересует самый напряженный участок стройки. Это Череповецкий гидроузел. Советуем начать оттуда. Одно из красивейших сооружений Волго-Балта.

И вот уже старый, потрепанный автобус двинулся от железнодорожной станции Шексна-II к поселку гидростроителей. Слева нет-нет и мелькнет серой ниточкой вода. Это низовья реки Шексны, конец Рыбинского водохранилища.

Белое двухэтажное здание. Здесь находится контора строительного управления 419. Народу полным-полно. В основном молодежь. Это новоселы стройки.

Приятная должность быть новоселом! Они все сделают здесь. Потом уйдут в другое место. И снова станут новоселами.

Кабинет начальника строительного управления обставлен скромно, для работы удобно. Хозяин кабинета Рафаил Абрамович Меширис — крупный, быстрый в движениях человек. На плечах у него видавшая виды кожанка. Сразу появляются на столе карандаш, бумага. И вот уже готова схема Волго-Балта, Череповецкого гидроузла.

В крайнее окно кабинета стройка ГЭС видна, как на экране. Серые утесы стен электростанции, опутанные деревянной опалубкой, бесконечной клеткой арматуры, уже приобрели вполне четкий рисунок. И без конца, насколько хватает глаз, самосвалы, бульдозеры, тракторы...

Такой в первый раз мы увидели Череповецкую ГЭС. Пожалуй, одно из самых интересных и необычных сооружений канала, новинка советской энергетики. Здесь впервые будут установлены турбоагрегаты горизонтального, или капсюльного, типа с повышенным коэффициентом полезного действия. Это даст возможность отказаться от надводных сооружений.

У стен электростанции возьмет начало искусственное море. Оно раскинется на сотни километров, поднимет на целый метр уровень Белого озера, изменит климат прилегающей местности.

На следующий день вместе с Меширисом мы объезжали всю стройку.

Хлопот у строителей сегодня больше, чем обычно. Нужно успеть перекрыть Шексну до первых морозов. Лестничные переходы выводят нас на вершину стройки. Здесь ветер рвет на части плащ, уносит с губ слова. Диву даешься, как держатся сварщики на гудящей от ветра арматуре.

...Шексна — река сложная. Ее извилины, излучины могут запутать кого угодно. Кораблям здесь нелегко. Выпутаешься из одной мышеловки — попадаешь в другую.

Идем шлюзами Мариинской системы. Если машина от Анненского моста до Вытегры успевает за 2,5 часа, то пароход проходит то же расстояние почти за сутки. Вот что такое Мариинка.

Город Вытегра — последняя пристань Мариинки. До революции здешним купцам она приносила немалые барыши. Не случайно гербом города избрали судно под надутыми парусами.

С пуском Волго-Балта старинный город станет портом пяти морей. А пока что XX век здесь конкурирует с XVIII столетием. Уже действуют два новых шлюза, которые заменили девять старых. Белокаменные башни высотой в семиэтажный дом венчают первый шлюз Волго-Балта. Лениво плещется вода в громадном железобетонном аквариуме. Людей не видно. Здесь царствует автоматика.

А неподалеку еще в полную силу трудится старенький, латаный шлюзик Мариинки — жалобный скрип коловорота, усталое потрескивание медленно открывающихся, готовых вот-вот навсегда остановиться ворот. Когда кончится стройка, шлюз решено сдать в музей.

...Его зовут хозяином четвертого шлюза. Да, в общем, так оно и есть! Валентин Леонтьевич Шевцов—старший прораб. Пришел сюда, на четвертый, год назад. В 1955 году он окончил Ленинградский институт инженеров водного транспорта. Потом — злая сибирская Лена. В изыскательской партии определял лучший путь для судов. Но всегда мечтал попасть на большую стройку. И в 1958 году приехал на Волго-Балт.

Волго-Балт богат интересными людьми. В Вологодском музее, в отделе строителей канала, уже сейчас хранится книжка ударника и удостоверение экипажа коммунистического труда экскаватора «Э-652», возглавляемого Яковом Сергеевичем Никоновым. Под его сердитыми, мохнатыми бровями спрятаны добрые голубые глаза. На ладонях — сухие, крепкие мозоли.

На канале Яков Сергеевич сравнительно недавно, с 1961 года. А до этого...

— Котлас — Вельск, угольные разрезы Караганды, Комсомольск-на-Амуре, железная дорога через Сихотэ-Алинский перевал, палатки и морозы Тайшет — Братска, первая железная дорога в братской Монголии, Печорский край...

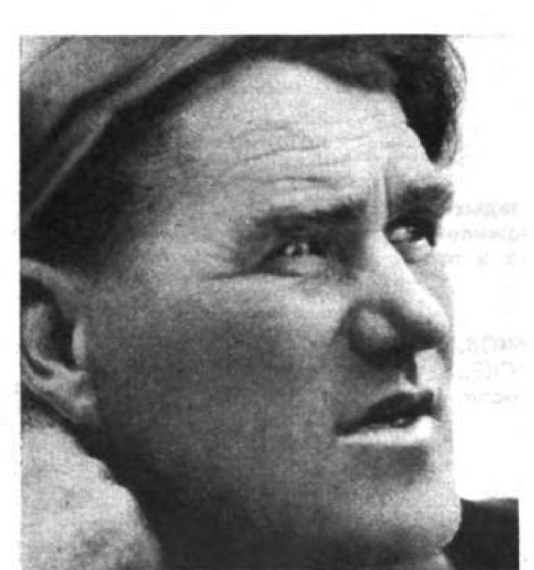
Завидная биография у человека. Двадцать четыре года держат его

Первые трудности...

Огни Волго-Балта.

Яков Сергеевич Никонов.

Король волго-балтских дорог Владимир Александрович Лущик.

К ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

ЕДИНАЯ ГЛУБОК

руки рычаги управления экскаватора.

Впереди всех на трассе идут земснаряды. К экипажу земснаряда № 314, которым руководит В. М. Реус, почта приходит до востребования. Семьсот метров Волго-Балтийского канала уже проложены экипажем. Прошлой зимой лопнула труба пульпопровода. Электромашинист комсомолец Владимир Бобынцев быстро добрался до места разрыва и закрыл трещину своей телогрейкой. Остался парень в одной рубашке. Да так и сдерживал напор воды три с половиной часа, пока товарищи исправляли повреждение.

На тяжелых дорогах трассы встретились мы с Владимиром Александровичем Лущиком, шофером, руководителем бригады коммунистического труда. Пришел он на Волго-Балт в 1955 году из армии вместе со всем своим взводом. «МАЗы» бригады вскоре стали популярны на стройке: работали всегда — в любую погоду, не страшась и 45-градусного мороза.

Самые сложные участки забирает сейчас Лущик со своими товарищами. А начальники СУ выклянчивают на планерках к себе на объекты бригаду делегата XXII съезда партии Владимира Лущика.

Упорное племя строителей. Вчера они были на Волго-Доне, сегодня на Волго-Балте, а завтра... Где будут завтра, пока неизвестно. Но обязательно на переднем крае семилетки...

Новая голубая трасса чрезвычайно нужна стране. Когда в созвездии каналов появится Волго-Балт, грузы, идущие с Волги, Камы и Дона, уже не будут перегружаться в Ярославском и Рыбинском портах на железную дорогу. Тогда стоимость перевозок от Череповца до Ленинграда сократится в пять раз. Новая дорога будет на редкость оживленной. Поток грузов самый разнообразный: нефть из Башкирии, северный лес, никопольская руда, целинная пшеница, карельский мрамор и хибинские апатиты...

Хозяин четвертого шлюза Валентин Леонтьевич Шевцов.

Две-три вспышки — и навечно соединены металлические стержни.

ОВОДНАЯ

А. КОЛОДНЫЙ

Фото Б. Кузьмина.

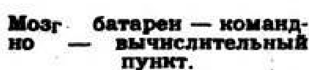
— Огонь!

О Д Н О П О Л

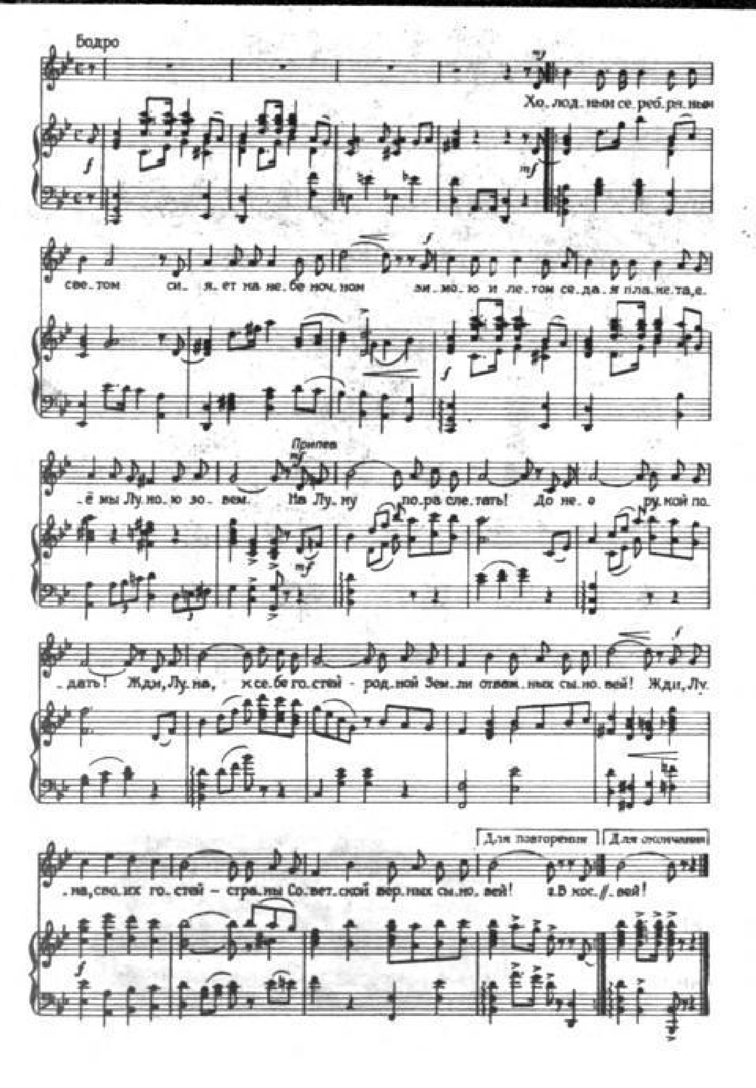

— К орудию!

Мозг батареи — командно — вычислительный пункт.

ЖДИ, ЛУНА, К СЕБЕ ГОСТЕЙ!

В дни, когда «звездные братья» совершали свой беспримерный полет, в эфире прозвучала песня «Голубая планета». Пел ее Павел Попович. Музыку и слова этой песни написал друг космонавта офицер Советской Армии Олег Соколов-Тобольский.

Сейчас этот марш исполняют многие певцы и оркестры.

Мы печатаем новую песню Олега Александровича Соколова-Тобольского: «Жди, Луна, к себе гостей!».

Слова и музыка Олега Соколова-Тобольского.

Холодным серебряным светом
Сияет на небе ночном
Зимою и летом
седая планета,
Ее мы Луною зовем.

ПРИПЕВ:
На Луну пора слетать!
До нее — рукой подать!
Жди, Луна, к себе гостей —
Родной Земли отважных
сыновей!
Жди, Луна, своих гостей —
Страны Советской верных
сыновей!

В космическом холоде стынет,
Под солнцем палящим горит
В безмолвной пустыне
на лунной равнине
Безжизненный серый гранит.

ПРИПЕВ.

Ни воздуха нету, ни влаги,
В «морях» там не плещет
волна...
И нужно немало
труда и отваги,
Чтоб людям служила Луна!

ПРИПЕВ.

Мы лунные недра раскроем,
Скалистые горы взорвем,
Туннели пророем,
заводы построим —
Мы жизнь на Луну принесем!

ПРИПЕВ.

Советский наш вымпел
знакомый
Давно дожидается там,
Когда на Луне
создадут космодромы
Для старта к далеким мирам!

ПРИПЕВ:
Мы Луне окажем честь!
Корабли такие есть!
Жди, Луна, к себе гостей —
Родной Земли отважных
сыновей!
Жди, Луна, своих гостей —
Страны Советской верных
сыновей!

ЧАНЕ

19 НОЯБРЯ — ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ

Г. МАКАРОВ

Фото автора.

Взмахнув огромными огненными крыльями, заливая расплавленным золотом все вокруг, целая стая жар-птиц с нестерпимым громом и свистом взлетает из-за ближней высотки. Далеко-далеко, на другом конце поля, падают огненные перья. На полигоне — реактивная артиллерия, грозное потомство прославленной «катюши». Вновь и вновь уходят в небо сверкающие стрелы, точно накрывая далекую невидимую цель. Огонь ведет расчет коммуниста, гвардии старшего сержанта Виктора Блинова.

В комнате боевой славы части собраны фотографии, карты, грамоты, призы. Портреты гвардии лейтенантов Цыпкина и Холодова. Это их батареи били танки Гудериана. Много тысяч обещали фашисты за головы лихих комбатов.

Вот прославленные маршалы — бывшие командиры части, а рядом с ними — с детства знакомое лицо. Короткая подпись: «Алексей Максимович Горький — почетный солдат нашего полка».

Частым гостем был здесь великий пролетарский писатель. Он был при жизни зачислен почетным солдатом полка.

21 июня 1936 года на лафете орудия восьмой батареи однополчане провожали А. М. Горького в последний путь. На траурном митинге воины клялись быть смелыми, мужественными.

25 сентября 1941 года в жесточайших боях эта часть одной из первых в Советской Армии завоевала право на гвардейское знамя.

В мирные годы артиллеристы считают своим святым долгом помощь колхозникам. Сержант Сухарев, возглавив группу умельцев, наладил ремонт сельскохозяйственной техники, автомашин. Недаром колхозники вручили свое знамя воинам части.

Снимки, помещенные на этих страницах журнала, рассказывают о боевой учебе артиллеристов батареи гвардии капитана Федора Усс. Это ее почетным солдатом был Максим Горький. Солдаты гордятся своим великим однополчанином. Их батарея — лучшая в части.

Флаг героической Кубы — подарок друзей с далекого острова, как одну из самых драгоценных реликвий берегут гвардейцы.

Они выступали в Кремле

В день 45-летия Октября на сцене Кремлевского Дворца съездов в роли великого вождя революции выступал до сих пор неизвестный советскому зрителю любитель театрального искусства, инженер московского завода коммунист Виктор Андронникович Сыров... Вместе с ним читают стихи, поют, танцуют токари и хирурги, студенты и строители, шахтеры и школьники... В этот торжественный день сцена Кремлевского Дворца съездов предоставлена самодеятельным коллективам страны.

...45 фанфаристов дают позывные. Занавес раздвигается. Начинается представление.

Это не обычный самодеятельный концерт. Авторы спектакля А. Конников, В. Зуфер, Н. Холфин, К. Ефимов, Я. Френкель и К. Птица показывают зрителям пантомимы на фоне документальных кадров, рассказывающих о Революции, о мирном строительстве социализма, об Отечественной войне и победе...

Уже пятьдесят лет Виктор Андронникович Сыров посвящает свое свободное время театру. В его репертуаре «Дети Ванюшина», «Шторм», «Не в свои сани не садись», «Лес шумит» — всего 30 пьес. К роли Ленина Сыров готовился тридцать лет.

Еще в 1934 году он сделал литературную композицию о Владимире Ильиче, потом другую; читал ее с эстрады домов культуры, клубов; выступал в юбилейные Ленинские дни по радио, побывал на целине с концертными бригадами. Наконец, в прошлом году драматический коллектив Дворца культуры имени Горбунова поставил пьесу М. Шатрова «Именем революции». Роль Ленина в этом спектакле сыграл Виктор Андроникович Сыров. И сегодня он предстал перед зрителем в этой роли. И не только добился большого портретного сходства, но, стараясь передать характерные черты Владимира Ильича, донес до зрителя обаяние и человечность любимого вождя...

А затем на той же огромной сцене выступают хоры и танцевальные коллективы, чтецы и певцы со всех республик Советского Союза.

Уральскую пляску исполняет самодеятельный танцевальный коллектив Челябинского тракторного завода; руководит им уже 15 лет Наталья Николаевна Карташова. Помните фильм «Здравствуй, Москва»? Танец «Гусачок» в нем исполняли воспитанники Карташовой. Конечно, она здесь же, за кулисами: волнуется за своих подопечных.

...Поют восемь девушек — румяные, смешливые киевлянки из хорового коллектива «Крещатикстрой». Говорят, что на Украине всегда поют: во время работы и окончив трудовой день, хором и в одиночку, у детских колыбелек и у плиты... Аня Смоляр, Оля Пражник, Саша Савченко, Аня Бондаренко, Таня Лучина, Мила Чмерук, Вера Олешко, Маруся Белоблоцкая — бетонщицы, маляры, каменщицы, крановщицы... Они строят в Киеве новые дома. Много ли построили? Ох, и не перечесть! «Все людям, а теперь себе начнем строить! — смеются девчата.— Замуж повыходим». Две певуньи уже обзавелись семьями. Их мужья — хлопцы из этого же самодеятельного коллектива. А другие среднюю школу оканчивают, в институт собираются поступить, учатся на курсах хормейстеров.

Выступает Рада Короткина. Она поет русскую народную песню... Рада — научный сотрудник института хирургии имени Вишневского, где оперируют сердце, легкие... А она, Рада Короткина, биохимик, сейчас готовит диссертацию. Нет, она совсем не собирается бросать научную работу и стать профессиональной певицей. Зато любимому искусству она посвящает все свое свободное время.

«Танец с хлопком» исполняет танцевальный коллектив Дворца культуры Ташкентского текстильного комбината. Участники коллектива — рабочие... Танец идет в сопровождении старинного духового инструмента — карная. Полагается играть на нем, танцуя и жонглируя. Как ловкий фокусник, управляется с этим высоким, неуклюжим на вид инструментом 12-летний мальчишка-школьник.

На сцене — 120 детей. Это московский хореографический ансамбль «Школьные годы» (художественный руководитель В. С. Константиновский). Шестилетняя Наташа Байкова — крошечная на этой огромной площадке,— грациозно перебирая ножками, танцует детскую польку. Она еще не учится в школе, но уже знает несколько букв. Больше всего любит сказку «Кот в сапогах» и танцевать. Она уже целый год в ансамбле и даже ездила в «гастрольную поездку» в Артек. Зато ее партнеры Игорь Зубов и Миша Кисляров — опытные артисты. Миша играл главную роль в фильме «Веселые истории» — все ребята видели этот фильм и очень гордятся Мишей.

А потом выступают спортсмены...

Больше двух тысяч человек показали свое искусство на сцене Кремлевского Дворца съездов. А ведь это лучшие из лучших: они представляют тысячи тысяч самодеятельных артистов.

Т. ТРОИЦКАЯ

Киевлянки из хорового коллектива «Крещатикстрой».

Фото Д. Ухтомского.

ПО-ЛЕНИНСКИ

Всем памятен тот сентябрьский день 1953 года, когда на пленуме ЦК КПСС впервые за много лет были произнесены правдивые слова о сельском хозяйстве, дана трезвая оценка состояния советской деревни, намечены поистине революционные меры по крутому подъему сельскохозяйственного производства. В докладе товарища Н. С. Хрущева на пленуме была нарисована ясная перспектива развития советского земледелия. И потом, год за годом, упорно и настойчиво Центральный Комитет партии занимался сельским хозяйством. Сейчас Госполитиздат выпускает пятитомник докладов и выступлений Первого секретаря ЦК КПСС товарища Н. С. Хрущева по вопросам социалистического земледелия. Изданы два первых тома под общим названием «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства». До конца года выйдут последующие три тома.

В первых двух томах помещены доклады, выступления и записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС с сентября 1953 года по январь 1958 года. Эти четыре с половиной года вобрали в себя титанические усилия партии и народа по подъему сельского хозяйства, освоению гигантских просторов целинных и залежных земель; этот период ознаменован историческим Двадцатым съездом партии. В первые два тома включены доклады Н. С. Хрущева на пленумах ЦК КПСС, его выступления на зональных совещаниях работников сельского хозяйства, записки в Президиум ЦК КПСС, посвященные проблемам нашего земледелия, беседы с работниками советской деревни, а также с зарубежными деятелями о сельскохозяйственном производстве в СССР.

Многие выступления, собранные в первых двух томах, публикуются впервые, среди них речи Н. С. Хрущева на совещании работников МТС 28 января 1954 года, на совещании работников совхозов 5 февраля, на совещании передовиков сельского хозяйства Российской Федерации 15 февраля того же года и на совещании работников сельского хозяйства Юго-Востока СССР в городе Саратове.

Особенно интересны впервые публикуемые записки Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС: «Пути решения зерновой проблемы», «Некоторые замечания о поездке в Казахстан», «Богатства Дальнего Востока неисчислимы».

Во всех этих документах подчеркивается главная мысль: интересы советского человека для партии превыше всего. Идет ли речь о техническом оснащении колхозов или о рентабельности совхозов, о дорожном строительстве или об увеличении продуктов животноводства, везде и всегда партия ставит перед собой цель — создать изобилие материальных и духовных благ для народа.

И еще одна важная особенность, отличающая труды Н. С. Хрущева: страстность и заинтересованность сочетаются в них с деловитостью, конкретностью в постановке и решении вопросов сельского хозяйства.

Анализ многих теоретических проблем обоснован здесь тысячами фактов из практической жизни колхозов и совхозов, точным расчетом. Товарищ Н. С. Хрущев не раз напоминал слова В. И. Ленина о том, что коммунизм нужно строить не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете. Вот почему, перечитывая сейчас выступления Н. С. Хрущева, собранные вместе, веришь, что программа ленинской партии в области сельского хозяйства будет успешно выполнена.

ПИСЬМО С ОСТРОВА ЭГИНА

Маленький листочек тончайшей бумаги, бисерные буквы. Это письмо, которое отправили в «Огонек» два национальных героя Греции: Манолис Глезос и Антонис Амбатиелос. Оно проделало непростой путь из-за решеток тюрьмы на острове Эгина. Мы получили его в конверте, на котором стоял лондонский почтовый штемпель.

Датированное сентябрем, это письмо было написано в годовщину образования ЭАМ — Национально-освободительного фронта. Письмо, обращенное к советским людям, гласит:

«Сегодня в нашей стране мы отмечаем двадцать первую годовщину образования ЭАМ. Этот день был началом организованного сопротивления нашего народа немецко-фашистским оккупантам.

ЭАМ стал символом патриотической совести нашего народа. Битва началась на дорогах, в городах, в горах. Люди срывали знаки свастики и поднимали знамена свободы.

Несмотря на запреты и террор неофашистов, народ в нашей стране воздает честь дню 27 сентября. Но, как вы знаете, в Греции участников национального сопротивления так же, как борцов за демократию и мир, преследуют. Участие в национальном сопротивлении считается преступлением теми людьми, которые сами не находились в его рядах, но которые сегодня правят Грецией, которые разрешают использовать нашу страну в качестве ядерной базы, которые радушно принимают здесь немецких генералов.

Спустя восемнадцать лет борцы национального сопротивления еще остаются в тюрьмах.

С глубокой верой в идеалы свободы, демократии и мира мы шлем вам наши сердечные поздравления. Мы благодарим вас за все, что вы сделали для нас в прошлом, и мы надеемся на вашу поддержку в будущем так же, как и на поддержку всего демократического общественного мнения, во имя нашей свободы, во имя демократии в Греции и во имя мира.

С горячим приветом от имени политических заключенных Эгины, Греция.

ГЛЕЗОС МАНОЛИС
АМБАТИЕЛОС АНТОНИС».

Восьмидесятилетие со дня рождения Якуба Коласа, одного из самых славных песняров белорусской земли, общественность республики отмечает как национальный праздник. В Минск приехали гости из Москвы и Киева, из Праги и Софии, из Вильнюса и Ташкента — отовсюду, где любят и чтят Коласа.

В Минском театре оперы и балета состоялся торжественный вечер. Слова признательности и привета прозвучали здесь на русском, чешском, болгарском, украинском, казахском, армянском, эстонском, молдавском и других языках.

На снимке: На торжественном вечере выступает народный поэт Белоруссии, лауреат Ленинской премии П. Бровка.

Фото А. Дитлова.

РОДНИКОВАЯ СВЕЖЕСТЬ СЛОВА

К 80-летию со дня рождения Якуба Коласа

Двадцать лет связывали меня с Якубом Коласом сердечные, глубоко человеческие, дружеские отношения. Любовь к Якубу Коласу прошла через всю мою жизнь, и мне трудно писать о нем без волнения.

Летом 1926 года я приехал отдыхать в родное белорусское местечко Кричев. Жил в школе имени Червякова. В одной из классных комнат в оставшихся еще «от царя и царицы» золоченых рамах висели портреты Якуба Коласа и Янки Купалы. Это никого не удивляло. «Ведь это самые большие люди у нас в Белоруссии»,— говорили крестьяне.

Где Якуб Колас и Янка Купала, там центр белорусской культуры — это ощущение хорошо было знакомо многим их современникам. «Тот факт, что Янка Купала и Якуб Колас жили и творили в Минске, окруженные чуткой заботой родной Советской власти,— вспоминал поэт-революционер Валентин Тавлай,— делал для западного белоруса очевидной ту истину, что на Востоке действительно возведен фундамент белорусской государственности, что Минск — всебелорусская столица».

Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) — сын белорусского крестьянина-бедняка — сумел подняться к вершинам художественного творчества. Основоположник современной белорусской литературы, он много сделал для развития белорусского литературного языка.

Начало его деятельности связано с революцией 1905—1907 годов. Словно набат, звучали его стихотворения, призывавшие к борьбе против двойного гнета: социального и национального. «Белорусское горе-злосчастье стучалось во все уголки моей души»,— вспоминал Колас о своих молодых годах. Пятьдесят лет продолжалась его неутомимая литературная и общественная деятельность. Ни царская тюрьма, куда он попал за революционную работу среди крестьян, ни нападки и насмешки литературных противников не могли сломить поэта. Он прошел с народом большой путь борьбы и побед, делил с ним радости и горести. Незадолго до смерти Константин Михайлович говорил, обращаясь к собратьям по перу: «...Пусть нашим девизом будет — вместе с народом за счастье народа!» Согретые любовью к народу, стихотворения Коласа, его поэмы «Новая земля», «Хата рыбака», «Сымон-музыкант», трилогия «На росстанях» известны во всех уголках Советской страны и за ее рубежами.

Учитель и воспитатель многих молодых писателей, Якуб Колас стремился привить им «вдохновляющее чувство времени», призывал к смелости, к дерзанию. «Нехитрое дело,— писал он,— попасть ногою в проложенный след, гораздо труднее, но зато и почетнее прокладывать путь самому». Но, призывая искать новые пути, добиваться «родниковой свежести и жизненной полноты образов», Колас не переносил бездумного оригинальничанья в поэзии.

Никогда не забуду одну из последних встреч с Якубом Коласом, делегатом Двадцатого съезда партии. Константин Михайлович был необычно взволнован, возбужден. «Не сотвори себе кумира...— вдруг начал тихо, задумчиво декламировать он, а затем сказал: — Да, есть только одна правда жизни — это ленинская правда». Я еще не знал, что было в тот день на съезде, и не совсем понимал состояние поэта... В борьбе против культа личности и его вредных последствий Якуб Колас всей душой был с партией, с народом. Вдохновленный могучим народным подъемом, он писал в дни Двадцатого съезда: «Разве не заманчиво для писателя мысленно взойти на ту вершину, о которой говорил товарищ Хрущев, и взглянуть на новый, коммунистический мир, который уже близок, оком поэта-гражданина, писателя-мыслителя и сказать об этом мире выношенное в сердце, искреннее, правдивое слово!»

Евг. МОЗОЛЬКОВ

ТРИ НЕДЕЛИ ПРОВЕЛА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ делегация Ассоциации афро-азиатской солидарности Индии. Гости побывали в Москве, Ленинграде, Алма-Ате, встречались с представителями советской общественности.

На снимке: гости из Индии в редакции «Огонька». Слева направо: П. К. Джайн, издатель из Бомбея; Урмила Деви Масуда, активистка Лиги индийских женщин; глава делегации А. В. Далал, адвокат, вице-президент Бомбейского отделения Ассоциации афро-азиатской солидарности; П. Рам Чандер, врач из Хайдерабада; Р. Нарайян Сингх Масуда, вице-председатель парламента штата Раджастан.

Фото А. Бочинина.

Алим КЕШОКОВ

НА ПАМЯТНИК
АЛИ ШОГЕНЦУКОВУ

Не потоки мчатся в горной
бездне —
То без слов поют вершины гор,
Ветры с губ твоих сорвали
песни,
Песни полетели на простор.
От Эльбруса был гранит отколот,
Став гранитом, ты, как прежде,
молод.
Нет, не камень, а бессмертья
свет
Сам Эльбрус вручил тебе, поэт.

Перевел С. Липкин.

В СЕЛЕНИИ БАКСАН недавно был торжественно открыт памятник зачинателю кабардинской литературы Али Асхадовичу Шогенцукову, погибшему в боях против фашистских захватчиков.

На открытие памятника приехали донские литераторы, приглашенные Союзом писателей Кабардино-Балкарской АССР.

Фото М. Суанова.

МОСКОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ СССР отмечает свое 30-летие.

В ответ на просьбу рассказать читателям «Огонька» о главных особенностях выставки, открытой в Москве, в Центральном выставочном зале, руководитель московских художников Д. Мочальский сказал:

— Нам предстоит очень важная встреча со зрителями. Мы готовимся ко II съезду художников СССР. Намерены познакомить наших гостей с историей МОСХа, со всей сложностью творческих проблем, которые решает искусство в наши дни. Главное — показать многообразие художнических приемов, широту охвата жизни, которыми вооружил нас метод социалистического реализма. Долгое время само понятие «социалистический реализм» было сужено. Мы ставим своей целью заставить реализм зазвучать в полную силу. На выставке есть и дискуссионные работы. Пусть будут споры! Нам дорог живой интерес современников к поискам художников. Радостно сознавать, что молодые мастера оказались достойными преемниками старой гвардии. Молодежь и старые мастера на выставке составляют чудесный сплав.

У САМОГО СЕРДЦА

Марк ШЕХТЕР

Снова перьями водят поэты

Понапрасну мы, люди, не ценим,
Что беседы ведем до утра,
Что с лицом просветленным,
весенним
К нам приходит надежда-сестра.
Отмолчали бессонные ночи,
Отоснилась беды маята —
Ничего нет на свете жесточе
Недоверьем зажатого рта.
Вот и канули в безвесть наветы,
Наговоров рассеялся дым;
Снова перьями водят поэты,
С откровенностью, свойственной
им.
Подозрительный шорох соседа
Не врывается больше в жилье...

Как мое поколение седо!
Черный ворон откаркал свое.

Еще о сердце

У меня из железа сердце,
Не берет его ничего,
Как там недруги ни усердствуй,
Продолжается жизнь его.

Десять раз оно умирало —
Отступали наук жрецы;
Как пехотного генерала,
Покрывают его рубцы.

И хорошее тоже было,
И не требовалось прикрас,
А любило уж — так любило!
И умеет любить сейчас.

Слезы лить — это очень просто,
Удержаться куда трудней.
Дай дожить мне хотя бы до ста,
Озабоченность наших дней!

Зеленейте, дубы и клены!
Ждите, девушки, на мосту!
Я хочу умереть влюбленным
В человечества доброту.

Унесут на кладбище — баста:
Там не радуйся, не греши...
Не умеющие улыбаться,
Я жалею вас от души.

ИСКУССТВО

МЕЧИСЛАВ ВОЙТ, ПОЛЬСКИЙ АРТИСТ, ИЗВЕСТНЫЙ У НАС по роли ксендза Сурина из фильма «Мать Иоанна от Ангелов», выступил по лодзинскому телевидению в драме Лермонтова «Маскарад». Как отмечает критика, спектакль интересен прежде всего ролью Арбенина.

На снимке: Мечислав Войт — Арбенин.

СИМОНА СИНЬОРЕ СНИМАЕТСЯ сейчас в фильме Рене Клемана «Завтра будет новый день». Симоне поручена роль женщины, которая хотела остаться в стороне от событий во время второй мировой войны, но под влиянием любви и из чувства солидарности вступает в подпольную борьбу с оккупантами, становится бойцом Сопротивления.

На фото — Симона Синьоре в новой роли.

БАЛЕТ И КИНО объединились в фильме «Эссе». Так называется новая картина, которую снимает в Польше Францишек Фухс — автор сценария, режиссер и оператор.

В «Эссе» мы встречаемся с оригинальным решением — силуэтными фигурами актеров. Их всего трое. Нейтрально-белый фон подчеркивает выразительность танца.

На снимке — кадр из фильма «Эссе».

НИ ОДИН КОВБОЙСКИЙ ИЛИ ГАНГСТЕРСКИЙ ФИЛЬМ невозможен в Голливуде без трюков. Актер должен промчаться на мотоцикле через горящий сарай, выскочить из падающего в пропасть автомобиля, свалиться на полном скаку с коня... Для этой опасной работы на съемки приглашают дублеров: они стоят дешевле.

Никто не умеет так эффектно выпрыгнуть из горящего дома или сорваться с моста, как Макс Клевин. И берет недорого. Расценки примерно таковы: автомобильная катастрофа — 400 долларов, прыжок с четвертого этажа — 600. Если дом горит и прыгать нужно из окна в горящей одежде (как на снимке),— тысяча долларов.

Идти дальше

Е. ТЕМЧИН

Представьте себе такой случай. Приехал директор периферийного завода в Москву по делам. Побывал во всех инстанциях, в каких обычно бывают приезжие директора: в Госплане, в ВСНХ, в комитетах. Уладил все дела, домой собирается. Но тут друга повстречал. Потолковали о том, о сем. На прощание говорит нашему директору приятель:

«Послушай, Иван Иванович, очень советую съездить на одну выставку. Много там интересного. Вот, возьми адресочек».

Взглянул директор на бумажку, а там написано: «Выставка новых образцов машин в Экспериментальном научно-исследовательском институте металлорежущих станков...»

«А что? — подумал директор.— Интересно...»

Здесь нужно пояснить. Завод, которым руководит наш директор, тоже выпускает станки. Станки в общем-то неплохие, как говорится, на уровне современных требований. Но директору — человек он был прогрессивный — хотелось, чтобы продукция его завода была еще лучше, совершеннее. Да, видно, конструкторы не создали таких проектов.

Пришел он на выставку и ахнул от удивления. До чего же хорошие машины выставлены здесь! Производительность невиданная. Узлы надежные. Формы самые современные. Загляденье — не машины. А он и не предполагал, что уже созданы такие великолепные образцы. Оказывается, спроектированы они и изготовлены в научно-исследовательских институтах, подчиненных Государственному комитету Совета Министров по автоматизации и машиностроению. И теперь комитет решил пропагандировать достижения своих институтов не обычным способом, с помощью всяческих проспектов, а прямо, как говорится, на «живых» образцах. Приходите на выставку, руководители предприятий и совнархозов, знакомьтесь с новинками, налаживайте их производство у себя на заводах...

Нашему директору особенно понравился один станок. Тут же прикинул он, во что обойдется его производство. Получалось раза в полтора дороже, нежели обычные, серийные станки: новый-то посложнее, в его конструкции есть и программные устройства, и оптические системы, и автоматические подналадки. Сложнее-то он сложнее, да зато производительность прямо-таки сказочная. Все затраты на него окупятся с лихвой. Государство от таких станков получит огромную выгоду.

И директор решил во что бы то ни стало организовать выпуск таких станков. И хотя он отлично представлял, какие сложности ожидают его в будущем, тем не менее отправился в соответствующие организации добиваться разрешения...

Здесь я предвижу усмешки некоторых читателей журнала — директоров заводов, главных инженеров и просто инженеров.

«Так не бывает,— усмехаются они.— Что это за чудак директор! Покажите его нам».

Отвечаю заранее. Нет, не покажу. Не могу. Сам не видал такого директора. На выставке в институте бывал. Новые, прекрасные машины там видел. С посетителями — директорами заводов, председателями совнархозов, с начальниками различных управлений — встречался. Беседовали мы подолгу, обстоятельно. Разговор шел о судьбах новой техники. Странная у нее судьба иной раз бывает. Новинки внедряются с большим скрипом. Внедряются они в производство иногда не по инициативе заводов, а, как говорится, приказным порядком. Почему же так?

«Заводу такому-то (имярек) предлагаем организовать выпуск новых машин таких-то (опять имярек)...» — рекомендует Госкомитет по автоматизации и машиностроению.

А завод отвечает: «Не можем». И выдвигает тысячу причин.

Вот, например, давно идет борьба между комитетом и Минским заводом автоматических линий. Писем накопилась уже толстенная папка. Комитет предлагает, завод отказывается. Без конца ездят в Минск представители комитета, пробивают новую технику, спорят, доказывают.

Весь сыр-бор разгорелся по поводу новых типов автоматических линий. Завод в течение нескольких лет выпускает агрегатные станки. Производство налажено. Предприятие работает хорошо. Освоить выпуск новых автоматических линий — значит разрушить уже привычное, устоявшееся производство и организовать новое. Стадия освоения таит в себе много всяческих неожиданностей и неприятностей. Это — дело непростое.

Вот почему между комитетом и заводом идет борьба. В какие только тяжкие не пускается директор! То он утверждает, что предприятие не подготовлено к производству новых машин, то начинает доказывать, что вообще эти автоматические линии экономически нецелесообразны, агрегатные станки выгоднее. Работники комитета методично и упорно разбивают все эти аргументы. Но завод не сдается. Борьба продолжается.

А теперь давайте разберемся в существе дела. Заинтересован ли директор минского завода в этих автоматических линиях? Нет. Не заинтересован. Кроме хлопот, они ему ничего не доставят. Работать эти линии будут на каком-то другом предприятии, а следовательно, там и прибыль будут давать. Какая же от этого выгода заводу-изготовителю?

У нас разработана целая система поощрений предприятий за новую технику. Полагаются премии. Но перед директором обычно стоит такая дилемма. Выполнять ли план по текущей продукции, или браться осваивать новинки? Почему или — или? Да очень просто. План у завода, как правило, достаточно напряженный. Снижать его никто не станет. Следовательно, новая техника — это как бы дополнение к обычному плану, привесок. Если не выполнишь план по основному производству, значит, жди серьезных неприятностей. Выговор объявят непременно. За систематическое невыполнение могут даже снять с работы. С новой же техникой ситуация иная. Не освоил выпуск новых станков — в худшем случае строго предупредят. И все...

Недавно мне довелось побывать в Ульяновске, на автозаводе. Там претворен в жизнь чрезвычайно интересный проект. В инженерных кругах сейчас много разговоров об этом ульяновском эксперименте. Ему придают огромное значение, многие считают, что наше машиностроение накануне резкого броска вперед. В Ульяновске впервые в нашей практике создан комплексно-механизированный автосборочный цех — главный конвейер. Все транспортные и подъемные операции механизированы. Здесь и многоярусные висячие склады, и тоннели, оснащенные оригинальными транспортными устройствами, автоматическое управление всем комплексом механизмов. Словом, много такого, чего нет на других предприятиях.

Сейчас закончена первая очередь. Главный конвейер действует. Он выпускает гораздо больше автомашин, чем раньше. И тем не менее...

Вот какой разговор был у нас в парткоме.

Сергей Иванович Быстров, секретарь партийного комитета, когда речь заходит о новом главном конвейере, загорается. Обычно сдержанный, скупой на слова, он живо и увлеченно рассказывает о достоинствах механизмов, о том, как они хороши, как они важны не только для этого завода, но и для других. Без конца может рассказывать Быстров о людях, создавших всю эту красоту. Сколько они пережили, сколько волнений и радостей испытали, как во имя достижения цели ежедневно и незаметно совершали настоящие подвиги в труде.

В самом деле, в короткий срок, по собственной инициативе, без какого-либо «нажима» со стороны люди эти решили поднять свой завод на новую ступеньку технического прогресса. Они действовали смело, они знали, на что идут. И все случилось так, как и предполагали.

Завод пустил главный конвейер, но... перестал выполнять план. Почему?

А вот почему. На протяжении нескольких месяцев некоторые цехи предприятия работали в основном на главный конвейер. Делали все механизмы, все транспортеры, а затем отлаживали их. Ради будущего люди пошли на риск. Рассуждали так: одновременно и выполнять текущий план и в короткий срок пустить новый конвейер не удастся. Мощностей недостает. Значит, нужно выбирать главное. Выбрали. В надежде, что потом наверстают упущенное. И вот сейчас наверстывают. До конца года нужно покрыть все недостачи.

Когда заходит у нас с Быстровым разговор об этом, секретарь партийного комитета мрачнеет.

— Боюсь, очень боюсь, как бы этот главный конвейер не вышел нам боком,— говорит он.— Сами понимаете, недодали свыше тысячи машин. Если не успеем до конца года нагнать, не видать нам фонда предприятия. Значит, не построим детский сад, ясли, клуб. Значит, вообще завод окажется в трудном финансовом положении...

Вот ведь как иной раз получается. Боком выходит внедрение новой техники.

...Нет, не встретил я на выставке в институте такого директора, с которого начал рассказ. Зато много встречал других.

«Н-да,— задумчиво говорили они.— Хороши здесь машины. Великолепные. Но...»

А нельзя ли без «но»? Какие же «но» могут быть на пути у новой техники? Она наше настоящее и будущее. С ее помощью мы построим наше коммунистическое завтра.

Давайте же сделаем наконец так, чтобы директор минского завода **сам хотел** освоить производство новых автоматических линий. Давайте сделаем так, чтобы **любой директор любого завода** стремился выпускать побольше новых, самых совершенных машин. Его нужно заинтересовать в этом. Быть может, иной раз придется и пересмотреть некоторые планы и снизить их на время. С тем, чтобы потом быстрее идти дальше. Окупится это сторицей!

Михаил Андреевич СУСЛОВ. К 60-летию со дня рождения.

Фото Г. Вайля.

Шестидесятые годы

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Будьте первыми!

Если вы есть,—
будьте первыми!
Первыми —
кем бы вы ни были.
Из песен—
лучшими песнями.
Из книг —
настоящими книгами.
Первыми будьте!
И только.
Песенными,
как моря...
Лучше
второго художника
первый
маляр!
Спросите оробело:
«Но что же тогда
окажется?
Если все
будут первыми,—
кто
пойдет
в замыкающие?..»
А вы трусливых
не слушайте!
А вы их сдуйте,
как пену!
Если вы есть,—
будьте
лучшими!
Если вы есть,—
будьте
первыми!
Если вы есть,—
попробуйте
горечь
зеленых побегов.
Примериваясь,
потрогайте
великую ношу
первых!
Как самое неизбежное,
взвалите ее
на плечи...
Если вы есть,—
будьте
первыми!
Первым —
трудней.
И легче.

Третий лишний

Третий лишний
за столом.
Третий лишний.
Ты прости,
я не хочу,
чтоб он слышал,
как мы шли,
качаясь,
горным Алтаем,
как ловили дождь
иссохшими ртами.
Как вода кипела,
булькала в моторах,
как я писем ждал
твоих,
суматошных.
Как река темно неслась
в закат рыжий...
Третий лишний
за столом.
Третий
лишний.
Я его отлично знаю,—
ты не смейся.
Не успел он
измениться
за месяц.
Расторопный,
будто пес
на охоте.
Любознательный,
как врач
на обходе.
То нахален,
то
предельно аккуратен...
Очень въедливый
у парня
характер.
Так и лезет
в друзья!
Так и липнет!..
Почему-то он везде —
третьим лишним.
Иногда мне его
даже
жалко:
все глядят на парня,
будто
на жабу!
Раздраженно смотрят,
тошно
смотрят.
И прощаются с ним.
И руки
моют.
Появление его
засекают.
Разговоры
при нем
засыхают!
Вот и мне,
понимаешь,
неохота...
Пусть рассказывать я буду
про погоду!
Про погоду,
про сиреневые
горы,
про великие
таежные
законы!
Про порог
под названьем
«Не последний»!
И про дымчатые ноздри
оленей.
И про то, как дождь тугой
бил по листьям.
Третий лишний
за столом.
Третий —
лишний!
Он настойчив.
Он садится поудобней.
У него, наверно, времени —
бездна...
Хватит!
Я сейчас скажу ему:
— Топай!
Для кого-то
из нас
нет
места!

* * *

Не знаю, как вы,—
я полностью
за
людей,
которые задают вопросы...
С листьев,
звеня,
осыпаются росы,
большие и грустные,
как глаза.
Нам
начинаться время велит,—
уже не подростки.
Еще
не боги.
И вопрошающий ветер эпохи
наши волосы
шевелит.
Шестидесятые годы столетья.
Месяц июль
двадцатого века...
Где он,
решительный и последний?
Наше бессмертье?
Наша проверка?
Где он?..
Мир ослепить грозя,
солнце взвивается
зло и отвесно.
Люди волнуются.
Ждут
ответа.
Очень пристально
смотрят в глаза.

Ветер на юге

Ах, какие ветра
на юге —
безответственные
до невозможности!..
У девчонок
взлетают юбки
выше,
чем вы представить
можете!..
Ах, какие ветра густые,
к удовольствию
северных жителей!
Ах,
какие они
настырные!
Ах,
какие они
продолжительные!
По утрам
созданья эфирные
у прибрежной дрожат полосы.
Вся одежда —
листочки фиговые,
прикрывающие
носы!
Ветер только еще расходится,
он еще
не в полный накал.
Ветер колется,
а людям
хочется
привезти в города
загар!..
Ах,
какие ветра запутанные,
где-то в скалах далеких
гаснущие!
Ах,
какие они
попутные
для бегущих,
для испугавшихся!
Здесь для хлюпиков —
хоть ты вешайся! —
никаких условий
не создано...
Ах, какие ветра
невежливые!
Ах, какие они
бессовестные!
Море вспенено.
Море вздыблено.
Морю
нравится эта игра...
Ах,
какие необходимые
здесь на юге
дуют
ветра!

Стихи о сложности

Подъезды встречают
мерцаньем нечетким,
и бухает дверь за спиной
деловито...
В подъездах
целуются парни с девчонками.
А я им
завидую.
Очень завидую...
Я все это помню
до малых подробностей:
дорога еще непонятна,
не начата.
И сразу же —
нагромождение
сложностей,
в которых земля
для любви
предназначена!
Впервые приходится
сложно молчать,
все понимать
с полуслова.
И на записки
не отвечать
загадочно,
долго,
сложно.
Впервые пугают
случайные взгляды.
И время
как вкопанное
остановилось!
И веришь в великие
сложные клятвы...
Неужто
из сложности этой
я вырос?!
Я старше.
Я здорово
знаю
сам:
пустяшней всех пустяков
к девичьим сердцам,
дрожащим сердцам
подбирать
отмычки стихов.
Как все это
просто!
До смеха.
До жути.
Далекие клятвы
однажды затихли...
Влюбленные мальчики,—
не обессудьте! —
наверное, и вас
простота
настигнет...
Целуются
восемнадцатилетние
самозабвенно
и неутомимо.
В восторженном лепете,
собственном лепете
для них открываются
сложности мира!..
А я
опускаю голову вниз.
Влюбленных
я обхожу осторожно...
И очень тихо прошу:
— Вернись,
та,
первозданная
сложность.

Мончегорский комбинат «Североникель». В цехе электроплавильных печей.

Фото А. ГОСТЕВА.

«Огонек» рассказывает о неизвестных героях

И. ИРОШНИКОВА

...Никогда не сотрутся даты
Этих подвигов боевых.
В вечном отпуске спят солдаты.
Горе тем, кто разбудит их.
Игорь РИНК.

енщину, с которой я хочу начать свой рассказ, зовут Дорой.

По мужу — Нестерова, сама по себе — Мамедова, она живет в Запорожье, в части города, носящей поэтическое название — «Зеленый Яр».

Впрочем, это скорее пригород. Улочки здесь холмистые, тихие, ползет по ним вечерами терпко пахнущий осенью дымок — это в палисадниках жгут сухую траву и листья.

У женщины этой муж, о котором сама она говорит «золотой». «Леня у меня золотой...» И двое сынишек, до смешного похожие на отца.

Пока еще не было младшего, Вовика, Дора работала мастером на обувной фабрике. Теперь домовничает. Провожает мужа на фабрику, отправляет в школу старшего сына, Сережу, убирает, стирает, стряпает, копается в огороде, рубит капусту на зиму...

Она хозяйственная, приветливая, доброжелательная к людям. И люди о ней говорят точь-в-точь, как она о муже: «Характер у Доры золотой».

Теплыми вечерами, поджидая мужа с работы, Дора с Вовиком сидит в палисаднике, щелкает семечки, болтает с соседками. А заслышав гул самолета в вечернем небе, вдруг застывает на полуслове — следит за ним напряженным взглядом.

И соседки, для которых Дорина жизнь как на ладони, не знают, с чего бы это.

Не знают они и того, что Доре иногда снятся плавни. Снится, будто она, Дора, снова лежит в притаившейся тяжелой воде, как лежала однажды июньской ночью сорок третьего года. А в беззвездном небе рвутся ракеты. И скользящие лезвия прожекторов ищут, подкрадываются, нащупывают...

Случается, по особой надобности Дора вынимает шкатулку, где хранятся ее боевые награды и документы и среди них пожелтевший от времени листок: «Характеристика на парашютистку-десантницу Мамедову Дору Александровну...».

— ...Отчего это у нас о парашютистах почти не пишут? — говорит Дора.

Мы сидим в ее чистенькой, уютной квартирке. На столе перед нами — фотографии, письма.

«...Доронька! Да ведь совсем недавно еще ты была такой маленькой шустрой девчонкой. И на́ тебе — мама двоих ребят!»

Это — Саша Ященко.

«...Дора Александровна, я очень рад и также моя семья очень рада за Вас, что Вы живы и здоровы. А то нам говорили, что Вас нет в живых и что с Вами такое большое несчастье было...»

Это — Кондрашов Алексей Михайлович.

С ним и с Ященко Дора партизанила в Донбассе.

А еще лежит на столе обычная школьная тетрадь, надписанная Дориным решительным почерком: «О моей работе в тылу врага».

Писала это Дора для полковника Метелева — он отправлял когда-то их парашютный десант во вражеский тыл, в Одессу, и не очень давно снова разыскал Дору.

— Отчего это у нас о парашютистах так мало пишут? — настойчиво повторяет Дора.— О разведчиках пишут, о партизанах, только о парашютистах нет почти ничего. А вот в тюрьмах и в лагерях фашистских ребята, которые с нами сидели: армейцы, летчики,— прямо пыль с нас готовы были сдувать, последним куском делились, когда узнавали, что мы парашютисты. Понимали, по приказу командования в парашютный десант не пошлешь: если уж идет человек — значит, сердце ему приказывает.

— Нас, например, перед каждым вылетом собирало командование,— продолжает Дора.— Усадят, бывало, в кружок, спрашивают: «Ну, ребята, кто в себе не уверен? Давайте начистоту, чтоб потом беды не было».

Случалось, отказывались. Здоровенные хлопцы. И вовсе не трусы, нет, сдавали нервы. «В армию,— скажет,— братцы, пойду. На самую что ни на есть передовую...»

— А у вас, Дора, сомнений не было? — спрашиваю я.

— У меня была месть,— жестко говорит Дора.— Мне тогда безразлично было, что я мертвая, что я живая, лишь бы только не даром умереть.

Нас жандармы, знаете, как остерегались! — Чувствуется, воспоминания захватывают ее.— Из тюрьмы в тюрьму перегоняли закованными. Но и мы же, правда, были отчаянные...

...Ожидая транспорта в лагерь, сидели на румынской маленькой станции, прямо на асфальте, в пыли, три парашютистки — три измученные девушки в кандалах.

Проходили мимо два парня в военной немецкой форме, со значками власовцев-добровольцев. Остановились. Пригляделись, окликнули: «Сестры!» И полезли растерянно за кисетами. «Табачку отсыпем, закурите?»

Голод остро сосал под ложечкой. Разок затянуться бы, все же легче.

«От вас?! — сверкнула глазами Дора.— У этих,— она показала на стражников,— и то скорее возьмем».

Те ушли. А вскоре вернулись с большим караваем, румяным, поджаристым, душистым.

«Берите, ешьте!» — протягивая хлеб, сказал один. Второй добавил просяще и виновато: «Мы ж не своей волей. Жить же хочется!»

Отвернувшись от хлеба, молчали девушки. А им не хотелось жить?!

...В Румынии, в фашистском лагере для военнопленных, парашютисты были на особом режиме: в строгой изоляции в тюрьме, что стояла посреди лагеря. Камеры были разгорожены коридорами. В коридорах — колючая проволока под током.

Жены румынских бояр — в их поместьях работали военнопленные — приходили в лагерь, чтобы взглянуть на парашютистов: русских «дракун» — чертей. А завидев среди них Дору, ахали: «Папуша!» — куколка. И суеверно крестились при этом.

Дора была самой-самой молоденькой, совсем девчушка с округлым по-детски еще лицом.

*

Я пишу это не только для того, чтобы рассказать о Мамедовой — маленькой обувщице из Ростова, у которой немцы, едва заняв город, расстреляли мать и сестру. Я пишу это в завершение ранее опубликованных в «Огоньке» очерков «Это было в Одессе». Пишу, чтобы дополнить то немногое, что сказано там о парашютистах и, главное, о командире десанта Авдееве. То, о чем я хочу написать, возникло из писем, которыми откликнулись на очерки участники давних событий,— они уточняли рассказанное, сообщали еще неизвестные факты и при этом нередко находили друг друга через редакцию.

Так отыскалась и Мамедова. Разведчица, связная Авдеева, она последней из советских людей видела своего командира — в час его гибели в тюрьме.

О судьбе самой Мамедовой сведения были противоречивыми.

Многие говорили: «Мамедовой нет в живых. Ее замучили в сигуранце...» Однако время и обстоятельства ее ареста известны не были: она исчезла бесследно в Одессе в один из последних февральских дней сорок четвертого года.

Но как-то на одну из конспиративных квартир пришла девочка-десятиклассница; ей посчастливилось вырваться на свободу. По словам этой девочки, ее бросили в камеру, где сидела (не сидела, нет, лежала, не поднимаясь) девушка по имени Вера [1]. И она просила ее передать...

Девочка выплела ленту из косы. На этой ленте неверной рукой была выведена фамилия предателя.

Ленточку изорвали — заподозрили провокацию. Фамилию запомнили. Девочку выпроводили: «Иди! Нет и не было у нас никакой такой Веры...»

Рассказывали также, что после освобождения Одессы в штаб армии пришел немолодой человек — он тоже был схвачен сигуранцей. В тюрьме ему приходилось выносить параши из камер — такая была обязанность. Так вот в одной из камер девушка по имени Вера, с Четвертого украинского фронта, умоляла его, если он выживет, сообщить о ней нашим.

Кое-кто утверждал, однако, что тогда Мамедова выжила: подоспело освобождение. А погибла в десанте на вражеской земле.

После опубликования очерков в «Огоньке» редакция получила письмо от Мамедовой. Она писала, что действительно была арестована, что ей пришлось перетерпеть многое и ее скорее всего домучили бы, если бы не быстрое продвижение к Одессе наших войск. Поспешно покидая Одессу, оккупанты вывезли с собой тех арестованных, дела которых еще представляли для них интерес. В том числе и Мамедову. Вместе с другими она попала в Румынию, куда отступали немецкие войска, и фашистский суд приговорил ее там к пожизненной каторге.

Однако осенью того же тысяча девятьсот сорок четвертого года войска Второго украинского фронта, вступив на румынскую землю, освободили томящихся там в фашистской неволе советских людей. Среди них была и Дора.

«...Мне очень приятно, что о боевых делах нашего отряда издается очерк...— писала она.— Но мне бы хотелось еще рассказать о многом, чтобы больше знали, подробнее о нашем прекрасном командире товарище Авдееве, который не пощадил своей жизни во имя Родины.

...Товарищ Авдеев проявил себя как командир не только в Одессе. В Донбассе, в городе Донецке и окрестностях, знали его под фамилией Донской. И оккупанты как огня боялись его, настолько, что все, кто носил фамилию Донской, были арестованы

[1] Вера Сыренко — подпольная кличка Мамедовой в Одессе.

шютисты

для того, чтобы изловить Авдеева...

Если Вы хотите дополнить свой очерк, приезжайте к нам в Запорожье...»

*

О прошлом Авдеева мне известно немногое: только основные вехи его биографии — анкетные данные. С 1918 года служил в Красной Армии, с 1920 года — в органах ВЧК, имел семь ранений и был контужен.

К этому периоду его жизни относится полученное редакцией письмо от старого товарища Авдеева по работе — М. Д. Никитина.

Когда они познакомились, «...Василию Авдееву шел двадцать второй или двадцать третий год,— пишет Никитин.— Белокурый, голубоглазый, ниже среднего роста, плотный, хорошо скроенный русский парень с симпатичным открытым лицом. Я заметил, что и старшие по годам и молодежь как-то очень душевно называли Авдеева Васей».

Трудно было на Средней Волге, где они оба в то время работали: «...Симбирск буквально только вчера был прифронтовым городом. В любое время можно было ожидать коварную неожиданность с фронта и в спину».

«Василий Дмитриевич не был из числа унывающих. Очень подвижный по природе, он прямо излучал энергию, сообщая ее окружающим. Он обычно сам возглавлял все ответственные операции... Среди нас, молодежи, в большинстве безгранично смелой, Василий Дмитриевич выделялся отчаянной смелостью, причем смелость эта не была безудержным удальством.

Эта смелость для партии и во имя партии гармонично уживалась в Авдееве с мягким, обаятельным отношением к людям...»

Известно, что Авдеев работал в органах ВЧК, затем ГПУ, затем НКВД, что в годы культа личности был репрессирован. Известно также, что в июне 1941 года из заключения Авдеев обратился с просьбой дать ему возможность «...отправиться на передовую позицию, чтобы своей жизнью встать и, если нужно, отдать ее на защиту Родины». Так писал он в своем заявлении. Известно, что решением Президиума Верховного Совета СССР в феврале 1942 года Авдеев был освобожден из-под стражи и направлен рядовым в действующую армию. Известен и текст письма, которое за подписью председателя Президиума Верховного Совета УССР получила жена Авдеева — Нина Дмитриевна: «...Ваш муж Авдеев Василий Дмитриевич в партизанской борьбе за Советскую Родину пал смертью храбрых.

За доблесть и мужество, проявленные Вашим мужем Василием Дмитриевичем Авдеевым в борьбе против немецких захватчиков в тылу врага, он награжден орденом Красного Знамени. Орденская книжка передается Вам как память о муже, подвиг которого никогда не забудется нашим народом».

*

...Морозной январской ночью 1944 года в лесу около села Осиповки, в ста километрах от Одессы, приземлились десять парашютистов под командованием Авдеева, конспиративная кличка — «Черноморский».

Левченко — комиссар. Гавшин — начальник штаба, конспиративная кличка — Днепров. Бойцы — Баркалов, Шляхов, Деряев, Сафоненко, Рыбин. Были в этом десанте также две девушки: радистка Шура Лубянова и разведчица Дора Мамедова — в Одессе знали ее как Веру Сыренко. Почти все донбассовцы-партизаны «...смертные друзья, кровью спаянные»,— так говорит Дора.

К вылету готовились в Таганроге. Готовились тщательно. В начале января погода была нелетная: дожди, туманы. Со дня на день вылет откладывался.

И наконец вечером...

Дору с Шурой вызвали в штаб из кино, с сеанса. Собрались мгновенно. Мешки наготове. Ватные брюки, сапоги, телогрейки... В машину! На аэродром!

Провожал их полковник Метелев. Все беспокоился, что Дора простужена, как бы не расхворалась.

— Поднимемся в воздух, как рукой снимет,— лихо отшучивалась Мамедова.

Ночь была тихая, без звезд, без луны. Приземлились удачно. Закопали парашюты, отошли, как было положено, от места приземления.

Лагерь разбили в лесопосадках, натаскали с поля соломы, сделали для Авдеева командирский шалаш.

Стоял необычный для южной зимы мороз. Люди не то чтоб мерзли, а застывали изнутри.

По часам выдавались глотки спирта. По часам спали. На едва поднимавшемся от земли пламени грели промерзший хлеб. Хлеб отогревался только снаружи.

Первые дни ушли на разведку: на проселочных дорогах, на железнодорожной станции Затишье, в селе Осиповка. Выясняли, замечен ли десант. Нащупывали связи с местным подпольем.

Целью была Одесса. Десантники знали, что оставленное в Одессе подполье обезглавлено. Знали: все придется находить и организовывать заново.

Первыми в Одессу Авдеев направил Баркалова и Мамедову. Он дал им несколько явочных адресов и письмо для проживающей в пригороде Баровой Пелагеи Яковлевны. Сын ее, офицер Красной Армии, сообщал матери, что жив и здоров, что, пользуясь случаем, передает ей весточку через девушку, которая направляется в Одессу, и просит оказывать этой девушке всяческое содействие.

Письмо должна была доставить Мамедова.

— Дора, я знаю твое лихачество,— сказал ей на прощание Авдеев.— Прошу тебя, до Одессы добирайтесь только пешком. Иди спокойно. Баркалов — пожилой человек. Ты девочка. Ну кто в тебе заподозрит обстрелянную солдатку?!

До Одессы одновременно с ними должен был добираться и Гавшин-Днепров. Но другими, глухими дорогами.

Сам Авдеев, назначив место и время встречи в Одессе, направился с Рыбиным в сторону Тирасполя. Были в той стороне у них надежные явки и адреса.

В очерках «Это было в Одессе» я уже рассказывала о том, как «его величество случай» свел Баркалова и Мамедову с партизанами Ильичевского района.

Это был боевой и сильный отряд, располагавший оружием, радиоприемниками, пишущими машинками и надежным укрытием под землей — в катакомбах.

«Беда наша в том была,— рассказывал впоследствии комиссар ильичевцев Дмитрий Иванович Овчаренко,— что не было у нас связи с фронтом, руководства с Большой земли. И действовать приходилось на ощупь, как подсказывало чутье. А по нашим силам мы в ту пору могли бы больше помочь фронту...»

Баркалов связал Авдеева с командиром отряда Дроздовым. Встретились они на Староконном базаре. Вернувшись из Тирасполя, Авдеев пришел туда, как условлено было в Осиповке.

Дроздов спросил у Авдеева: как проверить то, что он говорит, установить его личность?

— Документов за подписью и печатью я, конечно, тебе предъявить не могу,— сказал ему на это Авдеев.— Только разве за подписью и печатью не может укрыться враг? Гестапо сфабрикует любой документ.— И добавил, открыто взглянув на него:— Ты уж лучше смотри хорошенько, какой я есть. Может, поверишь?!

Второго февраля на квартире у одного из подпольщиков произошло знакомство Авдеева с ильичевцами. Договорено было, что на этой встрече будет только руководство отряда. Но слух просочился — пришли командиры групп: добрый, отборный партизанский десяток.

— Хороша конспирация!—рассердился Авдеев.

Дроздов смущенно развел руками, собираясь оправдываться. Его перебили.

— Люди жаждут человека с Большой земли,— глядя проникновенно на Авдеева, сказал один из собравшихся.

Постепенно нащупывались связи с подпольными группами в различных районах города.

Кроме групп, были также и патриоты-одиночки, горевшие желанием действовать. Парашютисты обрастали людьми.

Дора связала Авдеева с неким Винтером — с ним ее познакомила Барова, та, которая через нее получила письмо от сына. Барова знала Винтера как председателя колхоза, в котором сама когда-то работала. И коммуниста.

Последнее обстоятельство показалось Мамедовой решающим. Винтер жил в центре города, в отдельной квартире. Это было удобно для конспирации.

Дора доложила о нем Авдееву и, получив разрешение, свела его с Винтером. Он согласился помогать партизанам, подобрал, по его словам, надежных людей и, в свою очередь, познакомил с ними Авдеева и Днепрова. В том числе с Григорием Мальцевым, который при оккупантах работал управляющим домами. Это также было удобно для конспирации: Мальцев мог оказать десантникам помощь в получении документов, в прописке.

К нему на квартиру поместили Днепрова. Ночевал у него иногда и Авдеев.

Совсем недавно я познакомилась в Одессе с хозяйкой одной из конспиративных квартир Авдеева — Екатериной Георгиевной Соручан. У нее вместе с Авдеевым находились также Шура Лубянова и Дора Мамедова.

От Мамедовой я и услышала впервые о Соручан — видно, эта квартира была надежно законспирирована Авдеевым.

— Лучше Кати на свете нет,— убежденно сказала Мамедова. И еще сказала, очевидно, имея в виду ее же: — В парашютисты кто шел? Скорее всего молодые, холостые, бездетные — нас не связывало ничто. Но я вот думаю иногда: люди, которые нам помогали во вражеском тылу, как они

решались на это? У них же дети. Дети...— с силой повторила Мамедова.— Я тогда ведь не понимала еще...

К Соручан я пришла в воскресенье утром. Дверь мне открыла женщина с чуть скуластым и большеглазым милым лицом. От всего ее облика веяло еще не отцветшей, но уже и не сознающей себя женственностью, домовитостью, материнством. Это была Екатерина Георгиевна.

Она не позволила себе выразить удивление, увидев незнакомого человека. Не спросив, зачем я пришла, проводила в комнату, со свойственным одесситам гостеприимством предложила чаю. Чай, мол, горячий. Они с Виточкой — крохотной ее внучкой — только позавтракали. И объяснила мне, что все ее домашние на море, а Виточка недавно болела. Вот, боясь, как бы девочке не повредил морской ветер, они вдвоем и остались дома.

Я спросила, помнит ли Екатерина Георгиевна Авдеева. Она взглянула на меня широко распахнутыми глазами, и я увидела, как сходит с ее лица безликое выражение вежливого гостеприимства.

— Аж холодок по спине прошел,— зябко ежась и прижимая ладони к щекам, призналась Екатерина Георгиевна.

Мы поехали с нею на кладбище, на могилу Авдеева. Был май. Зеленели деревья. Горьковато и нежно пахла молодая листва.

Был праздник, и люди приходили на кладбище проведать родные могилки, приносили цветы.

На могиле Авдеева тоже лежали алые свежие пионы: видно, кто-то успел побывать здесь до нас.

— Мы при Авдееве стойко жили,— задумчиво глядя на эти пионы, сказала Екатерина Георгиевна. И, как бы проверяя себя, повторила: — Да, вот именно стойко!

Она рассказывала мне об Авдееве:

— Он работал с шуткой, легко, без страха. И нам ничего не страшно было при нем. Даже и... умереть не страшно.— И, опасаясь, видимо, как бы я не подумала, что это только слова, продолжила: — Вот возьмите хотя бы меня: сын мой, Миша, был маленький, я его, знаете, как люблю — вся жизнь моя в нем. А ведь шла...

Семья Соручан жила на нешумной Базарной улице, недалеко от знаменитого одесского рынка — Привоза, в первом этаже двухэтажного дома, в глубине двора.

Это был типичный одесский двор с увитыми зеленью крылечками, на которых, небрежно развалясь, грелись на солнце сытые кошки. С деревянными шаткими лесенками, ведущими на деревянные же террасы, которые в Одессе почему-то называют балконами. Где под ветром колышется выстиранное белье, где бродит летом в стеклянных бутылях вишня, наливаясь пьянящей силой под солнцем, а осенью возбуждающе остро пахнет соленьями.

Двор в войну притаился, замер. По вечерам отсвечивали луною стекла неосвещенных окон. Грохали сорванные с петель двери. Сыростью тянуло из безлюдных квартир, где давно уже выветрился теплый дух человеческого жилья.

Угол двора, в котором находилась квартира Соручан, почти пустовал — соседей не осталось ни рядом, ни наверху. Только Катя с маленьким сыном Мишей.

Катин муж, Леонид Иванович, был в армии, и семья ничего не знала о нем. Вернулся он неожиданно январской ночью 1944 года. Постучал тихонько в окно. Катя осторожно приподняла занавеску. За окном стояла грузовая машина с потушенными фарами: Леонид Иванович по специальности был шофер.

В ту ночь он привез с собою двоих. Один молодой. Второго тоже не назовешь стариком — крепкий, приветливый мужчина лет так под пятьдесят, с рыжеватой бородкой, с синими живыми глазами на добродушном лице.

— Будем знакомы.— Он открыто взглянул на Катю.— Черноморский, Яков Васильевич[1]. А это приятель мой, Вася Рыбин.

Они остались у Соручан. Что за люди?

[1] Подпольная кличка Авдеева в Одессе.

— Я знаю? — пряча глаза, говорил муж.— Подобрал по дороге из Тирасполя. Попросили подвезти до Одессы. Спрашивали, где бы остановиться: не местные, не знают здесь никого. Вижу, люди порядочные...— Он чего-то недоговаривал.

Кате казалось, что Черноморский с Рыбиным ведут себя необычно. Не было в них интереса к тому, чем жили в то время люди и она, Катя.

Они не допытывались, не добивались, где повыгоднее обменять на продукты вещь. И какую именно вещь. Не прикидывали, где бы ее достать.

Держались они уверенно, независимо. Это было тем удивительней, что ее, Катю, и тех, кого она знала вокруг себя, постоянно томило теперь предчувствие пусть еще не случившейся, но грозящей беды.

Вскоре в квартире у Соручан появилась девушка Вера — знакомая Рыбина и Черноморского.

Веселая, хохотушка, она сразу расположила хозяйку к себе. Охотно помогала по дому, говорила при этом: «Давай, Катя, я сделаю. Я по домашней работе соскучилась...»

Однажды, оставшись с Катей вдвоем, Черноморский спросил ее, на что они с сыном жили.

— Покупаем — меняем, знаете? — ответила Катя.— Мешочничала.

— Значит, одесские дороги тобой изучены,— уточнил Черноморский. И неожиданно предложил: — Может, хочешь подзаработать? Перевезешь нам из Осиповки кое-какие вещи.

Катя резко вскинула голову и, встретившись взглядом с Черноморским, поняла: то, о чем она лишь догадывалась, — правда, Черноморский открывается перед ней.

И, повинуясь первому своему чувству, еще ничего не успев додумать, сказала только:

— Надо будет — перевезу.

В Осиповку вместе с Катей Черноморский решил направить и Рыбина. Собрали кошелки, раздобыли фанерные ящики с просверленными отверстиями — в таких городские жители привозили яйца из деревень. Дядя Яша — так в квартире у Соручан звали Черноморского — сказал, что мешки не годятся: тара должна быть прочная и закрытая.

Для чего? Что они будут перевозить? Катя так и не знала этого. Она не спрашивала. Черноморский не говорил. Держался так, будто было меж ними уже обо всем договорено.

Почуяв сборы, напросилась ехать и Шура Могилей — она жила по соседству и дружила с Катей. Вместе мешочничали.

— А пожалуй,— приглядевшись к ней, сказал Черноморский,— две женщины — это уже фирма.

Он был, как обычно, шутлив и совершенно спокоен. А у Кати посреди сборов вдруг, словно перед прыжком, замирало сердце. Что она делает? На что решается?

Дора принесла полицейские пропуска: Васе, Кате и Шуре Могилей. Четвертый пропуск был выписан на фамилию Лубяновой. Черноморский сказал, что эту девушку они прихватят с собой из Осиповки.

Как удалось достать пропуска на Рыбина и Лубянову, Катя не знала. Догадывалась: подкупили кого-то в комендатуре.

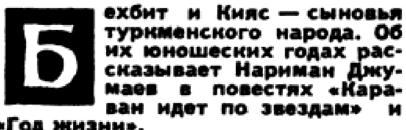
Добрались до Осиповки. Пошли по адресу, который дал Черноморский. Отыскали нужных людей. Погрелись. Попили чаю. А когда стемнело, эти люди принесли им разобранное оружие — части его были влажными и пахли землей. Принесли листовки, зафронтовые газеты, брошюры с докладом Верховного главнокомандующего в двадцать шестую годовщину Октября. Рацию.

Все это попрятали на дно кошелок и ящиков, сверху заложили яйцами, творогом. Литература целиком не вошла. То, что осталось, Катя спрятала на себе, накрепко обвязала шнурами под пальто.

Рацию — в чемодан. Чемодан в руках у Лубяновой. Погрузили все на подводу и на рассвете тронулись. Местные предупредили: в селе, что лежит на пути, полицейский пост. Перетряхивают мешочников, обыскивают. Обойти село можно тропками. Объехать нельзя.

Кому-то надо ехать с подводой. Кому?

БОРЬБА ЮНЫХ

Бехбит и Кияс — сыновья туркменского народа. Об их юношеских годах рассказывает Нариман Джумаев в повестях «Караван идет по звездам» и «Год жизни».

Две повести — две исторические эпохи. Юность Бехбита совпала с борьбой за Советскую власть в Туркмении, юность Кияса — это наши дни.

...Из России в далекую Туркмению долетели вести о революции. Долго ли продержится эмир со своими подручными? Этот вопрос волновал каждого дехканина, волновал и Бехбита, простого, смелого парня. Поддерживаемый трудовым людом, он начинает борьбу за освобождение своего народа. В кругу дехкан за чаем, с пастухами на степных просторах, у рыбачьего костра на Аму-Дарье Бехбит призывает односельчан гнать налогосборщиков эмира, разоружать его наемников, отнимать хлеб и золото у баев.

Герой второй повести Джумаева — Кияс — живет в наши дни. Он как бы младший брат Бехбита. Кияс, вчерашний школьник, непримирим к очковтирателям, карьеристам и подхалимам, с которыми ему пришлось столкнуться, работая счетоводом в родном колхозе. Правда, работа счетовода вначале ему не по душе, казалась «скучной до отвращения». Но постепенно за сухими цифрами он начинает видеть живых людей, их упорный труд. Принципиальность и отчаянная настойчивость Кияса помогли разоблачить бухгалтера Эрнепеса Мазаева и других беззастенчивых дельцов.

Обе повести Джумаева написаны живо, увлеченно.

«Караван идет по звездам» — первая книга туркменского писателя, переведенная на русский язык. Читатель отметит лаконичную манеру повествования, лишенную экзотических восточных прикрас и внешней занимательности. Чувствуется, что у автора хорошая литературная школа. Участник предстоящего Всесоюзного совещания молодых писателей, Нариман Джумаев еще порадует читателя новыми книгами.

И. ГНЕЗДИЛОВА

Нариман Джумаев. Караван идет по звездам. Перевод с туркменского. Изд-во «Молодая гвардия». 1962.

ПИСАТЕЛИ КАКИМ

В романе «Рассудите нас, люди» Александр Андреев исподволь и в то же время убедительно, весомо начинает разговор о самом главном — о сегодняшнем дне, о человеке, его совести и достоинстве, о молодежи, о будущем. Героями его произведения являются парни и девушки, строители Москвы.

Все, о чем в романе сказано, есть наша сегодняшняя жизнь, без прикрас, со всеми ее трудностями, большими задачами, над которыми волей-неволей читателю, если он возьмет в руки роман, придется поразмыслить.

Знакомство студентки строительного института Жени с демобилизованным солдатом Алешей было простой случайностью. Если бы Алеша не вступился за Женю, когда в парке к ней приставали пьяные парни, то, вероятно, они не познакомились бы. Женя и Алеша — дети одного общества, однако между ними некоторое различие, она — генеральская дочь, изнеженная, избалованная родителями, он — выходец из рабочих, трудовой парень. И все же общий язык они находят, да это и понятно: они неплохие ребята, комсомольцы, у них общие цели. Алеше не удается поступить в строительный институт, он идет работать каменщиком; мать Жени отказывается породниться с ним, и Женя убегает из родительского дома к Алеше в общежитие...

Затем целый ряд непредвиденных обстоятельств и невзгод в их семейной жизни. Молодым людям многое еще придется испытать на своем жизненном веку, однако настоящее счастье само не приходит.

Написанный выразительным языком, роман запоминается даже в деталях и оставляет ощущение какой-то светлой перспективы. Пусть А. Андреев и не поднимается в своем повествовании до больших философских обобщений, однако, создавая правдивые картины из жизни молодежи, автор вызывает читателя на прямой разговор о том, каким должен быть наш со-

Александр Андреев. Рассудите нас, люди. Роман. Журнал «Октябрь», №№ 4—5, 1962.

Катя понимала: Лубяновой нельзя рисковать. Шура Могилей? Та попала, как кур во щи. Рыбин? На подводе мужчина, один, молодой к тому же, конечно, вызовет подозрение.

— А, поехали, Вася! — взбираясь на подводу, крикнула Катя.— А, поехали, все равно...

Ей казалось, будто она на гребне высокой-высокой волны...

Никто не остановил по пути. Добрались до железнодорожной станции, погрузились в вагоны. Рыбину удалось подкупить машиниста. Не доезжая вокзала — на вокзале тоже посты,— машинист остановил поезд.

Выгрузились мгновенно. Наняли тачку. Переулками добрались до дому. На грохот тачки высыпали к воротам соседи.

— Катя, Катя приехала! У, сколько всего навезла!

Подошел дворник. Дворник служил в полиции, и во дворе это знали.

— Давай, Катя, я помогу.

— Помогай, если есть охота.

Вносят в квартиру ящики.

— Мама вам кланялись, дядя Яша.— Это она Черноморскому.— Вам и Верочке. Яичек прислали. Творожку.

Охваченная веселым возбуждением, Катя хлопочет, не снимая пальто. Под пальто — брошюры, шнуры, раздеться при дворнике не может.

— Верочка, а ну открывай ящик! Достань яичек, поджарь яичницу! Дядя Яша, чего ж вы сидите, как в гостях! Возьмите деньги да сбегайте за пол-литрой! — А сама останавливает взглядом: не надо, сиди!

Черноморский с места не трогается.

— Ну, пока вас дождешься,— говорит досадливо Катя и протягивает дворнику деньги.— Федя, может, ты сбегаешь? Ты помоложе.

...Ели яичницу, чокались, выпивали. Катя сидела между Верой и Шурой Лубяновой — она выдавала их за племянниц.

— Ну и девчата — одна в одну! — одобрительно поглядывая на них, говорил захмелевший дворник.— Где ты, Катя, таких берешь?

— Ты еще не знаешь, что это за девчата,— хитренько посмеиваясь, Черноморский подливал дворнику,— цены им нет! — А глядел при этом на Катю, будто то, что он говорил, относилось также и к ней. И Катя, счастливо блестя глазами, улыбалась ему в ответ.

Что-то в ней распрямилось, что-то словно отпустило ее с той минуты, когда, пересилив себя, она высоким, звенящим голосом крикнула Васе: «А, поехали!»

Доставив в Одессу закопанное в лесу под Осиповкой оружие и рацию, десантники приступили к выполнению поставленного перед ними партизанским штабом задания. Оно формулировалось коротко: выявить подпольные группы сопротивления, объединить и возглавить, превратив их в грозную боевую силу, на которую смогут опереться продвигающиеся с боями к Одессе части Красной Армии.

— Наша задача,— говорил Черноморский,— охватить партизанским влиянием весь город, подготовить так население, чтобы, когда линия фронта подойдет поближе, изнутри захватить Одессу. Мы должны предотвратить разрушение города, сберечь людей...

Десантникам удалось установить связи с подпольными группами, действовавшими в городе и окрестностях: на Пересыпи, Ближних мельницах, в товарном депо, на городском телефонном узле, на Куяльницком лимане, на станции Вапнярке, на станции Раздельной — узловой железнодорожной станции, через которую проходили эшелоны с боеприпасами и вражескими войсками.

Установили связь и с подпольем, действовавшим в порту.

Проникая в румынские и словацкие части, партизаны вели работу по разложению этих частей.

Велась разведка сил готовящегося к обороне противника. Добытые сведения Лубянова регулярно передавала в штаб фронта.

Хотя прямых доказательств этому нет, но Мамедова утверждает, что и в сигуранце был у Черноморского свой человек по кличке «Сигнал». И что это будто бы он раздобыл пропуска, когда перевозили оружие из Осиповки. О том же ранее рассказывал и Дроздов: «У нас своих людей в сигуранце не было, а у Авдеева была какая-то связь. Кто у него работал там, я не знаю, но Авдеев предупреждал нас, называл по фамилиям провокаторов».

Город был разбит на районы партизанского действия, назначены командиры, сформированы районные штабы. Черноморский с товарищами инструктировал командиров, координировал их действия, нащупывал еще неизвестные подпольные группы. Дроздов говорит, что у Черноморского бывало по десять — двенадцать явок в день, в самых различных концах города, включая и пригород, и что он успевал повсюду.

Черноморский носил очки, и партизаны между собой сперва называли его «четырехглазым», но очень скоро за быстроту и удивительную энергию переименовали в «четырехмоторного».

Я читала личные записи-воспоминания Александры Тихоновны Семеновой — хозяйки конспиративной квартиры Авдеева в Донецке (о Донецке особый рассказ). Она пишет, что Авдеев был «краток и требователен. Правдив и точен. Не пил. Не повышал голоса. Никогда не выходил из себя. ...Он был смел и неутомим в работе... Уходил рано утром своей на редкость быстрой походкой, а возвращался поздно вечером. Иногда по нескольку дней не возвращался совсем. Где был, что делал — спрашивать не полагалось.

В редких случаях говорил: «Сегодня иду на опасное дело». Возвратившись, был ровен, улыбался, шутил...»

Нечто похожее рассказывает о Черноморском и Екатерина Георгиевна Соручан.

— Черноморский никогда не приказывал,— говорил. Но не выполнить было невозможно. Скажет: «Сделай, Катя, как будет время». А ты почему-то бросаешь все, бежишь и делаешь...

Очевидно, еще и до сих пор не выявлено полностью все, что удалось Авдееву (Черноморскому) сделать за полтора месяца его пребывания на одесской земле.

Идет время, и всплывают новые факты, выясняются новые обстоятельства. Да оно и понятно, потому что по характеру, по самому своему существу борьба в тылу у врага нуждается в строгой конспирации, не фиксируется, не поддается учету.

Но как бы там ни было, в отчетах всех городских подпольных организаций упоминается о встречах с Черноморским (Авдеевым), говорится, что с прибытием десантников наступил новый этап подпольно-партизанской борьбы в Одессе.

Это ощущали и оккупационные власти.

Усилилась слежка, засылка провокаторов. Однако до середины февраля внутренней службе оккупантов не удавалось напасть на след десанта.

Во второй половине февраля среди партизан начались аресты. Был арестован Овчаренко — комиссар ильичевцев. Приходили за командиром Дроздовым. Он дома не ночевал, и это его спасло.

Больше всего провалов было по городской группе.

...Авдеев предупредил Дору: — Тебя ищут. ССИ[1] напала на след.— Он запретил ей выходить из дому.

А назавтра пришел к Соручан встревоженным — Мамедова еще не видала его таким. Молча мрачно мерил шагами комнату — думал. Наконец позвал Дору.

— Нам с тобой придется рискнуть, другого выхода нет. Надо проверить явку, предупредить Винтера. По его группе арестованы люди...

— ...Другого выхода действительно не было,— рассказывает Мамедова.— На эту явку могла пойти только я...

Собираясь, она хотела взять с собой пистолет. Авдеев не разрешил.

— Если что—прямая улика. Иди спокойно. Возвращайся быстрее.

Мамедова не вернулась. Ни в этот день, ни в последующие.

(Окончание следует.)

[1] ССИ — специальная разведывательная служба оккупантов, созданная для Восточного фронта.

И КНИГИ

БЫТЬ

временник, молодой советский человек.

А. Андреев в своем повествовании идет непосредственно от жизни, и потому, наверное, роман так убеждает, хотя не все в нем может показаться достаточно мотивированным.

После того как Женя ушла от Алеши к своим родителям, прошло без малого полмесяца, однако ни он, ни она не сочли нужным даже поговорить друг с другом по телефону. А затем он уехал на строительство в Сибирь, не простившись со своей женой.

И в то же время это молодость, увлекающаяся, гордая... Что было бы, если бы герои действовали строго по предписанию: захотел полюбить — полюбил, захотел разлюбить — разлюбил. Так, конечно, в жизни не бывает. Да и кто бы стал читать такую книгу, где все заранее размечено, предначертано?

Красота человека, в полной мере раскрывающаяся в творчестве, в труде,— предмет изображения А. Андреева.

Особенно удачен образ Жени: раскрыта диалектика молодой, хотя и противоречивой, чистой души. Жизнь поставила перед Женей вопрос: с кем быть? С теми себялюбцами, стилягами, философствующими бездельниками вроде Аркадия Растворова или ее бывшего жениха Вадима или с теми, кто «вкалывает», вроде Алеши и Петра Гордиенко, кто создает материальные ценности. Женя постепенно приходит к правильному выводу.

«Болтуны вы все!..— заявляет она приятелям Вадима.— Жизни ни черта не знаете, выросли за папенькиной спиной, выучились на чужие деньги и теперь с высоты своей образованности обливаете всех презрением. «Свобода личности! Делать то, что мне хочется! Жить бесконтрольно!» Умники с мертвыми глазами!.. «Чтоб ты ко мне прильнула телом» — вот ваш идеал...»

Своей книгой А. Андреев говорит, что жизнь прекрасна, но надо убрать все, что мешает этой жизни. За высокую нравственность и душевную красоту человека ратует писатель.

Н. ШЕВЕЛЕВ

ОН ОСТАЛСЯ ЛЕНИНГРАДЦЕМ

о сих пор ленинградцы огорчаются, что «их» Уланова, «их» Федин, «их» Корней Чуковский стали москвичами, а Чабукиани вернулся в Тбилиси... И не перестают радоваться, что упорно отклоняет самые лестные и настойчивые предложения лучших московских театров Юрий Владимирович Толубеев.

Есть у него размах, мощь, обаяние русской национальной стихии. Это вовсе не означает, что Толубеев хорош только в ролях русского репертуара. Достаточно вспомнить такие его создания, как трагически сломленный жизнью Вилли Ломен («Смерть коммивояжера» Артура Миллера), изумительный Санчо Панса в козинцевском фильме «Дон-Кихот».

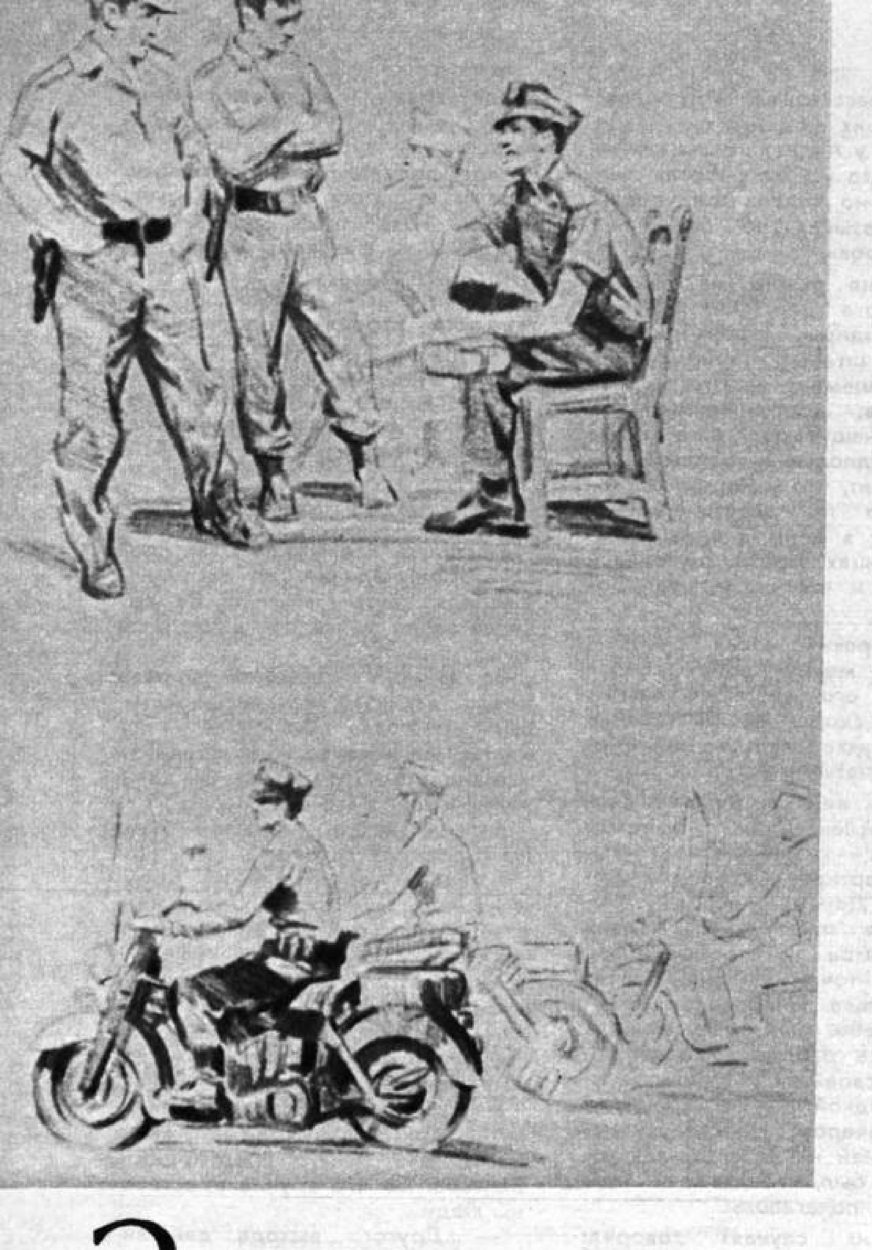
О Толубееве написал книгу театральный критик Г. Капралов. Книга, прочувствованная и продуманная, написана с увлечением, с живым видением сцены.

Г. Капралов любит Толубеева истинной любовью. Он не уклоняется от описания неудач Толубеева. А они были. Среди них и такие выигрышные роли, как Несчастливцев («Лес»), как Чапаев... И удивительное дело! Эти страницы — немногие, конечно,— нисколько не снижают масштаба фигуры артиста. Наоборот! Неприкрашенная правда помогает Г. Капралову верно определить особенности актерской природы Толубеева, его артистическую индивидуальность.

Критик называет богатейшую галерею образов, созданных Толубеевым: буденновца из «Первой Конной», фельдмаршала Кутузова, Сафонова («Русские люди»), Пантелеева («Победители»), Коломийцева («Последние»).

Сценический путь Толубеева складывался не так, как, скажем, у Орленева. Сыграв царя Федора Иоанновича, Орленев в один день стал знаменитым. Г. Капралов рассказывает, как «богател» Толубеев от роли к роли, как неуклонно набирал силы и мастерство, как зрело его дарование, как рос актер могучей хватки и тончайшего артистизма, поражающий глубиной постижения человеческого характера.

Е. ДОБИН

Иван СУЩЕНКО
Из блокнота художника

ПАТР

Зеленая волна Карибского моря с огромной силой бьет о бетонную преграду, дыбится, с грохотом перекатывает через парапет и обрушивается на широкую магистраль, которая блестит до боли в глазах. В голубое небо взметнулись легкие небоскребы. Бетон, мрамор, алюминий, стекло — все сверкает и отражается в зеркальной мостовой.

Солнце щедро заливает светом людей, и море, и бетон. По мостовой плывут конфискованные революцией «кадиллаки». Шумят листвой королевские пальмы. На высоком здании с куполом, напоминающим пробковый шлем колонизатора, огромные буквы:

«Патриа о муэрте!» (Родина или смерть), «Венсеремос!» (Мы победим).

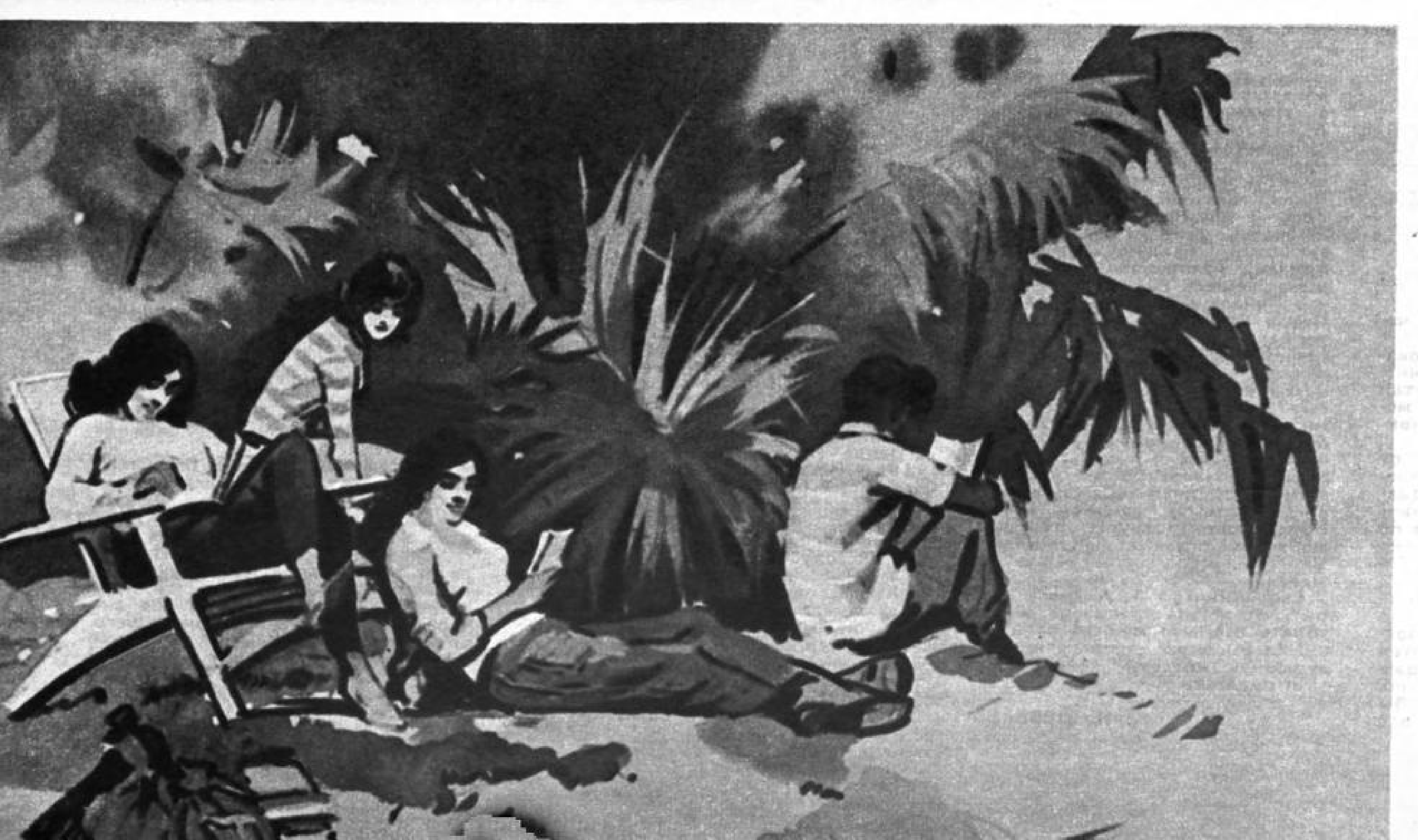
На окнах домов плакаты: «Здесь работают по принципу — победить или умереть».

У государственных банков, типографий, магазинов, табачных фабрик, заводов стоят вооруженные люди. А на старинной Испанской площади при свете прожекторов идут занятия. Учится народная милиция. Нужно быть готовым, чтобы в любую минуту стать на защиту родины. Из репродуктора доносится голос диктора:

— Говорит Куба! Говорит свободная территория Америки!

Весь мир слышит эти гордые, мужественные слова.

г. Гавана.

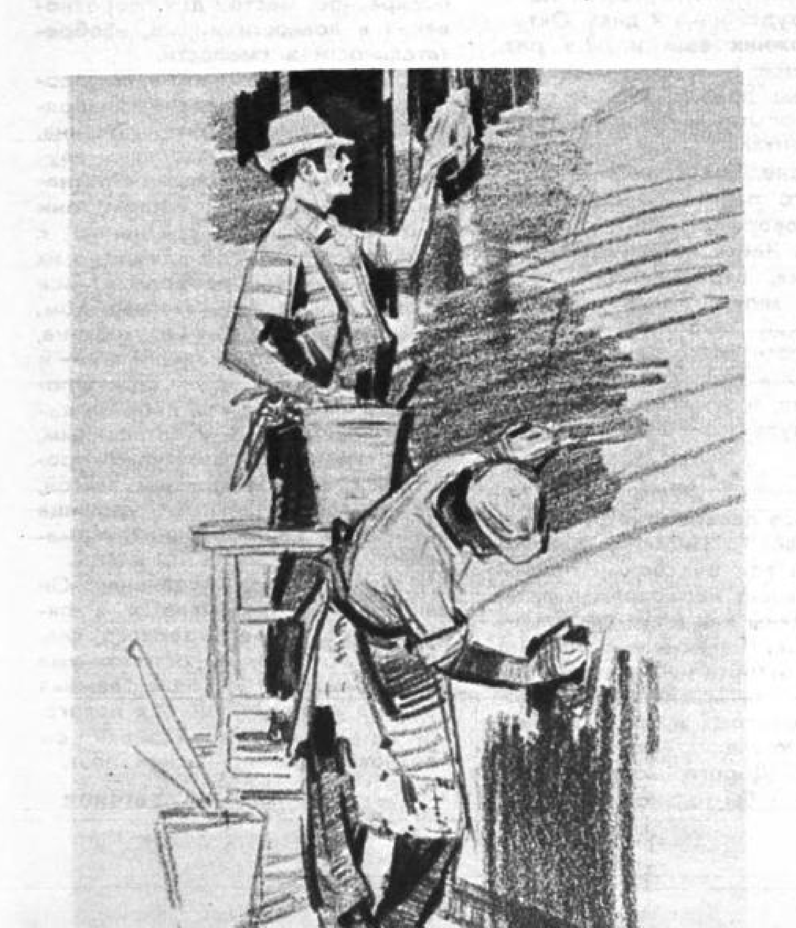

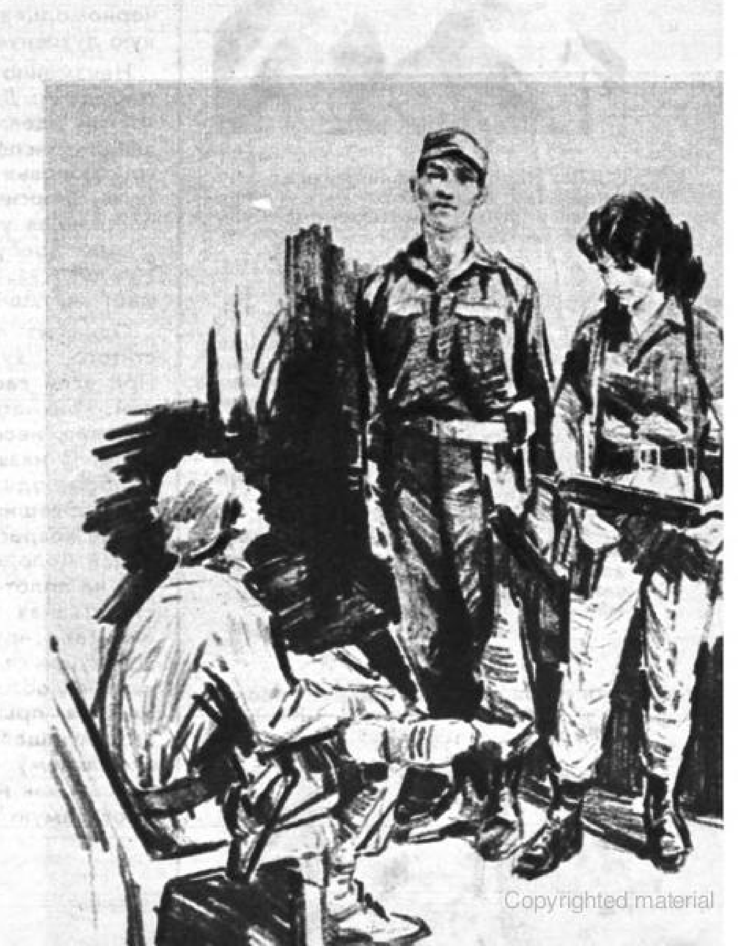
¡Patria o muerte!
¡Venceremos!
Fidel Castro.

ИА О МУЭРТЕ!

Кадр из фильма «Коллеги», по сценарию В. Аксенова,— это первая самостоятельная работа режиссера А. Сахарова.

НОВОСЕЛЫ «МОСФИЛЬМА»

«Мосфильм» — это уже не дом. Это город. Новые корпуса, блоки, улицы, строительные площадки со вздыбленными стрелами подъемных кранов. И все больше здесь новоселов.

На одной из улиц «Мосфильма» мы встретили Игоря Таланкина. Он спешил на съемку своего нового фильма — «Вступление». Опять по сценарию Веры Пановой, как «Сережа», и опять о детях.

А. Кузнецов и В. Малявина в фильме «Утренние поезда».

— Очень трудно сказать о большой работе в нескольких словах. Страна, война, дети... И все это не где-то далеко, а совсем близко. Мне кажется, я делаю фильм о себе и своем поколении, выросшем в годы войны. О том, почему мы стали такими, какие есть.

«Вступление». Валю играет ученица Ленинградского хореографического училища Наташа Богунова.

Загорелое лицо, глаза чуть с прищуром — Анатолий Кузнецов. Он выходит из машины с надписью: «Киносъемочная». Последний раз мы видели его на экране в фильме «Друг мой, Колька». Теперь он снимается в картине «Утренние поезда» у Ф. Довлатяна и Л. Мирского — недавних выпускников ВГИКа.

— Как работается?

— И трудно и легко,— говорит Анатолий Кузнецов.— Но так бывает всегда, когда играешь человека очень близкого тебе — современника.

Л. ОСИПОВА

Олег Табаков в фильме «Молодо — зелено» (режиссер — К. Воинов).

Художники нашей земли

Вот они, два художника, отдавшие свои сердца «временам на разрыв». Одним из них всегда владеет видение преображенной земли.

Другой ни на час не расстается с новым человеком, преображенным великой революцией.

В 1926 году молодой тогда А. Дейнека выступил с новаторской работой «На стройке новых цехов». Нетрудно представить: то, что строила Страна Советов в 1926 году, не могло поразить ни особой новизной, ни масштабностью. Это было скромное начало. Как же все-таки показать качественно новое?

Через человека, отвечает художник. И на арену жизни выходит новый человек.

Ажурное кружево стальных конструкций составляет второй, аккомпанирующий план, а взгляд зрителя встречается с улыбкой молодой работницы, с атлетически развитой фигурой. Так впервые прозвучал в искусстве звонкий мотив нашей здоровой, активной молодости, мотив, который был прекрасно выражен несколько лет спустя поэтом Б. Корниловым и композитором Д. Шостаковичем в песне «Нас утро встречает прохладой».

А. Дейнека, в котором чувство нового подкреплялось интересом ко всем сторонам жизни строящейся республики, заставил в искусстве сильным аккордом зазвучать новые жизнеутверждающие качества рабочей молодежи Страны Советов. Он не просто угадал, он провидел грядущее: человек будущего — для него и затевается эта небывалая стройка — будет физически развитым и духовно богатым. И вот увиденный им в жизни прообраз.

В картине «Оборона Севастополя. 1942 год» смело и гневно противопоставляет А. Дейнека атлетов-моряков дряблой фашистской нечисти. Здесь нет ни масштабного сокращения, ни карикатурных приемов — фигуры фашистов вровень морякам-черноморцам. Но священная ярость, размах богатырской удали советских моряков убеждают: им нас не сломить! Физическая мощь героев-черноморцев перерастает в редкую духовную красоту.

Неизменно на протяжении многих лет А. Дейнека видит пластический идеал в формах тренированного, исполненного физического здоровья и строгой красоты тела. Энергичный шаг эпохи, наша постоянная устремленность в грядущее требуют ясного, выразительного языка. Им счастливо владеет А. Дейнека.

Одна из последних работ маститого художника — «Юность». При всей своей зримой, отчетливой конкретности картина, безусловно, несет в себе ясные символы. И название говорит за это. Юность здесь включает в себя куда больший смысл, чем определение возраста героини. Расцветающей молодостью дышат все краски на полотне. Стройность и конструктивная простота видятся в формах архитектуры стадиона. Движущиеся, будто чисто декоративные облачка, развивающаяся энергия прыжка у спортсменки, штурмующей высоту, готовность к дальнему броску у девушки с копьем как нельзя лучше раскрывают самую сущность юности — ощущение постоянного подъема, готовность к подвигу.

Той же высокой мерой жизнеутверждения полна другая работа А. Дейнеки — мозаика «Доярка». Это подчеркнуто декоративная работа. Но в ней нет и тени самолюбования. Это как бы сплав мечты, внимания художника к нашей щедрой на краски действительности и стремление создать идеал, красоту, которой можно не только поклоняться, но и подражать.

Вечно молода наша страна. Хорошо, когда это чувствует и умеет выражать художник!

Талантливые работы А. Дейнеки отражают разные периоды истории Советской страны. Но как же созвучна всему его творчеству строка-призыв, строка-заповедь из поэмы Вл. Маяковского «Хорошо!»:

«Этот день
воспевать
никого не наймем.
Мы
распнем
карандаш на листе,
чтобы шелест страниц,
как шелест знамен,
надо лбами годов шелестел».

Не случайно обращение Дейнеки к героям революции, к тем, кто с револьвером в руке и «Лениным в башке» завоевывал право великого народа на свободу и мир, равенство и счастье.

Его «Красногвардеец» и «Великое начало» — плоды постоянного интереса художника к дням Октября. Художник еще и еще раз вслушивается в музыку Революции, словно примеривается, прикидывает опытным глазом мастера-монументалиста, как это зазвучит на стене, достаточно ли масштабна его работа, чтобы заставить заговорить архитектурную плоскость. Здесь нет внутреннего напряжения, взрывчатости, свойственных теперь уже ставшей классической «Обороне Петрограда», здесь глухо звучит революционный марш, но верится: будет музыка, и услышим мы твердую поступь пролетарских колонн.

* * *

Не первое десятилетие работает в искусстве Г. Нисский, далеко не первый год он своими полотнами осваивает необозримые просторы Родины как поэт, влюбленный в новое. И всякий раз зрителя поражает острота наблюдательности, весомость мысли — нечто до него небывалое и обязательно присутствующее в композициях художника. Дорога, мост над рекой — будто бы только это и увидел Нисский, но какого эпического спокойствия исполнена конструкция моста, как важно, величаво втекает в русло моста дорога, какой простор кругом!

Художнику, влюбленному в современность, шагающему в ногу с бурным темпом эпохи, противопоказана застылость мыслей и чувств.

Могучий лайнер в недавней картине Г. Нисского «Над снегами» оглушает, прижимает к земле — он царствует в мире глухого зимнего дня. И почти следом за этой картиной зритель видит нечто противоположное в «Коломенском», где на одной высокой ноте возносятся в призрачную лазурь шатер храма, построенного гениальным русским архитектором в XVI веке, и крылатое чудо XX века — сверхзвуковые истребители.

Все сущее в мире одухотворил своей деятельностью человек. Выше вольных птиц летает он, навсегда оставив суеверный страх перед небесами. И художник показывает нам совсем не загадочную материальность воздушного океана. Оптимизм, светлое настроение, вызываемое гармонией трех чудес, встретившихся в небе над Коломенским,— извечная голубизна, неудержимый взлет белокаменного шатра и захватывающий дух полет человека,— лучше всяких слов убеждают, что небо над нами должно быть мирным, доступным жизни, что это прекрасное место для соревнования в ловкости и уме, изобретательности и смелости.

Посмотрите, как оживился, похорошел зимний лес в час напряженной лыжной гонки. Тишина, устоявшийся покой взорваны двумя яркими цветовыми пятнами. Это гонщики. Ростом они ничтожно малы по сравнению с подпирающими небо елями, но их бурная энергия преображает все вокруг. Вся земля — это наш дом. Дом пуст и холоден без хозяина, а стоит появиться человеку — и оживает зимний лес, стоит появиться самолету — и небо не кажется пустынным и загадочным, стоит гудку паровоза гулко прокатиться над бескрайней тайгой, как далекие лесные урочища больше уж не назовешь глухоманью.

Идет по земле художник. Он внимательно вглядывается в окружающее. От его зоркого глаза, чуткого сердца, острого ума не ускользает ни одна важная примета нарождающегося нового. Он летописец бурной эпохи, он вдохновенный лирический поэт.

Ю. БЫЧКОВ

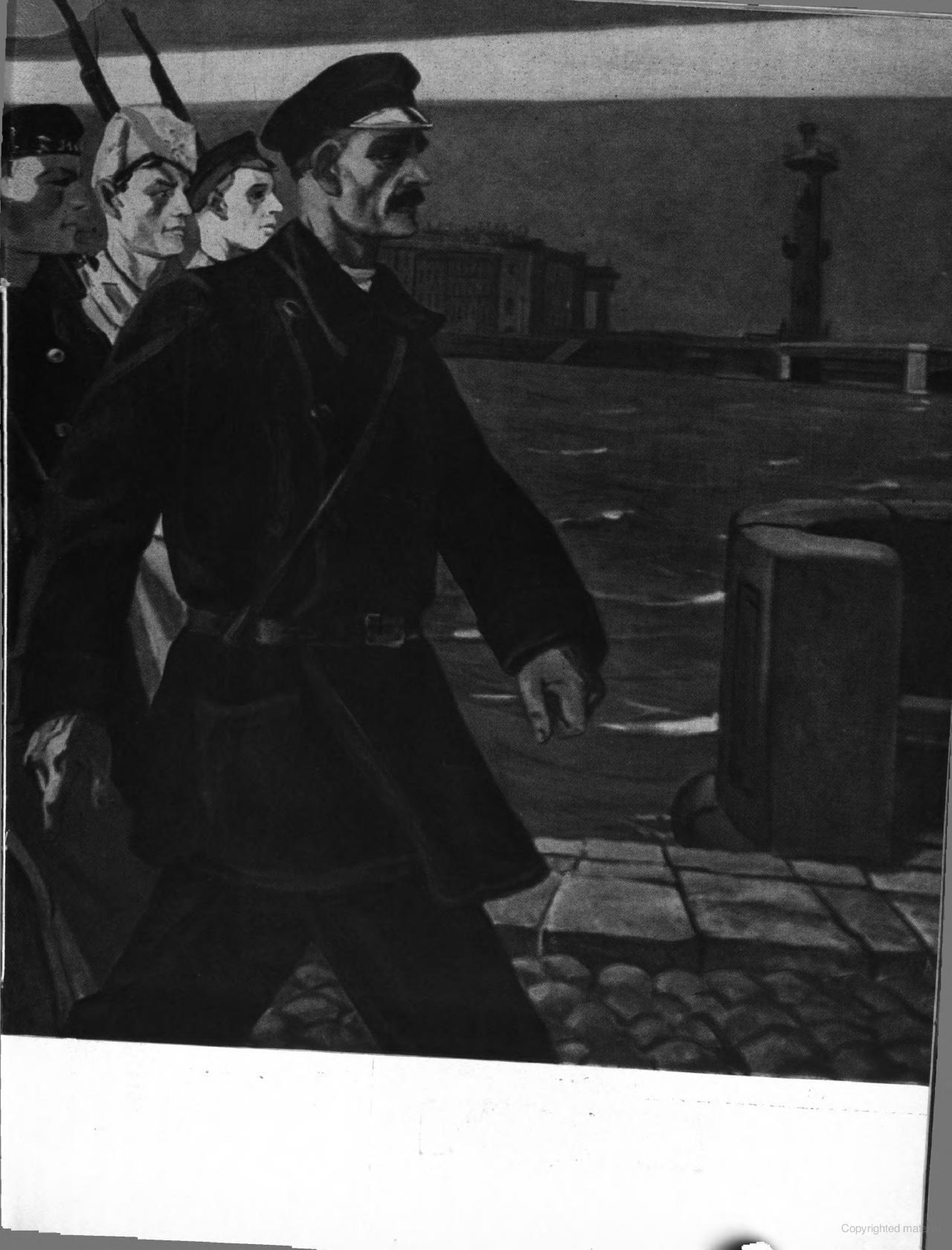
А. Дейнека. ДРУЗЬЯ

VI ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ СССР

ЮНОСТЬ

А. Дейнека. ВЕЛИКОЕ НАЧАЛО.

Г. Нисский. 120-й КИЛОМЕТР.

ГОНКА.

Вл. СОЛОУХИН

На лыжне

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Я воткнул лыжи в сугроб около тропинки, чтобы они, стоявшие до этого в теплой комнате, немного остыли. Такая уж фантазия пришла мне в голову. Мне показалось, что к теплым лыжам «прикипит» снежок, может быть, даже успеет растаять и намочит их, и тогда они будут хуже скользить, а ведь путь не близок.

Строго говоря, это никакой не путь, а замкнутый круг, кольцо, лыжня, проделанная отдыхающими санатория. Хорошим лыжным шагом можно пробежать часа за два.

В то время, когда я ерзал ботинком, стараясь попасть дырочками в подошве на шпеньки крепления, мимо проходила медсестра Наташа, совсем юная, темнобровая, большеглазая девушка. Ее накрахмаленный халатик поскрипывал на морозе. Он был такой же чистый, так же облит солнцем и так же отдавал синевой в складках и затененных местах, как и мартовский снег, лежащий по обе стороны от тропинки. Глядя на него, хотелось зажмуриться, как и при взгляде на эти лебяжьи, девственные снега.

Впрочем, я не знаю, возникло ли бы желание зажмуриться, если бы халатик просто висел на ветке дерева, например, вон той ольхи или вон этого орехового куста.

Итак, когда я запер крепления и распрямился, у носков своих лыж я увидел Наташу. Она не стала обходить мои лыжи — узка и глубока была тропинка,— но ждала, когда я сверну в сугроб. Ее фигурка и весь ее вид выражали капризную повелительность и сдерживаемое нетерпение, а в глазах было то самое, от чего мне и хотелось зажмуриться каждый раз, когда я попадал, ну, что ли, в их свет.

Я случайно оказался в этом санатории, где отдыхали все больше инженеры да ученые, и, видимо, необыкновенность моей профессии (композитор!) была удивительна для Наташи. Я был тут залетной птицей. Может быть, даже легкое романтическое облачко окутывало меня в то время, когда Наташа останавливала на мне свои солнца, от которых, как я уж не однажды заметил, хотелось зажмуриться или по крайней мере опустить глаза.

Наташа улыбнулась и спросила меня:

— И вы на кросс?

— Не знаю. Культурник вчера очень уговаривал принять участие. Вот уж воистину дела себе ищут.

— Разве плохо, кросс? — удивилась девушка.

Лыжня начиналась тут же, возле тропинки. Я сильно оттолкнулся, низко присел, чтобы проскочить под еловые ветви, скатился в овраг (ветер скорости, пробив куртку и свитер, на мгновение разлился по теплой груди), вынырнул из оврага на противоположную сторону и очутился прямо на старте.

— Давайте, давайте скорее! — уж начал командовать мною культурник.

Я подумал об условности бытия. Вчера этот Федя, умеющий играть на аккордеоне и громко для публики рассказывать анекдоты, уговорил меня. Я кивнул головой. Если бы я не кивнул, значит, я поехал бы сейчас куда мне нужно и как нужно, а теперь вот надо подчиняться команде.

— Давайте, давайте скорее! Видите, уж все собрались.

Никакого старта не было. Палкой прочертили снег, и теперь мы выравнивали носки лыж по черте, стараясь не переступить через нее хотя бы на четверть. Феде удалось уговорить пятнадцать человек. Тут были и вовсе пожилые женщины, и один доктор наук с длинной бородкой, и долговязый, в очках сынок профессора, запустивший растительность на лице, чтобы быть похожим на Хемингуэя. Никто, видимо, не воспринимал этот кросс всерьез, так же, как и я.

Все рванулись со старта. У кого-то сзади заплелись лыжи. Послышался смех, визг. А я первым попал на лыжню, не заметил, как пробежал поле, и теперь бежал лесом.

Лет пятнадцать назад, в армии, мне много приходилось ходить на лыжах походами и участвовать в кроссах. Бывало, жмешь изо всех сил. Из-под шапки струями льется пот, попадает в глаза. Видишь только лыжню да носки своих лыж. Нет бы оглянуться по сторонам, восхититься торжественной сказкой зимнего леса, полюбоваться деревьями, сделанными из инея,— куда там! — только лыжня да носки лыж.

И в голове тоже не то, чтобы связные мысли, а одно мельтешение. Потом сознание зацеплялось за какую-нибудь воображаемую детальку, например, за гороховый суп со свининой, который я любил до армии, и уж не отпускало этого горохового супа до самого конца.

Ни армейская дисциплина, ни железная необходимость не руководили теперь мною. Но выработалась нелепая привычка: уж если встал на лыжи, то жми изо всех сил, пока не пробежишь замкнутого кольца. Теперь кросс, теперь понятно. Но и в предыдущие дни, катаясь на лыжах, я старался бежать изо всех сил, как будто меня подгоняют, как будто сама цель лыжной прогулки состоит не в том, чтобы прогуляться по лесу, но промчаться сквозь него, ничего не замечая, уткнувшись в носки собственных лыж и обливаясь потом.

А вот догоняет меня еще один фанатик. Либо он еще больший фанатик, чем я, либо лучше владеет лыжами. Иначе, почему же он меня догоняет? В другое время, лет пятнадцать или хотя бы десять назад, я, услышав за спиной напряженное нарастание погони, прибавил бы шагу и позволил бы обогнать себя только на самом быстром ходу. Теперь что-то новое и непонятное шевельнулось во мне. А я прислушался к этому новому и не очень удивился. Может, и правда, возраст — не просто слова, или, может, что-нибудь неожиданно перевернулось в моем сознании?

Прежде всего я остановился, а потом сделал шаг в сторону. Долговязый, очкастый, с бородой под Хемингуэя сынок профессора шел шагах в тридцати. Я подождал, пока он пройдет мимо, и тогда только снова встал на лыжню. Я поймал себя на том, что мне не хочется его догонять, хотя некоторое время без усилий я шел за ним, и он от меня ни капли не отрывался. Если это был предел парня, то я смял бы его очень быстро. Но вот мне не хотелось сминать. Пижон, стиляга, интеллигентский хлюпик обошел меня и идет впереди. Красные лыжи перекликаются с красным свитером, на рыжей шевелюре тает снег. Длинные руки бросают и бросают вперед палки. Во всей его долговязой фигуре чувствуется превосходство, торжество победы, насмешка. А я (непостижимо!) и не пытаюсь наступить ему на пятки, властно, неумолимо потребовать лыжню.

Постепенно долговязый стал удаляться от меня, и это значило, что я сбавляю скорость. «Черт с тобой, уходи, мчись, задыхайся, выбивайся из последних сил! Я не вижу, зачем это нужно делать. Тебя уже не видно, ты уже скрылся за деревьями? Тем лучше. Я пойду один, как хочу и даже куда я хочу. Возьму и сверну с вашей нелепой круговой лыжни. Разве мало в лесу простора! Буду идти и смотреть на лес, на белый снег и синее небо. Хватит! Пятнадцать лет я бегал на лыжах, вкладывая все силы, не щадя сердца». В деснах появлялась боль, обильно набегала слюна, в глубине легких было так, как если бы во все легочные пузырьки под давлением нагнетали воздух, и надо было ждать, когда наступит второе дыхание. И надо было не думать ни о чем, смотреть и смотреть себе под ноги, на лыжи, вонзающиеся поочередно в белое пространство, которому все нет и нет конца.

Тяжелое дыхание послышалось сзади, и я снова сделал шаг в сторону. Теперь меня обгонял уж не юноша с запущенной бородой, а худой шестидесятилетний человек. Раздевшись до пояса и, видимо, побросав одежду прямо в лесу, энтузиаст рвался вперед.

— Очкастый, с тарзаньей прической, далеко? — крикнул он мне на ходу.

— Не очень, можно еще догнать.

— Так что же вы, черт возьми, не догоняете? Что вы раскисли? А ну-ка за мной, за мной! Хотите кусочек сахару... под язык... Хорошо помогает.

— Я не раскис, просто я не хочу так мчаться. Если вы хотите, валяйте.

Старик не обернулся на мои слова. Может быть, даже он их не расслышал.

Если юноша бежал легко, как бы любуясь самим собой, то этот, войдя в ритм, работал, как машина. С точностью рычагов руки поочередно выбрасывались вперед, и палки через поразительно ровные промежутки времени тяжело, устойчиво ударялись в снег. И ноги тоже двигались, как рычаги машины. И весь он был подчинен ритму движения, и чувствовалось, что ничего нет в мире для этого старика, кроме движения по лыжне, кроме желания догнать очкастого, кроме желания прийти первым. Тогда дядя Федя, умеющий играть на аккордеоне и громко рассказывать анекдоты, пожмет ему руку, а вечером в столовой объявит, что первым пришел конструктор Салкин. Да, я вспомнил теперь, что старик этот был конструктором Салкиным из второй палаты.

— Ха-ха! — расхохотался я вслух. И мне показалось на мгновение, не схожу ли я с ума.— Вам хочется быстрее проскочить этот лес? Зачем? Ведь, может, в нем-то и есть вся прелесть и весь смысл. Эх вы, бедняги!

Чтобы больше никто уж не мог меня обгонять, я резко свернул вправо и тотчас же наехал на лыжню, проложенную отдыхающими другого, соседнего санатория.

Я остановился, снял шапку и вытер пот со лба и лица. Первое, что я увидел, осмотревшись, были снегири, прыгающие по веткам орешника. Птички шелушили что-то на кусте — не то сережки, не то почки,— шелушинки сорились на снег, снегири тоже спрыгивали на снег и, перепрыгивая и перепархивая с места на место, собирали корм.

Как ни ярок был день, как ни золотило солнце те места на снегу ли, на деревьях ли, куда оно попадало прямыми лучами, как ни густа была синева там, куда не достигало солнце, как ни розовели вверху безлистые купы берез, как ни ослепительно сверкали иногда крупные кристаллики снега, когда глаза мои попадали как раз на «зайчики», отбрасываемые этими кристалликами,— все же ничего не было ярче красных грудочек снегирей.

Снегири! Как же я не замечал их раньше! И вообще, когда я видел снегирей последний раз? Давным-давно, в детстве, когда мы с братом мастерили зимой кормушки для птичек, и к нам прилетали ярко-желтые овсяночки и красногрудые снегири, и надо было следить, чтобы не налетела сорока и не сожрала, а более того, не разбрыляла ногами весь корм.

Воспоминания окружили меня, и, предавшись воспоминаниям, я медленно поехал по лесу.

Вскоре лыжню пересек рыхлый глубокий след лося. И я некоторое время шел, раздумывая о том, какое лось редкое и красивое животное и что, с одной стороны, хорошо, что их стало много попадаться в Подмосковье, но что, с другой стороны, животные эти абсолютно бесполезные и даже вредные, ибо объедают верхние мутовки молодых деревьев, губят посадки, а лес драгоценней, чем лось, живущий в лесу, и поэтому вроде бы и хорошо, что развели лосей, но вроде бы и нет в этом ничего хорошего. И вообще в природе существует железная цепочка целесообразности, так что, разоймя одно звено, можно получить отдачу где-нибудь в другом месте цепочки, десятью звеньями ниже.

Наверное, далеко бы увели меня мысли в этом направлении, но тут я вышел на поляну и что-то отвлекло мое внимание, что-то удивило меня прежде, чем я мог понять, что же меня отвлекло и удивило. Ну, конечно! Взгляд остановился на кустах ольхи, растущих посреди поляны. Не удивиться им было нельзя: среди всего синего (особенно синим было небо, а потом уж и снег и стволы берез) ольшаник был глубокого шоколадного цвета. Он так и бросался в глаза, и удивительно, что я не замечал раньше, какой шоколадный бывает ольшаник в лесу, освещенный мартовским солнцем.

Тишина запела во мне. От тишины отделился звук. Я закрыл глаза, и музыка зазвучала сильнее. Это было не бог весть что, но все же это была свежая, сильная тема, которая пришла ко мне в лесу. Я мог бы ее запомнить или записать на клочке бумаги, но, дурачась, я веткой стал рисовать на снегу нотные линейки и записывать фразу, только что родившуюся во мне.

Видимо, я увлекся, потому что как же я не услышал ни скрипа лыж, ни дыхания! Чистый женский голос без фальши спел записанное мной на снегу, и это было удивительнее шоколадной ольхи, удивительнее синего неба, удивительнее воздуха, наполняющего лес. Это было удивительнее всего на свете!

Женщина с меня ростом, то есть роста для женщины необыкновенного, в тонком черном свитере с желтой полосой поперек груди стояла, опираясь на палки, и смотрела на мою запись. Потом она посмотрела на меня.

Сначала я почему-то отметил лишь ее рост и желтую полосу на свитере. Наверное, это было еще тогда, когда она не подняла на меня своих глаз. А потом она посмотрела на меня, и я больше не видел желтой полосы и не думал о том, что такой рост должны иметь одни только королевы, то есть они должны были его иметь, когда были в цене и участвовали в романах и драмах.

— Что вы здесь делаете? — просто спросила женщина, как будто мы век были знакомы и вот случайно съехались на прогулке.

Мы поехали вместе — она впереди, я сзади, и это не мешало нам время от времени перебрасываться пустяковыми фразами. Но мелодия, случайно прилетевшая ко мне там, на поляне, может быть, звучала уже одновременно в нас обоих.

— Кто это напетлял такими маленькими следочками? — спросила женщина.

— Здесь ночью охотился горностай. Смотрите-ка, что здесь, оказывается, случилось.— В снегу виднелись две ямки, как если бы кто-нибудь дважды глубоко ударил лыжной палкой с широким концом.— Здесь под снегом сидели тетерева. Горностай учуял их и нырнул к ним под снег. Вот его норка. Тогда тетерева взмыли вверх, подняв снежные фонтаны. Только вот почему один взмыл свечой, а другой прочертил по снегу глубокую борозду? Уж не унес ли он маленького хищника на себе? Так ведь иногда бывает.

— Фантазия! — рассмеялась женщина, и мартовская синева успела полыхнуть на ее зубах.— Фантазия из охотничьих рассказов.

— Подойдите и загляните в ямку.

— Ой, и правда! — В ямке на дне лежали продолговатые, ярко-желтые орехи тетеревиного помета.— С вами интересно ехать по лесу.

— Со мной интересно не только в лесу.

Я нарочно сказал так, чтобы услышать дежурное: «Какая самонадеянность!» Но женщина сделалась серьезной.

Некоторое время мы шли молча. Начался заметный спуск: сначала по чистому полю, а потом по густому кустарнику, так что нам пришлось лавировать, местами спускаться лесенкой, ибо не было простора пустить лыжи прямо с горы.

Наконец меж кустами открылась прогалина. Спутница первая пустила лыжи по ней. В самом конце спуска (снег был там рыхлый и затормозил лыжи) она зарылась в сугроб. Через несколько секунд я барахтался рядом. Снег набивался в уши, за воротник, в волосы. Он оказался совсем не холодным. Он радостно освежал. Он опьянил нас, и мы вели себя, как маленькие ребятишки. Я стал подымать ее на руки, но, поднявшись, она перевесилась на мою сторону, и мы опять оказались в сугробе. Мы засыпали друг друга снегом, помогали друг другу вставать, снова падали, хохотали и смотрели друг другу в глаза.

Потом она села. Я положил голову ей на колени и затих. И она тоже затихла. Сначала я глядел в синее небо, а потом закрыл глаза. Я не знаю, долго ли было так, может быть, пять минут, может быть, полчаса, может быть, полжизни.

Сделалось так тихо, что журчание ручья подо льдом наполнило весь мир. Значит, рядом бежал ручей, и вот журчание его стало слышно из-подо льда. В то время, как я весь отдался пению воды, женщина наклонилась и поцеловала меня.

...Оказывается, в ручье все же была полынья — небольшая проталинка на быстринке, в которой среди голубого снега переливалась светлая струя воды. Камушки и песок просвечивали сквозь воду.

Мы долго стояли и глядели, как вода, выбегая из-под темного полога льда, встречалась с солнцем и как ее снова утягивало в темноту.

— Эта проталинка — мой сегодняшний день,— сказала женщина.— Солнце, синее небо и песня. Я пойду, а вы идите обратно. Ничего больше не нужно. Было все самое хорошее, а дальше будет как всегда и у всех. Не хочу. Прощайте!

Я сломал большую ольховую ветвь с маленькими сережками, плотными, скрючившимися так и сяк.

— Поставьте в воду у себя в комнате. Через несколько дней ольха зацветет. Видите эти сережки, они скрючены и смотрят кто куда. Потом они сделаются золотыми, большими и все тяжело повиснут среди коричневых ветвей, стремящихся вверх и в сторону. Будут параллельными штрихами свисать вниз тяжелые золотые сережки. Это будет похоже на музыку. Только уборщица совсем заругает вас: по всей комнате будет летать золотая пыльца цветения.

Поднявшись на гору, издалека женщина помахала мне, и я подумал, что никогда больше не увижу ее и даже никогда не узнаю имени.

Когда я вышел на свою лыжню (она оказалась совсем близко), то никто уж не перегонял меня. Только сейчас мне пришло в голову, что там, где Федя, может быть, хватились меня, ждут или даже ищут. Как же так, ушел человек со старта и до сих пор нету!

Издали я увидел, что на горке, там, откуда мы рванулись, где должен быть финиш, все еще толпится народ. Заметив меня, на горке замахали руками и лыжными палками. Кровь стыда и позора бросилась мне в лицо. Федя не выдержал и побежал навстречу:

— Где же вы? Разве так можно! Все же коллектив... Перепугались. Трое поехали вас искать.

— Я сбился с лыжни и немного поплутал по лесу,— соврал я внятно и твердо.

— Мы так и подумали. Но очень уж трудно сбиться.

Около входа в корпус мне опять встретилась медсестра Наташа. В ее глазах тревога и даже испуг не сразу успели смениться радостью. Я спросил у нее, чтобы только что-нибудь спросить:

— Ну что, не слышали, догнал ли в конце концов Салкин этого рыжего и в очках, или так ему и не удалось этого сделать?

— У Салкина плохо с сердцем. Он дышит из кислородной подушки, разве вы об этом не знаете?

— Нет, не знаю. Когда он обгонял меня на дистанции, нельзя было и подумать. Старик шел так красиво.

— Вас обогнал Салкин? — недоуменно спросила Наташа.

— Ну да, я не старался убегать от него. Зачем? И ему не нужно было бежать через силу. Видите, что из этого вышло.

Глаза Наташи, всегда сиявшие мне навстречу, вдруг превратились в ледышки, как будто они даже сделались меньше. И голосок ее тоже оледенел.

— Это почему же вы не старались?

— Видишь ли, девочка, я пришел к выводу, что когда по лесу на лыжах идешь тихо, то больше видишь, думаешь и чувствуешь, нежели когда летишь через него сломя голову.

— А самолюбие, а борьба, а цель? — вспыхнула девушка, и глаза у нее опять сделались большими.— Интересная у вас философия: «Мне здесь приятно, тепло и сыро»,— не так ли?

— Ну... из пустяка вы делаете слишком далеко идущие выводы!

— Да-да-да! — крикнула девушка мне вслед, когда я, уже сняв лыжи, поднимался по ступенькам.— Да, вы эгоист! Это философия ужа, горьковского ужа, понимаете! А у соколов рвутся сердца, и они не жалеют об этом.

Оглянувшись на Наташу, я понял, что уж больше никогда не засветятся для меня ее глаза, ее милые, добрые солнца, в которых было столько восторга и как бы надежды или ожидания.

Войдя в комнату, первым делом я бросился к столу, чтобы записать музыку, которую нашел на лесной поляне.

ПОД ЗВЕЗДАМИ БАЛКАНСКИМИ

Ник. КРУЖКОВ,
Л. СТЕПАНОВ

Остров Большевик

В ожидании катера мы сидим у пристани на скамейке. Панайота Георгиевича Ярымова в бургасском порту знает каждый,— проходя мимо нашей скамейки, все почтительно и в то же время с явным удовольствием здороваются с ним. Восемь лет он был председателем исполкома Бургаса, а теперь возглавил городское Общество болгаро-советской дружбы.

Мы ведем беседу по-русски и уже не удивляемся тому, что Панайот Георгиевич говорит совсем свободно и даже «по-московски». Оказалось, что с одним из нас он жил много лет в районе Крестьянской заставы. В Москву приехал после знаменитого побега сорока трех болгарских коммунистов с острова Святой Анастасии. Теперь этот остров называется Большевик, и как раз туда мы собираемся отправиться на катере. А пока катера нет, просим рассказать об апрельских событиях 1925 года.

Помолчав немного, Панайот Георгиевич неожиданно спрашивает:

— Слышали, как заскрежетала дверь товарного вагона?

— Нет, не обратили внимания.

— Я слышал... Тогда нас привезли как раз сюда. Вагоны с арестованными стояли на этих путях. Ночью так же скрежетали двери, и мы знали: кого-то из наших выводят. Но никто не знал, что нас ожидает. Многих уже пытали. Для меня, молодого коммуниста, это были первые уроки, первые испытания. Тогда я научился не кричать, когда бьют... Заскрежетала и наша дверь — шестерых связанных повели к катеру. Рядом с нами шли палачи. У всех на виду они несли свои орудия: резиновую палку, веревки, проволоку. Куда нас везли? Может быть, топить? После пыток это не казалось слишком страшным. Но нас привезли в тюрьму. Вскоре одного из нас выхватили из камеры и поволокли по коридору. Сразу стало тихо. И вдруг в этой оглушительной тишине раздались три выстрела...

Пришли за следующим. Опять тишина, и опять три выстрела из винтовки...

Меня увели четвертым. Я шел по коридору и ждал пули в затылок. Когда упаду — еще две пули в сердце. И все. Очень просто. Но я оказался в комнате, где сидел следователь.

— Хочешь жить?

— Хочу жить лучше.

Схватили за волосы, били головой об пол, потом снова поволокли по коридору. Опять подумал: сколько шагов еще? На этом или на следующем? Но выстрела не было. Он раздался, когда меня втолкнули в какую-то темную камеру. Выстрелили три раза в окно. Я увидел на полу товарищей, которых увели до меня. Они были избиты, но живы. Значит, все время стреляли так же — в окно.

Каждый думал, что его ведут на расстрел. Но среди нас не нашлось трусов, никто не выдал товарищей. Когда на утро нас связанных вывели во двор, мы шли как победители, с гордо поднятой головой. А те, с винтовками и резиновыми палками, боялись глядеть нам в глаза...

— Вот он! — Товарищ Ярымов показал на небольшой спортивный катер «Ботев».

Его уверенно вели к пристани четыре подростка.

— Наши парни из ДОСО — что-то вроде вашего ДОСААФа.

Загорелые, ловкие ребята умело пришвартовались, помогли нам перейти на борт и взяли курс на остров Большевик; вскоре, когда мы вышли на рейд, он стал вырисовываться в нескольких милях впереди.

— Как остров графа Монте-Кристо,— пошутил кто-то.

— Граф был жалкий одиночка! — рассмеялся Ярымов.

«Ботев» плыл мимо болгарских кораблей, на которых дружно работали матросы-комсомольцы, мимо советских торговых судов с трепещущими алыми флагами на мачтах. Навстречу шли прогулочные суда с Солнечного Берега, лодки рыбаков-любителей из Бургаса, ловивших скумбрию, ставриду.

Остров Большевик был уже совсем близко. Он небольшой, скалистый, круто приподнятый над водой. Видно маяк, церковь, здание бывшей тюрьмы, каменистый склон к причалу. Там, где причал примыкает к крутому берегу, на скале, еще с моря была заметна белая мемориальная доска.

Мы поднялись по крутому берегу, прошли через тюремные ворота. Около них висела еще одна мемориальная доска. Оказывается, в 1941 году и гитлеровцы устроили здесь концлагерь. Им тоже приглянулся пустынный островок, откуда с берега не услышишь ни человеческого стона, ни выстрела.

Панайот Георгиевич уселся на скамейку под навесом, снял пиджак и спросил хитровато:

— Будет ли разрешено пекарю прочитать небольшую лекцию?

Панайот Ярымов действительно был в молодости пекарем. В Москве он тоже работал мастером на хлебозаводе № 3. Потом был секретарем партийной организации этого завода, членом райкома Пролетарского района, окончил рабфак и сам преподавал позже в московских вузах.

С множеством ярких подробностей рассказывает Панайот Георгиевич о героическом вооруженном восстании в сентябре 1923 года. Это восстание Георгий Димитров считал очень важным для развития классового самосознания болгарского пролетариата. Оно способствовало превращению Болгарской коммунистической партии в подлинно марксистскую, боеспособную организацию.

— Весной 1925 года террор палача-профессора Цанкова достиг, пожалуй, своего наибольшего размаха. Арестованных расстреливали на улице, по дороге в тюрьму; видных революционеров обливали бензином и сжигали в печах. Тюрьмы были переполнены. Потому мы и оказались здесь — на острове Святой Анастасии, как он тогда назывался.

Прокурор вручил приговоры, двадцати шести — смертная казнь. «Не много ли, прокурор?» — спросил кто-то. «Не много,— ответил он.— Когда дойдет очередь до нас, вы нас тоже не помилуете. Мы знаем, с кем имеем дело».

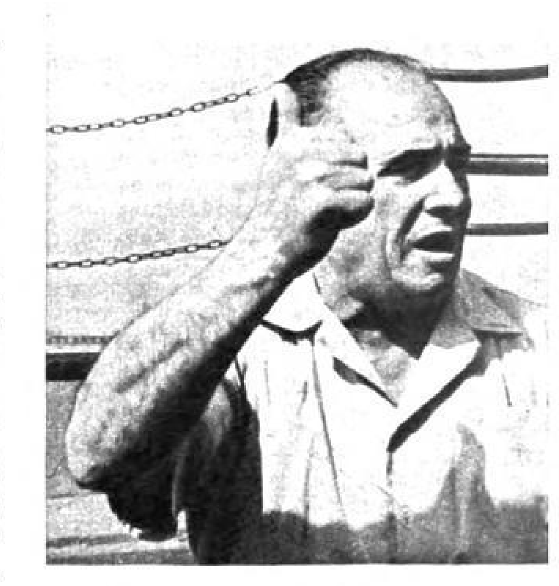
Боевая группа решила спасти смертников. Стали думать, как устроить побег. Собирались в алтаре тюремной церкви. Караульных было немного, но на ночь лодки угоняли к городскому берегу. Оставалась только одна небольшая лодка.

Однажды к острову подошло небольшое судно. Мы воспользовались этим и продырявили его спасательную лодку, привязанную к корме. Лодка осталась у острова. У нас было уже две лодки, и нужно было только выбрать удачное время, чтобы обезоружить стражу.

И вот Тиохар Бакарджиев, возглавлявший боевую группу, сказал:

— Сегодня!

Вечером нам разрешили устроить небольшой концерт. Вот здесь, посреди двора. В окружении конвоиров я, почти голый, опоясанный обрывком невода, собирался изображать «балерину». А на самом деле задача у меня была совсем другая: вырвать винтовку у часового. В разгар приготовлений к спектаклю мы по сигналу Бакарджиева набросились на стражников и разоружили их. Потом мы разобрали все оружие, которое было на острове, а стражников заперли в свои камеры.

На пути к острову Большевик...

Решили, что переправляться на берег в сторону бухты Метох в первую очередь будут те, у кого самые тяжкие приговоры.

Переправились сорок четыре человека, среди них один из конвоиров, который перешел на нашу сторону.

За нами была послана погоня, целая армия — шесть тысяч солдат. Со стороны турецкой границы тоже выехал большой отряд. С ним мы встретились в горах. Завязался бой. Среди нас имелись бывшие солдаты, и мы дали хороший отпор. Потом разбились на три группы и козьими тропами перешли через турецкую границу.

С большими трудностями добрались мы до советского консульства. Дорогой оборвались все, изголодались. Встретили нас, как родных братьев, накормили, устроили баню, русские отдали нам свои рубашки и ботинки. Сообщили в Москву Георгию Димитрову и Василию Коларову. Они помогли нам перебраться из Турции в Советский Союз.

Панайот Георгиевич надевает пиджак. Молодые парни из ДОСО переводят дыхание. Старый коммунист подмигивает им:

— Не в первый раз слушают, но всегда раскрывают рты... А теперь я покажу вам наше хозяйство.

В одной из комнат бывшего караульного помещения размещен небольшой мемориальный музей.

На стенах мы видим портреты товарищей Ярымова, участвовавших в побеге. Из них мало осталось в живых, но в жизни этих людей вся история нашей эпохи: тот погиб, сражаясь в рядах Красной Армии, тот — на баррикадах Мадрида, а вот эти товарищи стали министрами и руководителями партии сегодняшней социалистической Болгарии.

Волны покачивают наш катер у пристани. Прежде чем перейти на борт, Панайот Георгиевич показывает нам рукой на берег бухты Метох.

— В этом году 28 апреля, в день нашего побега, здесь был проведен массовый заплыв молодежи. Я тоже участвовал — дал старт и первым бросился в воду. Доплыл до берега, правда, не первым. Куда мне теперь! Но все-таки доплыл! Факт!

Перемены в Старой Загоре

Строится Болгария! В разных концах возникают могучие предприятия самого разного профиля. Болгария меняет свой облик: из страны аграрной превращается в индустриальную. Нелегок этот процесс! Но болгарский народ хочет быть истинным хозяином своих богатств: недра родной земли

Только что проехали Старую Загору, и перемена наглядно предстала перед нами: огромный новый, «с иголочки», азотнотуковый комбинат. Раньше лежала здесь голая равнина.

...Комбинат одновременно и достраивался и готовился к выпуску первой продукции. Э, да тут немало наших земляков — инженеров и техников! Советский Союз пришел на помощь Болгарии. Инженер из Ленинграда Герман Иванович Мутовкин восторженно говорит о своих болгарских товарищах:

— Прекрасный народ — энергичный, толковый, работящий! За три года видите, какую махину отгрохали?.. Любо-дорого смотреть. Ну, а как в Москве, как в Ленинграде?

— Скучаете?

— Скучать некогда. Но, откровенно говоря, люблю я свой Ленинград и часто вижу его во сне. Приедете туда — передайте привет от Мутовкина.

— Кому?

— Невскому проспекту, Адмиралтейству, Нарвской заставе...

Нас взяла в полон молодая супружеская пара — Кончо и Лидия Коневы. Он болгарин, из Старой Загоры, она русская, из Белева. Оба учились в Москве, в менделеевском институте, полюбили

едем в Союз, повидаемся со всеми родными и знакомыми...

Кончо — загорелый, смуглый, с яркими южными глазами, Лида — светлая шатенка с милым, нежным русским лицом.

...Светило яркое солнце, горы синью дымились вдали, вокруг кипела стройка, полная оживления и того трудового напора, какой возникает при дружной, веселой работе.

Чудеса в Кремиковцах

— Кремиковцы? Почему так называется комбинат?

Наш спутник и товарищ — болгарский коллега из журнала «Наша Родина» Любен Шекерджиев — улыбнулся и неожиданно продекламировал Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...

Слово «кремнистый» Любен произнес, как говорят актеры, «с нажимом».

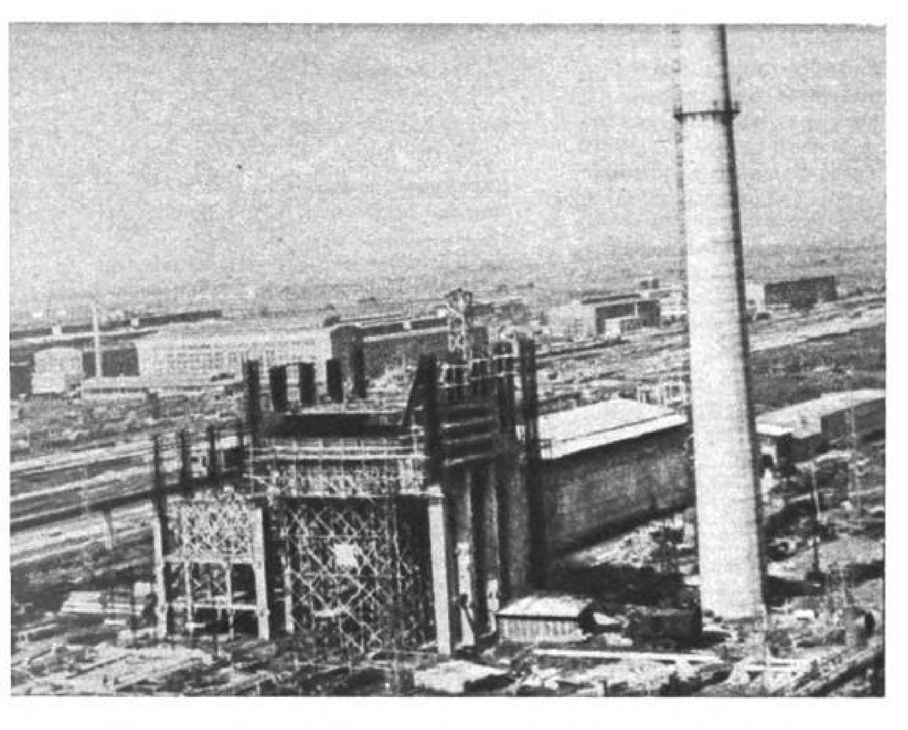
— Подъедем поближе, увидите, какая там почва: твердая, кремнистая. Поэтому и называется село Кремиковцы. Крестьяне мучились: хлеб им давался тяжело. А нужно было здесь собирать другой урожай — не хлеба, а железа. Только кому это прежде могло прийти в голову? Таких открытий и превращений после

— В начале будущего года должны быть пущены две коксовые батареи и одна доменная печь. Темпы стройки колоссальные, для нас еще небывалые. Нелегко строить такой гигант. Проблема номер один — квалифицированные кадры.

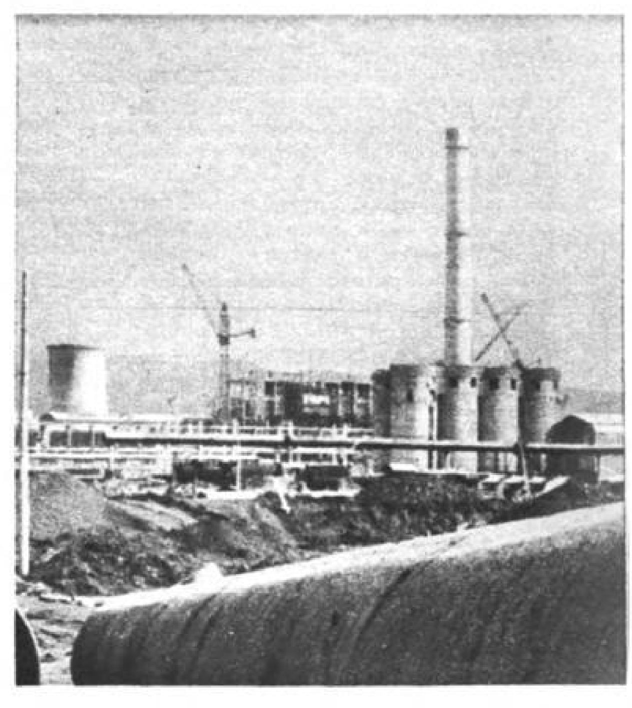
Одним взглядом трудно было охватить всю огромную, захватывающую панораму Кремиковского строительства. На нескольких квадратных километрах справа и слева от дороги высились железобетонные каркасы, башни, краны. На дне огромных, глубоких котлованов лежали балки, трубы, цементные плиты. Во всех направлениях маленькими муравьями, упрямо рыча, пробирались грузовики, тягачи, экскаваторы.

Человеку, впервые попавшему сюда, кажется, что он видит первозданный хаос. Только взобравшись на 36-метровый скруббер, мы поняли, насколько гармонично идет строительство металлургического гиганта.

Советский инженер Алексей Васильевич Грибанов, поднявшийся вместе с нами на скруббер, помог нам явственно представить, как красиво будет выглядеть завершенный комплекс Кремиковцев. Комбинат распланирован не только рационально — близко от руды и угля, от транспортной сети

Один из участков Кремиковцев — коксохимический завод.

Машинист подъемника Мария Варбан

Рождение гиганта.

полны сокровищ, их надо поставить на службу родине.

...Бежит машина по новой широкой асфальтовой дороге, стелются кругом широкие долы, полные плодов земных. Горы то надвинутся совсем близко, то разойдутся в стороны... Чирпан, Старая Загора, Новая Загора — оживленные городки, полные зелени, всегда продуваемые свежими ветрами,—места знакомые, веселые, радующие глаз. Четыре года назад приходилось бывать здесь. Какие же за это время произошли перемены на здешней земле?

друг друга, и вот теперь оба здесь — лаборанты Старо-Загорского комбината.

Они нам толково и обстоятельно рассказывали о комбинате, но свой рассказ то и дело перебивали вопросами:

— Как Москва? Как наш институт?

Лида весело и радостно рассказывала, как ее полюбила болгарская мама, как они дружно живут, какие их окружают друзья и товарищи.

— Конечно, скучаю по своей маме. И немножко по Белеву... Но ничего, мы скоро с Кончо по-

9 сентября у нас множество. Свою страну мы узнаем и осваиваем по-настоящему только теперь. Деды считались бедными, а в руках у внуков оказалось богатейшее наследство. Между прочим, когда Кремиковцы начнут работать в полную силу, Болгария выйдет на первое место в Европе по производству металла на душу населения.

В розоватой дымке утреннего тумана перед нами уже вырисовывались грандиозные контуры металлургического комбината.

— Когда же Кремиковцы дадут первый металл?

и потребителей металла,— но и очень стройно, даже изящно. Составные части Кремиковцев будут расположены террасами, примерно так, как дворцово-парковые ансамбли Версаля и Бельведера.

Алексей Васильевич вместе с группой советских инженеров, техников и рабочих помогает болгарским специалистам строить один из важнейших объектов Кремиковцев — коксохимический завод.

— Это первый в Болгарии коксохимический завод,— сказал Алексей Васильевич.— До его закладки в Болгарии не было спе-

циалистов-огнеупорщиков. Здесь происходит то же самое, что было у нас во время первых пятилеток: вместе с индустриальными новостройками растут свои высококвалифицированные кадры.

По дороге до завода Алексей Васильевич с воодушевлением влюбленного в свое дело человека рассказывал:

— Всего батарей будет восемь. В одну коксохимическую батарею укладывается около одиннадцати тысяч тонн огнеупоров. В батарее около семидесяти печей. И каждый ряд печи, каждый шов, каждый огнеупорный кирпич требуют предельной, прямо-таки фантастической точности.

Ряды высоких печей, сложенных из золотистого огнеупорного кирпича, напоминали рамки с медом в улье, с которого сняли крышку. На растущих вверх печах трудилось несколько десятков рабочих и работниц.

Они неторопливо, очень внимательно и четко делали свое «ювелирное» дело. Часто промеривали, вкалывали в шов щуп, пробовали качество цемента. Где-то здесь, среди молодых болгарских специалистов, находились и пять наших «профессоров» — мастеров-шамотчиков, обучавших болгарских рабочих своему тонкому искусству. Но теперь их не отличишь в работе от бывших «студентов».

А вот и самый главный «ювелир» — инженер Николай Борисович Самусенко. Он пробирается к нам по печам, отдавая на ходу какие-то распоряжения. Наверно, не просто молодому инженеру командовать таким большим отрядом огнеупорщиков, но ему помогает богатый опыт Кузнецкого комбината.

По нашей просьбе Николай Борисович представляет нам бригадира лучшей бригады, завоевавшей красный вымпел «первенцев» — передовиков. Васил Андреев немолод. Он был сержантом артиллерии и вместе с советскими солдатами освобождал Болгарию от оккупантов. Овладев искусством шамотчика, Васил взялся сам обучать шестнадцать рабочих. Девять из них уже работают самостоятельно.

Молодая женщина в комбинезоне что-то сказала по-болгарски Николаю Борисовичу. Он извинился и поспешно ушел на другой конец батареи, захватив с собой измеритель и деревянный молоток.

— Наши инженеры не белоручки,— кивнул в сторону своего молодого коллеги Алексей Васильевич.— Если нужно, сами берутся за мастерок.

Мы уже потом узнали, что и сам Грибанов лично обучал болгарского сварщика Велко Панайотова сложной гомогенной пайке. До этого на Кремиковцах никто не умел припаивать свинец к стали без промежуточных луд.

Сварщики большой толпой пришли смотреть, как получится у Велко. Кое-кто подтрунивал над ним, говорил, что «не возьмет».

Велко Панайотов, недавний рыбак из Бургаса, даже вспотел от напряжения. На какой-то миг усомнился: а вдруг и впрямь у него не получится так, как у Грибанова? Но нет, вышло! У Велко упорства достаточно, а руки ловкие, умные. Вот он распрямил спину и улыбнулся.

— Готово! Отдирайте!

Приятели попробовали отодрать свинцовый лист, да не тут-то было! А Велко утирал со лба пот и радостно смеялся.

Теперь те, кто подтрунивал над ним, стали его учениками.

Илья Крушев и его бригада

Найти бригаду было нетрудно: на участке, высоко на лесах, висел транспарант со словами: «Здесь работает бригада коммунистического труда «Михаил Шолохов».

История самой популярной в Кремиковцах бригады коротка и проста, но в этой истории, пожалуй, отразилось все то, что характерно для Болгарии последних лет.

Жил в Софии старый, опытный строительный мастер Илья Крушев. У него были товарищи, четверо таких же, как он, мастеров. Их уважали на работе и на той улице, где они поселились. Они неплохо зарабатывали, в праздники вместе со своими семьями могли принарядиться, весело погулять на Витоше, сходить в театр, посидеть в бирарне.

Началась «стройка номер один», и Илья Крушев вместе со своей бригадой тоже пошел строить Кремиковцы. Как и прежде, они работали на совесть, получали благодарности. Но скоро стало ясно, что с бригадой из пяти человек ничего не сделаешь. Нужен был большой и дружный отряд универсалов, способный выполнять разнообразные неотложные задачи стройки. Старики мастера объединились с грамотной, инициативной, но еще неопытной молодежью. Каждый мастер взял себе в учение нескольких комсомольцев. Получился крепкий, ценный сплав — бригада не только вышла в лучшие по производственным показателям, но и стала вожаком многих передовых, культурных начинаний стройки.

Бригада коммунистического труда имени Шолохова работает дружно и живет хорошо. Рабочие в свободное время учатся, занимаются спортом, бывают в музеях и театрах. Кроме русского, некоторые учат еще и французский язык. Один из стариков уже читает своего любимого Виктора Гюго в подлиннике.

Каждый месяц проводится литературная дискуссия по произведениям какого-либо писателя. Нужно ли говорить, что этот «литературный курс» был начат с обсуждения «Тихого Дона» и «Поднятой целины»!

Недавно бригада послала Михаилу Александровичу Шолохову большое письмо. В нем строители обстоятельно рассказали о своей жизни, о планах на будущее и сердечно пригласили его приехать к ним в гости.

...Так живут и трудятся болгарские рабочие, создающие своими руками, своим разумом и сердцем новую, индустриальную Болгарию.

Счастливого пути!

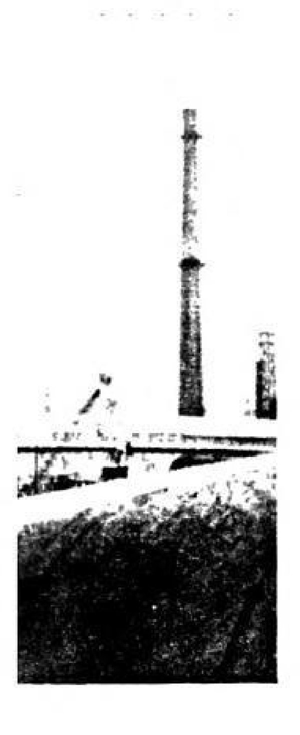
Счастливого пути тебе, Болгария,— страна трудолюбивых, честных, добрых, деятельных людей, бесконечно любящих свою родину!

Да и как ее не любить, когда она так прекрасна и своей природой и душой своего народа!

Сколько веков терзали и мучили эту землю лютые враги, сколько крови пролилось в ее прекрасных долинах! Турецкие завоеватели пятьсот лет измывались над болгарским народом — устоял народ, сохранил свою славянскую речь, свою древнюю культуру, свои обычаи. Фердинанд Кобург-Готский приволок в Болгарию иноплеменную свору, грабительской шайкой набросилось Фердинандово окружение на болгарское добро — сгинули фердинанды и их наследники.

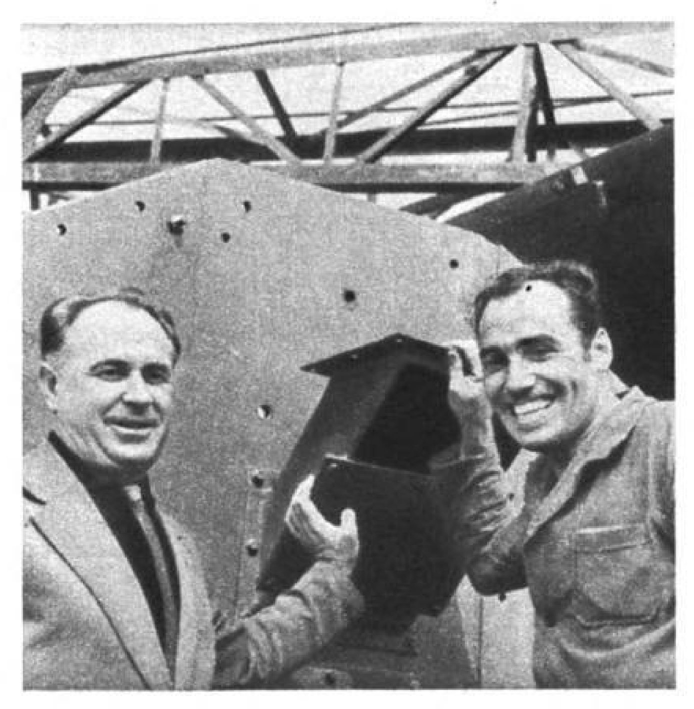
Теперь народ вольнолюбивой страны стал под стяг социализма, расправил плечи и начал строить новую жизнь.

Как быстро все меняется вокруг! Как быстро идет в рост! Набирается сил народная Болгария — раскрывает богатства своих недр, творит, создает, радуясь жизни! И кажется, что и само солнце стало ярче сиять над благословенной болгарской землей.

Бригада «Михаил Шолохов».

Инженер Алексей Васильевич Грибанов и сварщик Велко Панайотов.

«Ювелир» Васил Андреев.

Бунт женщин

Скажите, мадам, вы сами выбрали для своего юбилейного спектакля Лисистрату и можно ли считать ее вашей самой любимой ролью?

— Дорогая Мюкелена,— говорит Президент,— вы наша национальная гордость. Разрешите... вручить этот орден.

«Вот я клянусь: ни мужа, ни любовника...
Не утолять желаний,
...Пока нам мира не дадут желанного».

Безумный день (у Президента). Без ванны, без обеда... Хорошо, что удалось хоть полчаса поспать и забыть эту фантасмагорию.

— О Мюкелена, годы прошумели над тобой, как вода. Они лишь освежили тебя, как душ, и сделали еще более прекрасной!

— Дрожите, трусы! Страшно вам! Что много нас? А мы ведь тысячная часть великих воинств женских...

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

В спектакле «Бунт женщин» все необычно. В списках действующих лиц рядом с Лисистратой, сценической героиней, известной любителям театра вот уже ни много, ни мало 2 373 года, Президент и Председатель общества сохранения невинности. А этих героев мы, как ни старались, не нашли ни в одном переводе комедии Аристофана о Лисистрате — женщине, распускающей войско.

Необычен и авторский коллектив. Зрителя удивляет не то, что у одной пьесы четыре автора. К этому он уже привык. Но как удалось им так хорошо дополнить и понять друг друга — Аристофану, современному датскому писателю К. Сандербю, Назыму Хикмету и Виктору Комиссаржевскому! Что их объединило?

А объединило их одно простое и короткое слово — «мир». Мир, благо которого для человечества было бесспорно еще до нашей эры.

Постановщик спектакля Ю. Завадский, четыре автора пьесы и весь коллектив артистов Театра имени Моссовета убеждены, что о самых серьезных вещах можно говорить весело, остроумно, темпераментно, ярко. И не удивительно, что этот великолепный спектакль, вобравший в себя самые различные сценические жанры — от фарса до психологической драмы, от классической комедии до водевиля,— стал одной из сенсаций театрального сезона.

События тысячелетней давности создатели пьесы и спектакля перенесли в наши дни. Место действия — некая капиталистическая страна. Героиня — знаменитая актриса Мюкелена — много раз играла на сцене Лисистрату; однажды она попыталась стать ею и в жизни.

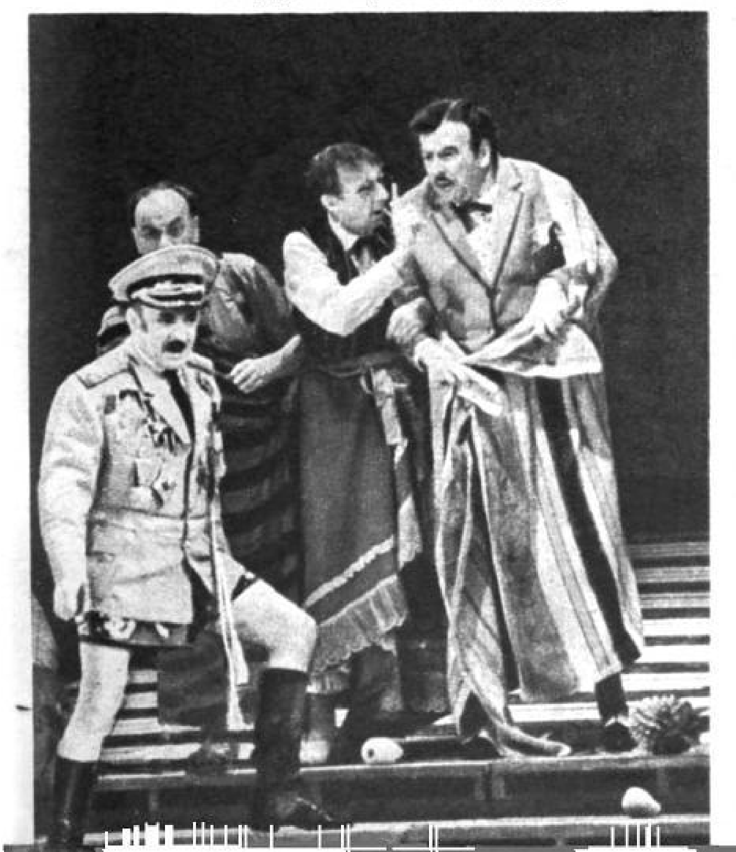
Мюкелену играет народная артистка СССР Вера Петровна Марецкая. Президент — народный артист СССР Ростислав Янович Плятт.

Когда бунт женщин окончился победой и Мюкелена с Договором вечного мира в руках выходила на бесконечные аплодисменты зрителей, мы устремились за кулисы. Нам хотелось задать Марецкой тот же самый вопрос, что задают на сцене Мюкелене наши коллеги.

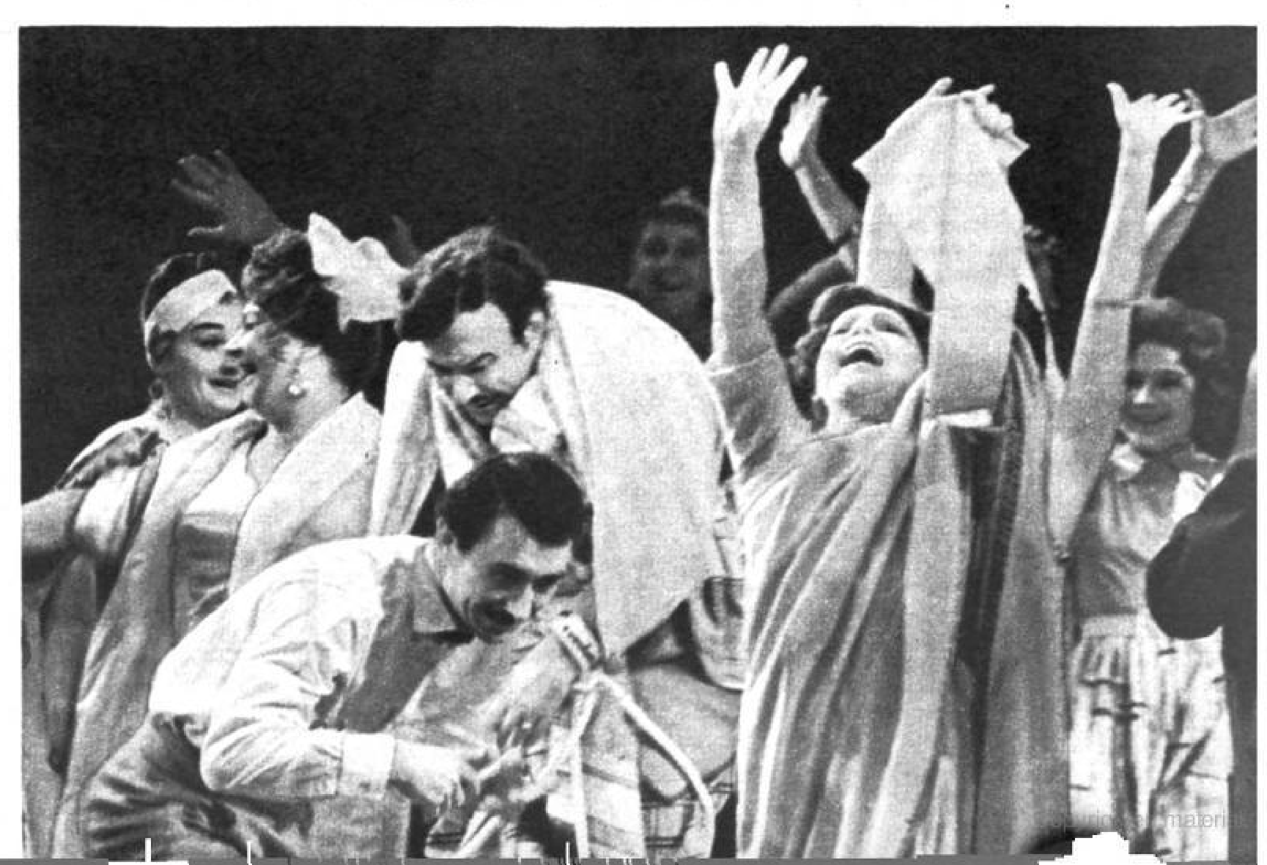
— Можно ли считать эту роль сейчас вашей самой любимой ролью?

— Можно. В этой отчаянной, дерзкой, гротескной комедии мы, женщины, говорим о самом для нас важном, о самом главном — о мире. Мы утверждаем радость жизни, боремся за жизнь, за мир, за любовь, за дом, за семью, за детей... Когда я чувствую волну симпатии и радостного согласия бурного, оживленного или вдруг притихшего, печального зрительного зала, я счастлива.

И. ВЕРШИНИНА.

— Немедленно достать мне ботинки, брюки, галстуки, рубашки, запонки... Все.

Мира желанного, доброго, долгого. Радости светлой, согласия вечного...

НЕПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

Ольга ЖУКОВА

Надо мною волны Белого моря. Внизу, на дне, расстилаются бескрайние подводные джунгли. Поражает разнообразие водорослей. Гигантскими лентами тянутся вверх золотисто-оливковые листья морской капусты. Они переплетаются с изящными нитями хордарий. Длинные, тонкие хорды сплошь покрыты студенистыми, прозрачными гидроидами и в лучах солнца блестят, как ледяные сосульки. Кустарники стройных фукусов, похожих на кораллы, чередуются с зарослями багрянки. Словно облако, сплетенное из тончайших зеленых нитей, висит водоросль кладофора. А у самого дна расстелился ковер пушистой анфельции.

Красив и необычен этот мир! На первый взгляд покажется, что он лишен жизни, но это только первое впечатление. Стоит немного приглядеться и привыкнуть к «неземному» освещению, краскам, формам, тишине, которая царит под покровом волн, и начинаешь замечать подводных обитателей. Они наполняют этот мир и встречаются повсюду...

Большинство жителей подводного царства ловко маскируется под цвет водорослей, камней, дна. Опустившись на грунт, я едва не наступаю на гигантского паука с длинными лапами. Это краб — хиас. Его пестрый панцирь сливается с рисунком дна, и краб почти невидим. Потревоженный хиас быстро встает на лапы, принимает угрожающую позу, вытягивает растопыренные клешни. Приближаю к его клешне ветку водоросли, мгновение — и она зажата мертвой хваткой. За эту дерзость краб попал на берег, а затем в котел.

Оставляя длинную линию на песке, ползет куда-то моллюск-трубач. Вытягивая вперед усы-антенны, он прислушивается и приглядывается к окружающему. Почуяв опасность, трубач быстро прячет свое гибкое тело внутрь извитой белой раковины. Всю жизнь носит он ее на себе... Во многих европейских и восточных странах этот моллюск считается деликатесом. Здесь же, на Белом море, он попадает на обед лишь морским звездам. А сколько их, морских звезд! На вид это красивые безобидные существа. Их мантия словно вышита бисером разных оттенков, от ярко-красного до нежно-розового. Звезды плавно движутся по дну или водорослям в разных направлениях. Если понаблюдать за звездой, то можно увидеть, что она поедает все живое, встречающееся на пути. Морская звезда — прожорливая хищница. Она порой нападает на жертву, размер которой значительно больше ее рта. В таком случае звезда выворачивает свой желудок, обхватывает им добычу и так переваривает ее. Морские звезды — бич для устричных и мидиевых банок; двустворчатые моллюски, видимо, особенно приходятся им по вкусу. Тело морской звезды содержит много различных минеральных солей и может с успехом применяться для удобрения.

С каждым взмахом ластов продвигаюсь вперед. Окружающее настолько увлекательно, что забываешь про леденящую воду, про холод, который настойчиво пробирается сквозь гидрокостюм.

Но разве проплывешь равнодушно мимо причудливого «сосуда» ярко-кораллового цвета, который неведомо как держится на стебле ламинарии! Форма, фактура и цвет его настолько необычны и интересны, что могли бы спорить с лучшими образцами ваз, созданных модернистами. Я попыталась взять сосуд в руки, но он неожиданно стал уменьшаться и принял размеры обычной моркови. Видно, гордая асцидия не захотела терпеть чужого прикосновения и выпустила из себя всю воду. Это интересное животное имеет два сифона, через которые перекачивает воду. Искать пищу ей не приходится. Всю свою жизнь асцидия проводит на одном и том же месте, питаясь микроорганизмами.

А вот другая представительница подводного мира. Она любит путешествовать. Как фантастический реактивный корабль, толчками продвигается вперед, оставляя позади длинный бело-желтый след. Купол ее похож на рубиново-красный шар. Это полярная медуза — циана. Прозрачная бахрома, которая тянется за ней, несет ядовитые стрекательные клетки. Силу их мне пришлось испытать. Одного легкого прикосновения к медузе было достаточно, чтобы кожа руки мгновенно покрылась пузырями...

Мое внимание привлек какой-то странный предмет. Он спускался с поверхности. Почти касаясь меня, деревянные вилы в форме трезубца с силой воткнулись в сочные листья морской капусты. Раздался хруст, нарушивший тишину Нептунова царства. Невидимая рука ловко накрутила трехметровые листья на зубья и потянула вверх копну золотистых водорослей. Они скрылись над зеркальной поверхностью волн, там, возле черневшего силуэта рыбачьей лодки.

Человек собирает урожай моря. Неисчерпаем этот урожай! Буйные ламинариевые заросли тянутся километрами. Их не надо сеять, полоть, удобрять. Но только жаль, что собирают их пока еще ничтожно мало.

Лист морской капусты из рода ламинарий вырастает в три—пять метров длиною. С одного квадратного метра можно собрать до двадцати килограммов зеленой массы этой культуры.

Морская капуста издавна известна медицине. В этой водоросли содержатся ценные йодистые и бромистые соли, органические кислоты, полисахариды, необходимые для организма витамины. Органический йод, который образуется в клетках ламинарии, делает ее особенно ценным лекарством при лечении щитовидной железы, склерозе кровеносных сосудов, подагре и заболеваниях, связанных с нарушением обмена веществ в организме. Масло, полученное из морской капусты, употребляется для лечения рахита. Но это далеко не все.

Не меньшую ценность морская капуста представляет для пищевой и текстильной промышленности. Альгинат натрия, который добывают из высушенной водоросли, необходим в кондитерском деле для приготовления мармеладов, кремов, желе. А углевод манит широко употребляется при изготовлении красителей. Но и это еще не все. Высокое содержание углеводов, белка, минеральных солей и даже жира делает морскую капусту ценным пищевым сырьем. В Японии, например, известно около трехсот блюд, приготовляемых из листьев этой водоросли. Консервы, конфеты, печенье с добавлением морской капусты, которые начали появляться у нас, многим пришлись по вкусу. А какие неограниченные возможности заложены в создании комбикормов из ламинариевых и других промысловых водорослей!..

Плыву и вижу пышные заросли этих ценных культур. Им нет конца и края...

Я вышла из моря. Глаза слепило солнце. Здесь, на севере, оно кажется удивительно ярким. Вплотную к берегу подступали низкорослые сосны, утопавшие в мягком, сплошь усыпанном ягодами мхе. Всюду торчали серые гранитные глыбы — свидетели ледникового периода. Свежий ветер трепал длинные золотистые ленты морской капусты, которую развесили, как белье, для сушки. Под ней стелилась ковром сиреневатая анфельция. Теперь эти водоросли пойдут на службу человеку.

Здесь, на небольшом заготовительном участке, я познакомилась с людьми, которые собирают урожай моря. Они еще, к сожалению, плохо представляют, насколько богат этот урожай, и собирают его часто «вслепую». Многие из добытчиков ни разу не видели, как растут водоросли. А посмотреть на все это так просто — нужна всего лишь простая резиновая маска. Та самая, которую можно купить в любом спортивном магазине.

Надо было видеть, с каким восторгом вышел из моря инженер-промысловик С. Б. Розенберг. Хоть он и занимается в Полярном научно-исследовательском институте морского рыбного хозяйства и океанографии технологией переработки фукусов, инженер даже не представлял себе, насколько красивы водоросли на дне.

Познакомилась я и с Ильей Григорьевичем Суровцевым — директором нового агарового завода. Строительство завода завершалось. Илья Григорьевич показывал мне цехи, рассказывал о новой вибропомольной установке, которая будет измельчать сухие водоросли, заменяя труд многих людей.

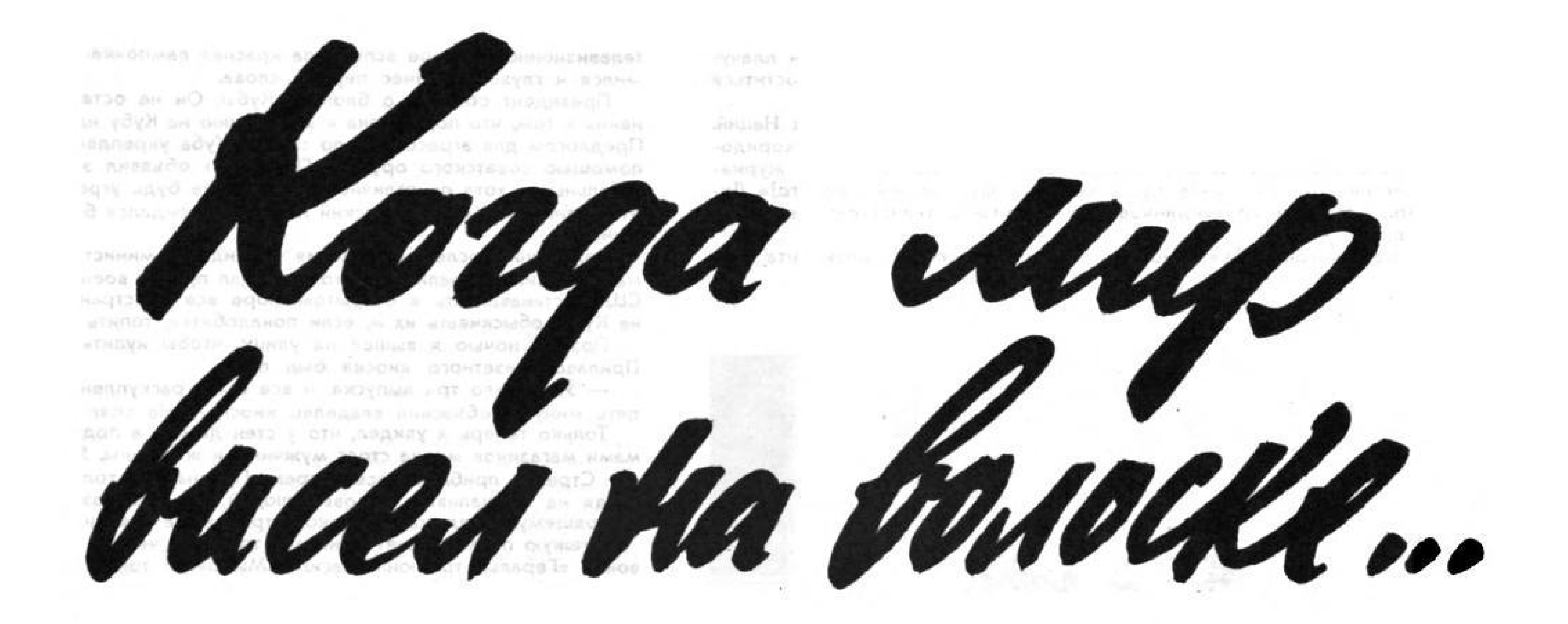
Затем будет создано большое комплексное хозяйство по переработке всех морских и озерных богатств Соловецких островов.

Богатства эти неисчерпаемы. Знаменитая беломорская сельдь, зубатка, лосось, бычки, треска и другая ценная рыба водятся в Белом море. Стада тюленей кочуют на его просторах. А дно покрыто густыми зарослями промысловых водорослей. И человек непременно должен стать хозяином этих богатств!

Научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии Н. Н. Кондаков рассматривает анфельцию — спутницу морской капусты, добытую в Белом море.

На опушке подводных джунглей.

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

РЕПОРТАЖ ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Боб Браун, корреспондент одной из нью-йоркских газет, проснулся на рассвете от какого-то странного шума на улице. Еще не открыв глаза, Боб понял: он слышит гул моторов и лязганье танковых гусениц. Отдернув занавеску окна, Боб увидел колонну танков и грузовых автомашин, в которых сидели морские пехотинцы. Колонна шла по шоссе на юг, в сторону моря.

Боб Браун проводил свой отпуск во Флориде, недалеко от города Майами. Если бы он увидел танковую колонну в другом месте, он бы не придал этому никакого значения. Но Флорида... От южного берега Флориды до Кубы всего девяносто миль. И когда в течение дня мимо окон Брауна прошла шестая колонна танков, Браун понял, что его отпуск окончился.

В ту же ночь Боб прилетел на остров, где находится военно-морская база Ки-Уэст. Он не раз бывал здесь раньше и хорошо знал город. Направляясь в порт, Боб не стал брать такси, а решил пройтись пешком. Вскоре он был на набережной. То, что он увидел, поразило его: на набережной не было ни одного моряка. Ярко светились рекламы многочисленных баров, но внутри было пусто. Хозяева баров в белых передниках, печально скрестив руки на груди, стояли у дверей на тротуаре и смотрели вдоль улицы. Некоторые громко переговаривались.

— В полдень ушла последняя посудина,— услышал Боб.

Он посмотрел в сторону моря и не увидел ничего, кроме густой, глухо ворчащей темноты.

Боб зашел в пустой бар и уселся на вращающийся стул у стойки. Бросая в стакан кусочки льда, старый бармен, обрадованный посетителю, рассказывал:

— Еще неделю назад началось что-то подозрительное. Все дороги забиты войсками. А сегодня корабли ушли в море. Перебросили к нам авиадесантные части. Всю ночь самолеты спать не давали. На стадионе строят какие-то бараки. С машин сгружают колючую проволоку. К чему бы это? Похоже, что заваривается какая-то каша. Как вы думаете, сэр?

Боб затянулся сигаретой и молча пожал плечами.

— Неужели вторжение на Кубу? — почему-то шепотом спросил бармен.

Браун снова пожал плечами.

— Тогда... Тогда нам всем конец! — громко сказал бармен и налил себе стакан виски.

Старинные часы на стене захрипели, и облезлая кукушка, высунувшись из окошечка над циферблатом, испуганно прокуковала двенадцать раз. Начинался новый день — 20 октября 1962 года.

Здесь, на Соловецких островах, встретились «космонавты» подводных просторов — инженер из Мурманска С. Б. Розенберг и художница из Москвы О. Ф. Хлудова.

Фото О. ЖУКОВОЙ.

* * *

В Вашингтоне было яркое, солнечное утро, а в Чикаго шел дождь. Толпа репортеров жалась к подъезду отеля, где провел ночь президент Кеннеди. Президент приехал сюда накануне, чтобы выступить с речью в поддержку кандидатов от демократической партии. До выборов в конгресс оставалось чуть-чуть больше двух недель, и президент спешил объехать как можно больше штатов. Около сотни журналистов сопровождали президента в этой поездке. И теперь, стоя под дождем, они ждали его выхода из отеля.

Вместо президента в дверях появился его помощник. Заглядывая в листок бумаги, который он держал в руке, помощник торопливо объявил, что у президента повысилась температура, что он прерывает поездку и срочно возвращается в Вашингтон. Разбрызгивая лужи, репортеры бросились искать ближайшие телефоны, чтобы зарезервировать билеты на самолеты, отлетающие в Вашингтон.

Была суббота, день, когда в Вашингтоне не работает ни одно правительственное учреждение. Это был «уик-энд», когда тысячи больших и малых чиновников, сменив белоснежные рубашки на спортивные безрукавки, уезжают до понедельника за город. В дни «уик-энда» центральные улицы Вашингтона пустеют. Запираются ворота Белого дома, гигантским пустырем выглядит стоянка машин у Пентагона, одинокие полицейские бродят у пустующих подъездов госдепартамента.

В настежь распахнутые ворота Белого дома один за другим въезжали черные блестящие «кадиллаки». Приезжали и уезжали какие-то люди в штатском и генеральских мундирах. Репортеры не могли узнать их всех, потому что охрана выключила фонари у подъезда. Тем не менее журналисты успели заметить, что в Белый дом были привезены рулоны географических карт. Замечено было также, что портфель, который нес один из генералов, был прищелкнут к его правой руке стальным наручником. Генерала охраняли четверо дюжих молодцов в штатском. Так в Америке перевозят документы, полученные под грифом «Чрезвычайно секретно».

Совещание в Белом доме продолжалось до рассвета. Когда его участники разъезжались по домам, в киосках лежали пахнущие краской газеты с огромными заголовками: «Что-то очень серьезное варится на кухне Вашингтона. Что это? Куба, Берлин? Вьетнам? Или все вместе сразу?»

* * *

В воскресенье Америку охватила тревога. Газеты сообщили, что секретные совещания в Белом доме идут, оказывается, уже целую неделю. Из Флориды передавали, что крупные военные силы стянуты на южный берег полуострова. Сюда были переброшены несколько авиадесантных дивизий, соединение морской пехоты и три полка бомбардировщиков. Стало ясно, что зреет угроза против Кубы.

В понедельник тревога усилилась. В Карибское море ушли тринадцать подводных лодок, крейсеры и авианосцы. Две тысячи солдат морской пехоты были отправлены на американскую военную базу Гуантанамо, расположенную на Кубе. Одновременно началась эвакуация с базы семей американских военнослужащих. На сборы им было дано шестьдесят минут. На телевизионных экранах американцы увидели, как

на аэродроме в Майами из транспортных самолетов выходили плачущие женщины и испуганные ребятишки, не успевшие даже проститься со своими мужьями и отцами.

Утром в понедельник я был в Организации Объединенных Наций. Зал заседаний Генеральной Ассамблеи был почти пуст. Зато в коридорах и холлах было людно. Делегаты, работники секретариата, журналисты встречали друг друга одной и той же фразой: «Что нового?» Дипломаты отводили собеседников в угол, что-то таинственно шептали друг другу на ухо.

По радио было объявлено, что по распоряжению президента скоростные военные бомбардировщики посланы в разные концы страны, чтобы доставить в столицу членов сената. Скоро по телевидению мы увидели, как старички-сенаторы с помощью военных летчиков натягивают на себя костюмы, в которых летают экипажи сверхзвуковых самолетов. Сенаторы выглядели воинственно и одновременно очень комично. Один из них выкатил глаза и, глядя прямо в объектив телекамеры, по-фельдфебельски крикнул: «Я знаю, зачем нас вызывает президент! Скоро вы услышите такое, от чего у вас вспотеет место, на котором вы сидите!»

Американские части на базе Гуантанамо тренируются днем и ночью.

Через минуту телевизионные станции прервали свои передачи, и взволнованные дикторы объявили, что в семь часов вечера президент США выступит с заявлением чрезвычайной важности. Мы поспешили в нью-йоркское отделение ТАСС.

У входа в небоскреб Ассошиэйтед Пресс, где помещается и отделение ТАСС, прямо в стену на улице вмонтирован телетайп, который день и ночь настукивает последние новости. У телетайпа стояла толпа. Когда мы подошли ближе, мы увидели на бумажной ленте строчки: «Государственный секретарь Раск срочно вызвал к себе иностранных послов. Первым приглашен посол СССР Добрынин».

— Ведь это... это война! — задыхаясь от волнения, выкрикнул пожилой мужчина, стоявший ближе всех к телетайпу.

Громко вскрикнула и испуганно закрыла рот руками какая-то женщина. Кто-то закричал: «Такси! Такси!» Толпа загудела, задвигалась.

— Я знаю,— продолжал пожилой мужчина,— когда вызывают послов... так начинаются войны...

* * *

Когда президент направлялся из Овального зала, где происходили секретные совещания, в кабинет, срочно превращенный в радиотелевизионную студию, один из репортеров спросил его:

— Что нового, мистер президент?

— Это был очень интересный день,— улыбнулся Кеннеди.

Опустившись в кресло за столом, прикрыв глаза ладонью от яркого света прожекторов, он выслушал доклад начальника секретной службы о том, что все готово для эвакуации Белого дома в подземные бункеры в горах (вертолеты дежурят на лужайке под окном, грузовики стоят на соседней улице). Затем к президенту подошел Тэд Соренсен, в обязанность которого входит сочинение речей для президента. Кеннеди взял у него папку с текстом и внес в него несколько небольших исправлений. Его личная секретарша миссис Эвелин Линкольн в это время причесала ему волосы и поправила галстук. Через минуту на телевизионной камере вспыхнула красная лампочка. Президент выпрямился и глухо произнес первые слова.

Президент объявил о блокаде Кубы. Он не оставил никакого сомнения в том, что подготовка к вторжению на Кубу идет полным ходом. Предлогом для агрессии было то, что Куба укрепляет свою оборону с помощью советского оружия. Президент объявил это оружие «наступательным», хотя он отлично знал, что, не будь угрозы американского вторжения на Кубу, кубинский народ не нуждался бы ни в каком оружии.

Через час после выступления президента министр обороны Макнамара заявил журналистам, что он отдал приказ военно-морским силам США останавливать в открытом море все иностранные суда, идущие на Кубу, обыскивать их и, если понадобится, топить их.

Поздно ночью я вышел на улицу, чтобы купить свежие газеты. Прилавок газетного киоска был пуст.

— Уже было три выпуска, и все были раскуплены за какие-нибудь пять минут,— объяснил владелец киоска.— Не спят люди... ждут...

Только теперь я увидел, что у стен домов, в подъездах, под рекламами магазинов молча стоят мужчины и женщины. Я посмотрел на часы. Стрелка приближалась к трем. Признаться, только в эти минуты, глядя на молчаливых, суровых людей, ждущих газет, я впервые по-настоящему понял, как глубоко встревожена Америка.

Свежую партию газет привезли только в четыре часа утра. Заголовок в «Геральд трибюн» гласил: «Мы будет топить их!» В другой газете говорилось: «Торговые суда, рассекая волны океана, держат путь на Кубу, навстречу американским военным кораблям, навстречу столкновению, которое может оказаться роковым в судьбе всего человечества».

* * *

Один из американских журналистов сказал, что обстановка в стране напоминает ему дни, предшествовавшие вступлению Америки во вторую мировую войну.

— Очень похоже, что мы стоим на пороге третьей мировой войны,— сказал он с глубоким вздохом.

В те дни все американцы, у которых были транзисторные приемники, не расставались с ними ни в метро, ни на работе, ни в кафетериях в минуты обеденного перерыва. Новости становились тревожнее час от часу. Передавали, что на юге Флориды войсками забиты все дороги. В Майами все отели заняты офицерами военно-воздушных сил. За городом разбиты палатки военно-полевых госпиталей. Боб Браун выяснил наконец, зачем на стадионе военно-морской базы Ки-Уэст сгружали колючую проволоку, о которой рассказывал ему владелец бара.

Боб Браун был потрясен, когда узнал, что на стадионе строится лагерь для будущих военнопленных.

«Первые выстрелы могут прозвучать завтра или послезавтра»,— передавал из Флориды корреспондент агентства Юнайтед Пресс. «События стремительно толкают мир к войне»,— писал 25 октября обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Уильям Шаннон.

Кампания по взвинчиванию нервов достигла, кажется, предела. Губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер выступил по телевидению с призывом к населению быть готовым к тому, что ядерная бомба, как он выразился, «возможно, поразит Нью-Йорк».

В Лос-Анжелосе люди стали закупать воду в бутылках, консервы, галеты.

Война! Это слово произносили все чаще и чаще то шепотом, то громко, то с болью и тоской, то с гневом и ненавистью. По ночам плачущие дети забирались в кровати к родителям, чтобы «умереть вместе».

* * *

Наступил момент, когда даже редакторы газет, сознательно сеявшие панику, испугались сами. Даже они почувствовали, что мир висит на тонком волоске, что Вашингтон поставил человечество у последней черты, за которой термоядерная катастрофа. Со страниц газет раздался унылый стон о том, что события выходят из-под контроля, что их уже не остановить.

С кем бы из иностранных журналистов я ни разговаривал, каждый из них спрашивал меня: «Как поступит Москва?» Их поражали сообщения американских корреспондентов, которые передавали из Москвы о том, что в Советском Союзе нет паники, что советские люди верят в мудрость своего правительства и уверенно смотрят в будущее, хотя и сознают всю опасность положения.

Мы были в здании ООН, когда по местному радио было объявлено, что журналисты могут получить копию ответа Н. С. Хрущева на телеграмму Бертрана Рассела. Журналисты бегом бросились за письмом.

В тот же вечер американские газеты вышли с огромными заголовками: «Хрущев заявил, что он сделает все, чтобы не допустить войны», «Москва говорит, что она не даст спровоцировать себя».

Американцы впервые за неделю вздохнули с облегчением. «Чувство облегчения прокатилось по средневосточным районам страны, встревоженным действиями президента против Кубы,— писал на другой день провинциальный корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс».— Услышав новость из Москвы, многие постепенно успокаиваются, начинают заниматься своими обычными делами. А глаза их устремлены на Вашингтон, откуда теперь они ждут новостей, надеясь, что это будут добрые новости».

Со страниц некоторых американских газет зазвучали голоса, требовавшие от Вашингтона благоразумия.

«Наша блокада Кубы, даже если мы ее назвали карантином,— это акт войны,— заявил здешний обозреватель Стоун.— Мы требуем от ма-

ленькой соседней страны демонтажа того, что мы называем наступательным оружием. Но мы даже не делаем попытки, в свою очередь, гарантировать ее от нападения, не даем ей гарантий, что мы прекратим подрывную деятельность против нее. Наоборот, мы твердим, что мы не будем вести никаких переговоров с правительством Кубы, а будем продолжать нашу попытку свергнуть его силой. Это не что иное, как развязывание мировой ядерной войны».

* * *

Рассказывают, что американские журналисты, осаждавшие в эти дни Белый дом, госдепартамент и Пентагон, боялись отлучиться даже в туалет, чтобы не пропустить объявления о начале вторжения на Кубу. Что касается журналистов в Нью-Йорке, то они днем и ночью не покидали здания ООН. Здесь, на 38-м этаже, в кабинете исполняющего обязанности генерального секретаря ООН У Тана, шли переговоры дипломатов. Репортеры буквально охотились за заместителем министра иностранных дел СССР В. А. Зориным. Его выступления на заседаниях Совета Безопасности, где он в те дни председательствовал, произвели огромное впечатление на дипломатов и журналистов. Советская делегация, выполняя указания своего правительства, сорвала попытку Вашингтона застать врасплох Совет Безопасности, использовать флаг ООН для прикрытия агрессии США против Кубы.

Советское правительство приняло предложение У Тана, который, действуя от имени большого числа государств — членов ООН, обратился к правительствам США и СССР с призывом воздержаться от шагов, которые могли бы еще больше усложнить обстановку. С большой неохотой на это согласились и Соединенные Штаты. Они вынуждены были сделать это под давлением мирового общественного мнения.

В те дни со всех концов мира шли сообщения о массовых демонстрациях протеста против кубинской авантюры правящих кругов США. У стен ООН бушевали демонстрации простых американцев. Сперва сюда пришли четыреста студентов, потом семьсот женщин. На другой день здесь были одновременно две демонстрации.

Шесть тысяч человек вздымали над головой плакаты «Руки прочь от Кубы!», а рядом, отгороженный от гневной толпы полицейскими заслонами, метался маленький оплеванный человечишка с плакатом «Немедленное вторжение!». Один-единственный против шести тысяч. На следующий день к ООН пришли десять тысяч человек. «Остановите безумие! — требовали участники демонстрации.— Кеннеди, не играйте с огнем!»

А в это время телетайпы, связывающие редакции газет с американской столицей, продолжали выстукивать тревожные новости. Корреспонденты, ссылаясь на анонимных высокопоставленных лиц, сообщили, что подготовка нападения на Кубу не прекращается. «Возможно, что вторжение произойдет на этой неделе,— писала газета «Уорлд телеграм».— Говорят, что это — дело дней или даже часов».

Поздно вечером 27 октября стало известно, что кубинцы сбили над островом американский военный самолет, вторгшийся в воздушное пространство Кубы. Немедленно последовало распоряжение Пентагона о призыве в армию четырнадцати тысяч летчиков-резервистов. Газета «Геральд трибюн» вышла с огромным заголовком: «Следующий шаг — ультиматум». «Первые залпы могут раздаться на рассвете,— писала газета «Дейли ньюс».— Может, это будет последний рассвет в истории человечества».

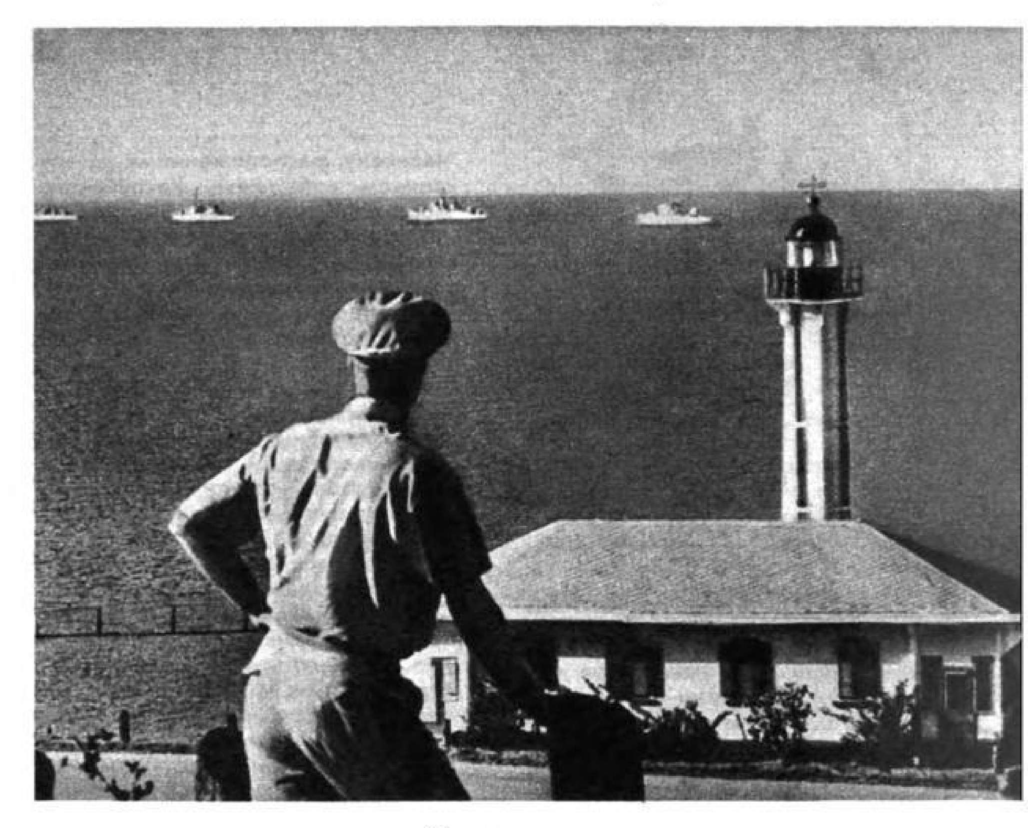
Это была самая тревожная ночь с начала кубинского кризиса. Многим показалось, что уже ничто не сможет предотвратить катастрофу. Мало кто из рядовых читателей обратил внимание на письмо Кеннеди Н. С. Хрущеву, напечатанное на 30-й странице «Нью-Йорк таймс», в котором говорилось, что если оружие, которое США считают наступательным, было бы демонтировано и вывезено с Кубы, то «...мы, с нашей стороны, согласимся — при достижении через Организацию Объединенных Наций соответствующей договоренности для гарантии выполнения и сохранения в силе этих обязательств — а) быстро отменить меры карантина, применяющиеся в настоящий момент, и б) дать заверение об отказе от вторжения на Кубу. Я уверен, что другие страны западного полушария будут готовы поступить подобным же образом».

* * *

Утром 28 октября в телеграфных агентствах, в редакциях газет, телевизионных студиях и на радиостанциях призывно зазвенели колокольчики телетайпов. Они звонят за минуту до передачи важного сообщения, чтобы привлечь к ним внимание журналиста. Но прошло лишь двадцать секунд, как на бумажной ленте появились первые слова: «Москва... Молния... Чрезвычайная важность... Послание Н. С. Хрущева президенту Кеннеди... Хрущев говорит: «Я с уважением и доверием отношусь к Вашему заявлению, изложенному в Вашем послании 27 октября 1962 г., что на Кубу не будет совершено нападения, не будет вторжения, причем не только со стороны Соединенных Штатов, но и со стороны других стран западного полушария, как сказано в том же Вашем послании. Тогда и мотивы, побудившие нас к оказанию помощи такого характера Кубе, отпадают».

Глубокий вздох облегчения пронесся над всей Америкой. Нет, не только над Америкой — над всем миром. В тот же день телетайпы передали заявление Бертрана Рассела: «Человечество чрезвычайно многим обязано Никите Хрущеву за его смелость и решимость предотвратить войну, которая могла начаться по вине американского милитаризма. Я не могу в достаточной мере выразить свое восхищение его здравомыслием, великодушием и готовностью сделать все необходимое, чтобы разрешить чрезвычайно опасный кризис. Если когда-либо дела соответствовали словам, то они соответствуют у Советского Союза. Его конкретное дело положило конец этому кризису. Очередь за Соединенными Штатами и за президентом Кеннеди доказать свою искренность».

...Телетайпы работают не умолкая. Со всех концов земного шара летят слова благодарности за спасение мира. Вот передает корреспондент из Дели: «Премьер-министр Индии Неру направил Н. Хрущеву телеграмму, в которой говорится: «Я хотел бы передать Вам, г-н Председатель, наше горячее одобрение мудрости и мужества, проявленных Вами в связи с обстановкой, сложившейся вокруг Кубы... Ваша государственная мудрость помогла устранить непосредственную опасность. Мы знаем Вашу приверженность делу мира и желаем Вам всяческих успехов в дальнейших усилиях, которые Вы предпринимаете».

Блокада.

Фото из журнала «Пари-матч».

А вот сообщение из Дамаска:

«В здешних газетах опубликовано послание премьера Сирии Халеда эль-Азема Председателю Хрущеву: «Мой добрый и высокий друг, от имени сирийского правительства и от моего лично имени шлю Вам наши горячие поздравления за Вашу мужественную и достойную уважения позицию, которая спасла человечество от полного уничтожения и явилась блестящим примером величия души и хладнокровия, продемонстрированных Вами в урегулировании кризиса, угрожавшего всеобщему миру».

Телеграмма из столицы Бразилии:

«Премьер-министр Эрмес Лима заявил, что Советское правительство кладет конец кубинскому кризису, спасает мир во всем мире и обеспечивает территориальную целостность Кубы».

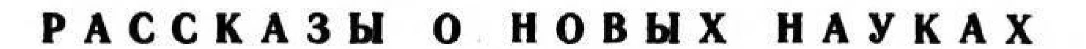
* * *

Так государственная мудрость, разум, высшая выдержка, спокойствие и твердость, проявленные Советским правительством, спасли мир от катастрофы. Не дав себя спровоцировать, Советское правительство лишило авантюристов повода и предлога для военных действий, сорвало планы нападения на Кубу. Разум взял верх над безумием.

Сейчас идут переговоры по конкретным вопросам. Это нелегкие переговоры. Здесь, в Нью-Йорке, мы видим, как упирается Пентагон, как он цепляется за любую возможность снова накалить обстановку. Опасность новых провокаций не исключена.

...Дни и ночи стучат телетайпы в редакциях газет и телеграфных агентств. В их непрерывном стуке слышится биение сердец людей, городов, континентов. Здесь сердце революционной Гаваны и рабочего Парижа, африканской деревушки в джунглях и рыбачьего поселка в Норвегии. Здесь большое горячее сердце Фиделя и встревоженное сердечко малыша из Нью-Йорка, прижавшегося ночью к матери. Здесь спокойное и мужественное сердце Москвы, спасшей человечество от ужасов термоядерной войны.

Нью-Йорк,
по телефону.

ЖИЗНЬ В

Доценты Чары Байриев (справа) и Садык Мамедов готовятся наблюдать обитателей других планет... в микроскоп!

Доцент Ф. ЗИГЕЛЬ

Стремительно мчится к Марсу советская межпланетная автоматическая станция. С каждым часом сокращается расстояние между двумя планетами — естественной и искусственной. С каждым днем мы приближаемся к разгадке тайн Марса, тайн внеземной жизни.

Жизнь за пределами Земли... Сколько споров родила эта проблема! Но уже сейчас бесспорно одно: Марс не мертвый мир. Темные пятна на его поверхности — это области, покрытые растительностью, пусть своеобразной, не во всем похожей на земную, но живой растительностью, подверженной сезонным изменениям. Сейчас может идти спор уже о другом: каких высот в своей эволюции достиг органический мир Марса? Представлен ли он только примитивными формами растительности или на Марсе есть животные и даже родственные нам разумные существа?

Наши знания о внеземной жизни еще очень скудны. Тем более значительной выглядит необыкновенная история, которую мы собираемся рассказать,— история о встрече с живыми обитателями других планет...

Загадка горного воска

...Их космический корабль столкнулся с Землей 12 февраля 1947 года. Со скоростью около 15 километров в секунду он врезался в верхние слои атмосферы. Сопротивление воздуха было настолько сильным, что корабль распался на множество частей. Град железных осколков обрушился на покрытые снегом западные отроги Сихотэ-Алинского хребта.

Когда экспедиция Комитета по метеоритам Академии наук прибыла на место катастрофы, она обнаружила более сотни воронок и тысячи осколков, по всем своим свойствам похожих на типичные железные метеориты. И хотя этот метеоритный дождь выпал на западные отроги Сихотэ-Алинского хребта, он имеет прямое отношение к полуострову Челекену, расположенному на восточном побережье Каспийского моря.

Дело в том, что Челекен — богатейшая сокровищница озокерита, редкого минерала, именуемого обычно «горным воском». В медицине озокерит издавна известен, как одно из эффективных средств при лечении многих болезней. Но почему он обладает этими лечебными свойствами, каков «механизм» благотворного воздействия «горного воска» на поврежденные ткани человеческого организма?

Этого никто не знал.

Но вот недавно ученые из Туркмении Ч. Байриев и С. Мамедов пришли к удивительному открытию. Оказалось, что озокерит населен огромным множеством бактерий, названных учеными озокеритовыми палочками. В одном грамме озокерита встречается до 50 тысяч этих мельчайших живых существ.

У озокеритовых палочек есть замечательное свойство—они легко переносят высокие температуры, смертельные для всех других ранее известных микроорганизмов. Горный воск добывают с огромных глубин (от 300 до 800 метров), где температуры иногда превышают 150 градусов по Цельсию. И тем не менее, извлеченные из этой «зоны смерти», озокеритовые палочки полностью сохраняют свои жизненные и лечебные свойства. Именно поэтому Байриев и Мамедов назвали открытые ими бактерии термофильными (то есть теплолюбивыми) озокеритовыми палочками.

Все это практически ценно, но как будто не имеет никакого отношения к началу нашего рассказа. Однако дальнейший ход пытливой научной мысли привел ученых-медиков к открытию еще большей важности — обнаружению жизни в космосе.

Термофильные «метеоритные палочки»

Более века назад, в 1857 году, знаменитому химику Вёлеру удалось выделить из метеоритов небольшое количество органического вещества, напоминающего озокерит. Позже подобные исследования с положительным результатом проводились неоднократно.

У Чары Байриева и Садыка Мамедова возникла дерзкая мысль: не является ли озокерит, находимый в метеоритах, продуктом жизнедеятельности каких-то микроскопических обитателей космоса?

...И вот на лабораторном столе ученых появляется один из осколков Сихотэ-Алинского метеорита— небольшой кусок железа, внешне напоминающий осколок снаряда. Какие тайны внеземной жизни хранит он в себе?

Чтобы обеспечить полную стерильность эксперимента, кусочек Сихотэ-Алинского метеорита нагревается в автоклаве до температуры 150 градусов выше нуля и в этой непереносимой для обычных живых организмов жаре, под давлением 6—8 атмосфер выдерживается в течение часа. Затем, снова со строжайшим соблюдением условий стерильности, с метеорита снимается весь наружный слой — тот, который имел непосредственное соприкосновение с землей.

Стерильная хирургическая пила разрушает оставшийся осколок до состояния порошкообразной массы, и снова этот порошок стерилизуется при уже описанных условиях. Подобную стерилизацию проходит и мясопептонный бульон — пища для незваных космических пришельцев.

Наконец, наступает решающий этап эксперимента. Метеоритный порошок высыпается в бульон, и получившуюся смесь помещают в термостат с температурой 37 градусов.

Проходят часы, истекают первые сутки. На вторые сутки в бульоне появляется едва заметная тонкая микропленка. В капле бульона, взятой на исследование, видны подвижные микробы, живые пришельцы из космоса!

Смелая гипотеза советских ученых блестяще подтвердилась. Впервые из метеорита была выделена культура живого вещества, живые представители населения космоса.

Но за первыми минутами непередаваемой радости предвидимого и совершенного открытия, радости, вполне понятной только ученым, последовали продолжительные исследования.

...Они похожи на озокеритовые палочки, настолько похожи, что для них сразу родилось и естественное наименование — «метеоритные палочки». К нему вполне можно добавить и термин «термофильные»: в последующих опытах космические пришельцы нагревались до 180 градусов в течение часа и даже после такой сверхгорячей «бани» чувствовали себя отлично.

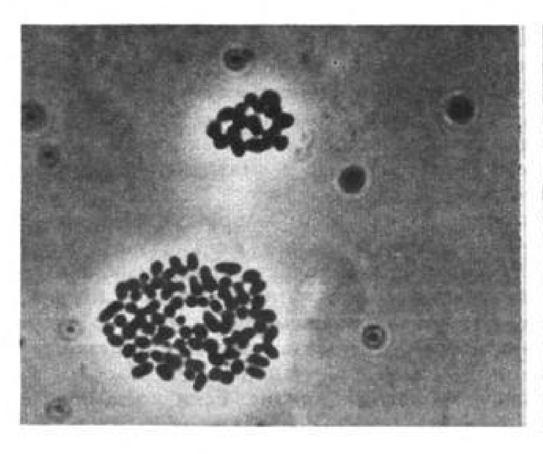
«Метеоритные палочки» выделяют жироподобное вещество матово-белого цвета с особым блеском. Оно играет роль цементирующей основы самого метеорита. Микроколонии «метеоритной палочки» образуют так называемые генеративные нити, легко различимые в микроскоп. Эти нити есть в полном смысле слова наглядное доказательство наличия внутри метеорита живых существ.

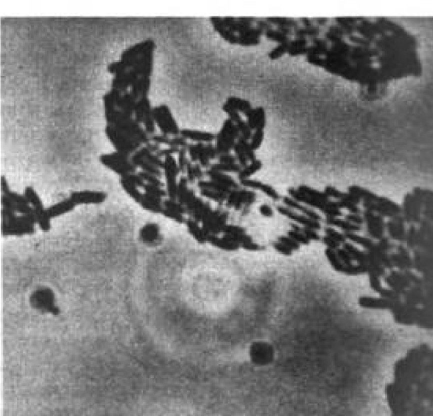
Откуда они!

Полет Сихотэ-Алинского метеорита происходил на глазах стольких очевидцев, что без особого труда удалось определить орбиту небесного гостя. Родиной метеорита оказался пояс астероидов — малых планет, в великом множестве обращающихся вокруг Солнца в основном между орбитами Марса и Юпитера.

Для астрономов это не было неожиданностью. Давно уже признано, что между астероидами и метеоритами нет принципиального различия. Метеоритами мы называем те астероиды, которые благодаря вытянутости своих эллиптических орбит сталкиваются с Землей и падают на ее поверхность. К ним принадлежат самые мелкие из малых планет. Наиболее же крупные астероиды обращаются вокруг Солнца по орбитам, мало отличающимся от окружностей. Их рой и получил название «пояс астероидов». Самая крупная из этих карликовых планет — Церера — имеет попереч-

Вот они, «метеоритные палочки» — живые обитатели космоса. Слева — споры, справа — вегетативные клетки.

МЕТЕОРИТЕ

успешно изучать и до первых экспедиций на планеты. Встреча с живыми обитателями космоса не оставляет в этом никаких сомнений.

ник, близкий к 770 километрам. У большинства других поперечники измеряются километрами и даже метрами.

Наблюдения показывают, что все без исключения астероиды имеют неправильную форму. Несомненно, что это осколки какой-то крупной планеты, некогда обращавшейся вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера. Судя по многим данным, планета Фаэтон — так астрономы назвали эту распавшуюся планету — была крупной, по массе не уступавшей Марсу, а быть может, даже сравнимой с Землей.

Какая-то непонятная катастрофа десятки, а может быть, и сотни миллионов лет назад сокрушила этот мир. Фаэтон распался на части, и его осколки, дробясь затем при бесчисленных столкновениях, в конце концов образовали современный «пояс астероидов».

Сихотэ-Алинский метеорит — один из осколков Фаэтона. В нем и переселились на Землю коренные обитатели погибшей планеты — «метеоритные палочки». Они принесли к нам на Землю нечто очень важное — первое непосредственное, опытное доказательство существования жизни за пределами Земли.

Ответ скептикам

Легко представить себе, что наш рассказ вызовет не только интерес, но и сомнения. Предугадывая вопросы скептиков, попытаемся дать на них ответ.

Вопрос первый: не имеют ли «метеоритные палочки» чисто земное происхождение?

Ответ: полная стерилизация в опытах Байриева и Мамедова исключает такое предположение. Добавим, что по поручению члена-корреспондента АН СССР А. А. Имшенецкого в Институте микробиологии Академии наук летом этого года были проведены контрольно-проверочные опыты с принятием самых строгих средств стерилизации.

И снова из осколков Сихотэ-Алинского метеорита были выделены живые космические микроорганизмы!

Вопрос второй: почему родиной «метеоритных палочек» могла быть только планета Фаэтон?

Ответ: жизнь первоначально может возникнуть только на планете типа Земли, то есть там, где есть вода, атмосфера и подходящая (не слишком низкая и не чересчур высокая) температура. На телах, лишенных атмосферы (например, на современных астероидах), возникновение живого исключено. Так как «метеоритные палочки» найдены в одном из осколков Фаэтона, эти живые существа были когда-то обитателями Фаэтона.

Вопрос третий: могли ли сохраниться в космическом пространстве, где все убийственно для жизни, какие-то живые существа?

Ответ: одно дело — возникновение жизни, другое — борьба за жизнь уже существующего организма. Жизнь, по выражению Г. А. Тихова,— «явление очень упорное». Наши представления об удивительной приспособляемости живых существ далеко не полны. Недавно, например, были оживлены бактерии, «проспавшие» в состоянии анабиоза в соляных кристаллах под землей на глубинах в сотни метров более 200 миллионов лет. А в Австралии два ученых-атомника провели еще более поразительный эксперимент. Земные бактерии они поместили в сосуд с «тяжелой водой», содержащей дейтерий. Через некоторое время бактерии отлично приспособились к новой среде: весь водород в их организме полностью сменился дейтерием. Бактерии, правда, потеряли окраску, стали альбиносами. Но взамен они приобрели удивительную стойкость и уже смогли легко переносить самые убийственные дозы атомной радиации.

Таких примеров множество. Они доказывают, что микроскопические обитатели Фаэтона могли перенести и холод мирового пространства, и космическое излучение, и многие другие «убийственные» в нашем житейском понимании условия. Даже невообразимая длительность путешествия (прежде, чем столкнуться с Землей, Сихотэ-Алинский метеорит совершил вокруг Солнца многие десятки миллионов оборотов) оказалась преодолимым препятствием для всесильной жизни.

Все ли ясно!

Нет, далеко не все. Великое (я смело употребляю это слово) открытие туркменских ученых — лишь начало экспериментального изучения внеземной жизни. Исследование Чары Байриева и Садыка Мамедова перекликается с подобными исследованиями, проводимыми сейчас и у нас и за рубежом.

В метеоритах все чаще и чаще находят разнообразные следы жизни, остатки органического мира планеты Фаэтон. Теперь уже несомненно, что такая планета действительно существовала, хотя некоторая доля метеоритов, вероятно, не является ее осколками, а имеет иное происхождение.

Что погубило этот мир? Каких высот в своем развитии достигла жизнь на Фаэтоне? Не был ли Фаэтон обитаем и не найдем ли мы когда-нибудь в упавших на Землю метеоритах следы далекой, давно исчезнувшей цивилизации?

Вот лишь некоторые из вопросов, на которые современная наука, безусловно, способна дать ответ. Внеземную жизнь можно успешно изучать и до первых экспедиций на планеты. Встреча с живыми обитателями космоса не оставляет в этом никаких сомнений.

Снова о Марсе

Имеет ли рассказанная история отношение к Марсу? Безусловно, имеет, и притом самое непосредственное.

Никто не станет спорить с тем, что условия для жизни на Марсе куда лучше, чем на любом из астероидов. Но если другие астероиды населены «метеоритными палочками» (что очень вероятно), значит, какие-то микроорганизмы тем более могут существовать и на Марсе. Работы Байриева и Мамедова косвенным образом доказывают, что на Марсе есть не только растения, но, по-видимому, и какой-то животный мир, по крайней мере представленный микроорганизмами.

С другой стороны, можно предположить, как это сделал известный современный биохимик Д. Холдейн, что на пути следования советской межпланетной автоматической станции «Марс-1» повсюду между Землей и Марсом да и вообще в межпланетном пространстве рассеян «астропланктон» — мириады мельчайших живых обитателей космоса, избравших себе в качестве жилища крошечные крупинки космической пыли. Открытие туркменских ученых придает большую вероятность и этой гипотезе.

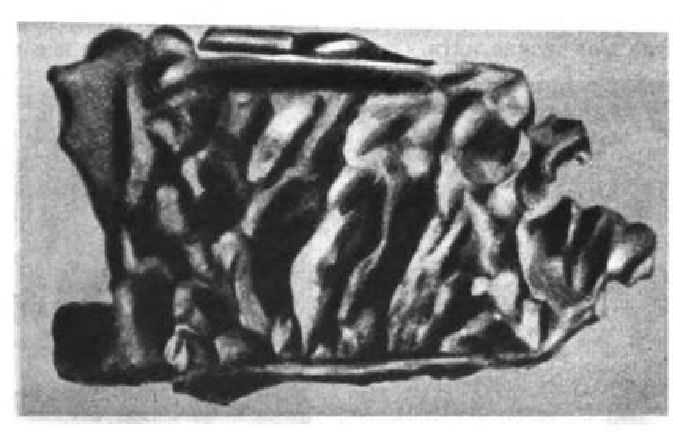
Конечно, микробы — это не марсиане. И, говоря об обитателях других планет, мы обычно подразумеваем существа, подобные себе. Но как раз Марс и есть та планета, на которой, быть может, существуют и самые высшие, разумные формы жизни.

Работы по **биологии метеоритов** (назовем так эту новую, родившуюся на наших глазах область естествознания) и первое исследование Марса с межпланетной автоматической станции — две формы одного и того же общего дела — **экспериментального изучения внеземной жизни.**

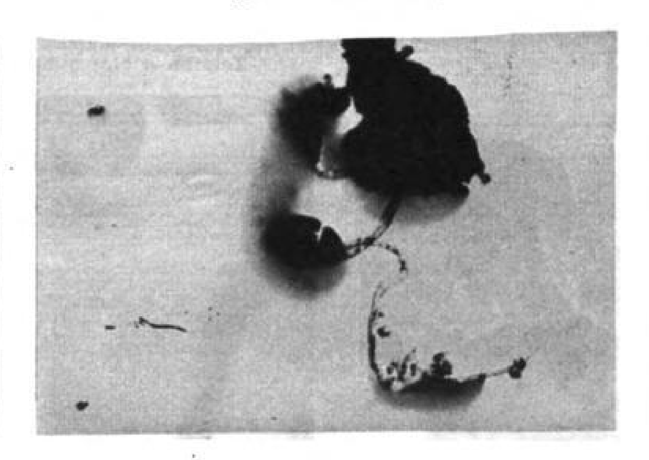
И мы надеемся (не без оснований), что за первой встречей с живыми микроскопическими обитателями космоса непременно последует рано или поздно, на Марсе или на Земле, а может быть, и где-нибудь еще встреча «на более высоком уровне». Встреча представителей двух разных, но все же родственных цивилизаций космоса.

Как знать, не наступит ли она еще раньше, чем это предполагают самые смелые земные фантасты?

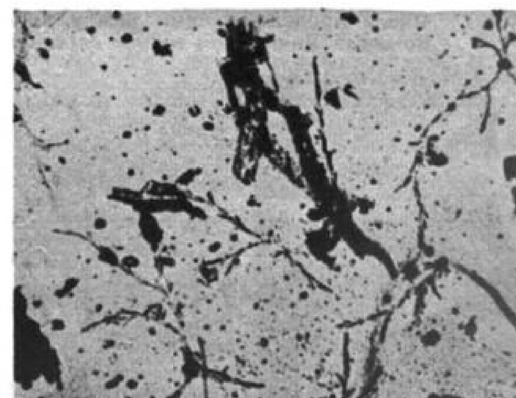

А это один из осколков их космического корабля — Сихотэ-Алинского метеорита.

Кристаллы метеорита соединены генеративной нитью. В конце нити — органическое жироподобное вещество.

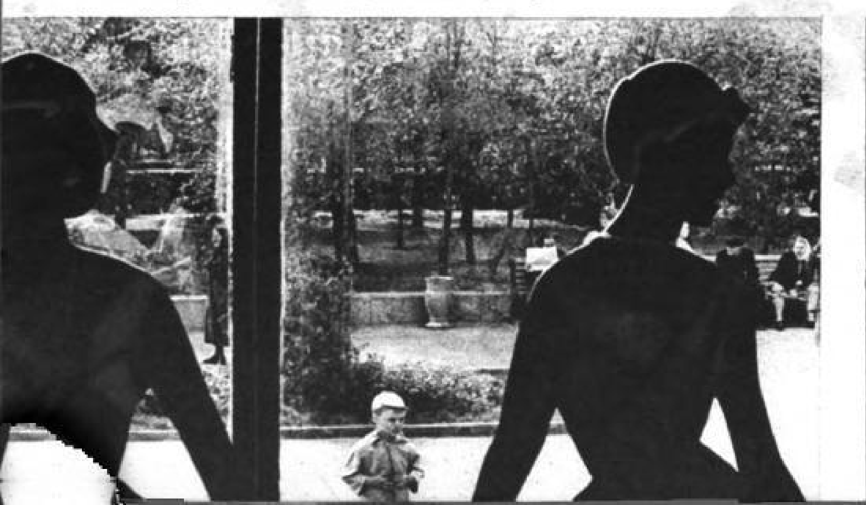

Ветвистые образования состоят из «метеоритных палочек».

Любопытно, куда это меня сегодня привезли?

Алешка покупает

Илья ФРЕЗ, кинорежиссер.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Здесь продаются одни только мамы... Но когда наконец я куплю себе папу?..

Теперь я сам знаю, куда мне нужно идти.

Опять, наверно, вы все перепутали!

По правде сказать, вовсе не Алеша покупает себе папу. У него и папа есть и мама. А вот у Димки, такого же пятилетнего мальчишки, роль которого Алеша играет в кино, есть одна только мама, а папы почему-то нет...

О том, как однажды отправился Димка в магазин за папой, расскажет наш будущий широкоэкранный фильм «Я купил папу», который снимается сейчас на Московской студии имени М. Горького [1].

Семь с половиной тысяч ребят просмотрели мы в поисках Димки, посетили более трехсот детских садов, а нашли своего героя, как это бывает, совершенно случайно, когда он копался в песочке на Сретенском бульваре. Это был Алеша Загорский. Сейчас ему уже исполнилось пять лет, а когда он пришел к нам впервые, было немногим больше четырех. Как видите, он очень маленький артист. Он и сейчас еще не твердо отличает правую руку от левой. Даже о кино имел весьма смутное представление. Как выяснилось, видел только «мультипульти» и случайно еще одну картину со странным названием «Полосатый рельс»...

Меня часто спрашивают: «Как вы работаете с детьми?» Я неизменно отвечаю: «С каждым по-разному». Вот с Алешей работается хорошо. Мальчишка он на редкость понятливый, удивительно трудолюбивый и послушный, лишенный всяческих капризов, обычно свойственных этому возрасту. Но, конечно, и с ним бывает нелегко. Ведь роль-то у него большая и сложная, ему приходится и плакать, и смеяться, и передавать сложнейшие чувства.

Для Алеши не существует условностей кинематографа.

— Вы же все перепутали!..— воскликнул он однажды на съемке.

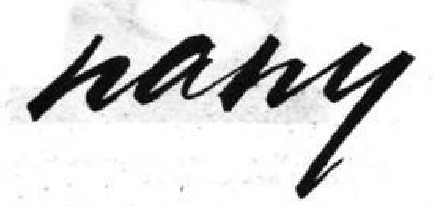
— Как это перепутал?

— А так. Сначала мы нутрь магазина снимали, а теперь только входим туда. А нужно наоборот!

Алеша был прав. По молодости лет он не учел только «специфики» кинематографа, где подчас приходится сначала снимать конец, а в конце — начало...

Алеша верит во все происходящее с ним на съемке. И еще он верит, что, кроме его собственных родителей, у него есть теперь еще и другие. Он привязался к ним и зовет их тоже мамой и папой, но в отличие от настоящих называет «картинными». Пропажа любимой игрушки может вызвать у него так необходимые иногда всамделишные слезы. Одним словом, мы стараемся, чтобы наш маленький исполнитель всегда оставался мальчишкой, таким, какой он есть в жизни, и не пытаемся превращать его в «артиста».

[1] Сценарий В. Долгого, режиссер — И. Фрез, оператор — М. Кирилов.

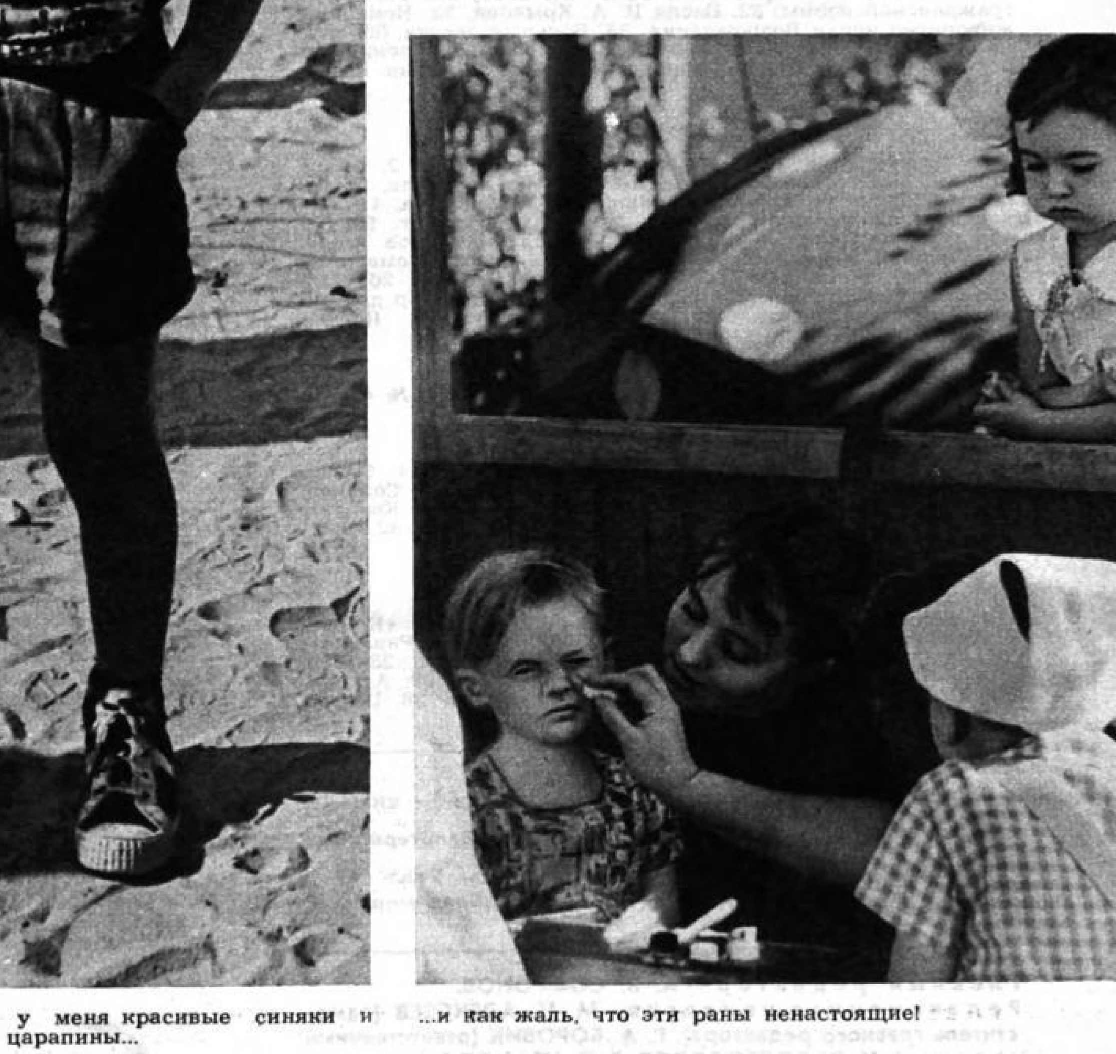

Посмотрите, какие у меня красивые синяки и царапины...

Разговор со «знаменитостью».

А вот во дворе нашлась и «кинозвезда».

...и как жаль, что эти раны ненастоящие!

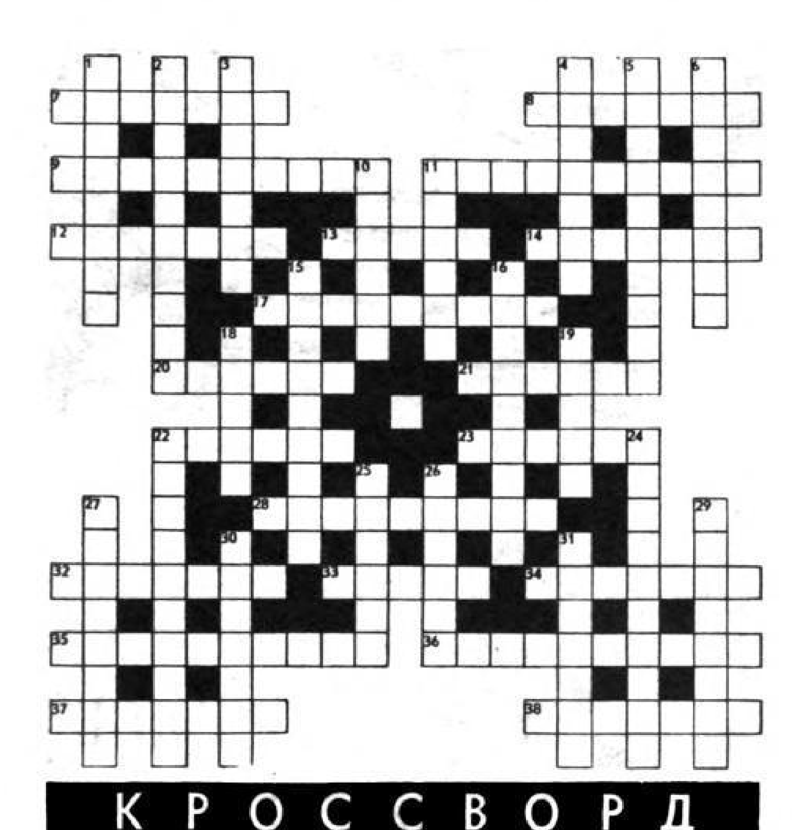
А может быть, мой папа — космонавт?

Не грех и поспать среди бела дня после трудов праведных...

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 8. Победитель в конкурсе. 9. Предмет школьной программы. 11. Союзная республика. 12. Корабельный трос. 13. Старейший ледокол советского флота. 14. Врач. 17. Пьеса М. Горького. 20. Карикатурист, народный художник РСФСР. 21. Вид термической обработки металлов. 22. Пионер ракетостроения в СССР. 23. Созвучие. 28. Герой гражданской войны. 32. Басня И. А. Крылова. 33. Немецкий живописец эпохи Возрождения. 34. Большая звезда. 35. Наука о числах. 36. Телеграфное сообщение. 37. Грузинский народный инструмент. 38. Характеристика излучения светящейся поверхности.

По вертикали:

1. Травянистое растение с яркими цветками. 2. Опора крыши. 3. Русский актер-трагик. 4. Сорт хрусталя. 5. Город в Сибири. 6. Кубинский танец. 10. Месяц года. 11. Новое государство в Африке. 15. Молочный продукт. 16. Отдел грамматики. 18. Река, впадающая в Черное море. 19. Пушной зверек. 22. Машина для разделения смеси на составные части. 24. Чтец. 25. Украинский поэт. 26. Изоляционный материал. 27. Плотная ткань. 29. Прибор для определения плотности жидкости. 30. Металл. 31. Певчая птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

8. Белуха. 10. Педагог. 11. Резеда. 13. Румб. 14. Осциллограф. 15. Ринг. 16. Сарафан. 21. Экзамен. 24. Солонец. 25. Олдингтон. 26. Сказитель. 28. Лопухов. 29. Квартал. 33. Гуанако. 39. Ямал. 40. Горихвостка. 41. Роса. 42. Нептун. 43. Училище. 44. Оратор.

По вертикали:

1. Белуга. 2. Савона. 3. Спица. 4. Масленок. 5. «Егерь». 6. График. 7. Здание. 9. Умбра. 12. Зурна. 17. «Разлука». 18. Фолиант. 19. Соколов. 20. Ренклод. 22. Застава. 23. Маслина. 27. «Журавель». 30. «Вымпел». 31. Рулет. 32. Аргунь. 34. Ушаков. 35. Норка. 36. «Космос». 37. Арбуз. 38. Штрек.

На первой странице обложки: Алеша Загорский — киноартист.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Первый снег. Урал.

Фото П. Владимирова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00571. Подписано к печати 14/XI 1962 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 2000. Заказ 3092

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МИМОХОДОМ

Карел Чапек ехал в трамвае. Он сидел на скамье, глубоко задумавшись. Когда к нему подошел контролер и попросил билет, Чапек полез в карман, однако по рассеянности вынул часы и показал контролеру. Тот так же задумчиво посмотрел на циферблат, молча козырнул и удалился.

x x x

Всемирно известный тенор Энрико Карузо совершал турне по Америке. В дороге его машина остановилась. Пока шофер устранял неисправность, Карузо зашел на ближайшую ферму, где был сердечно принят всей семьей. На прощание фермер спросил, с кем же он имел честь встретиться.

— Я Карузо,— ответил тенор.

— Боже мой! Вот удивительно! — воскликнул изумленный фермер.— Никогда не думал, что я смогу встретиться с вами! Представь себе,— обратился он к жене,— перед нами великий путешественник. Тот, о котором мы столько читали. Робинзон Карузо! Робинзон Карузо!

x x x

Как-то Пуччини, прогуливаясь по улицам Милана, остановился возле шарманщика, который играл отрывок из его оперы «Богема».

— Это нужно играть немного быстрее,— сказал Пуччини.

На другой день уличный музыкант стоял на том же месте. Рядом с его шарманкой красовалась надпись: «Ученик Пуччини»

НА „ОГОНЁК"

К. К. Михайлов, В. П. Марецкая и Р. Я. Плятт.

В творческом клубе на «Огонек» состоялся праздничный концерт.

Сердечно встретили присутствующие Веру Петровну Марецкую, Ростислава Яновича Плятта и Константина Константиновича Михайлова, которые показали сцены из спектаклей театра имени Моссовета.

...Мелодия старинного романса сменяется стремительным ритмом цыганской песни... Поет под аккомпанемент гитары артист театра «Ромэн» Н. Сличенко.

Лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады Ю. Филимонов исполнил шуточные стихи и пародии.

Со своими новыми песнями выступила композитор Нина Илютович. Их пели артисты А. Безверхий и В. Трощинский.

В конце выступил со своими песнями офицер Советской Армии О. А. Соколов-Тобольский.

Н. Сличенко.

Ю. Филимонов.

А. Безверхий и В. Трощинский.

— Можно получить у вас напрокат совесть?

ТМО

ТЕАТР МИНИАТЮР «ОГОНЬКА»

Прокатный

Исполняет СЕРГЕЙ ФИЛИППОВ.

Сценарий Феликса Кривина. В постановке принимали участие Лев Самойлов, Галина Санько.

— Мне бы хитрости... Нет? Вся вышла?

— Порядочен! Сейчас примерю...

— Ах, простите, пожалуйста, мне совестно: я пролез без очереди...

ПУНКТ

— Пардон, не найдется ли у вас немножко хамства?

— Что ты мне подсунул!!! Да я тебе...

— Взять ума? Нет уж, извините, у меня хватает.

— А это у вас что вон там — в уголочке? Чувство юмора? Дайте-ка на пробу.

— Эге! Оказывается, никакого прокатного пункта нет. Все это просто выдумка. Меня разыграли. А впрочем, нужен ли такой прокатный пункт хорошему человеку?..

Цена номера 30 коп.